

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ВѢСТНИКЪ.

Ж У Р Н А Л Ъ

СЛОВЕСНОСТИ, ТЕАТРА, НОВОСТЕЙ и МУЗЫКИ,

НА 1831 ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Егоромъ Аладьинымъ.

ТОМЪ IV.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА
ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1831 ГОДА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи пр дспавле-
ны были въ Ценсурный Комитетъ *три*
экземпляра.

С. -Петербургъ, 19 Мая 1831 года.

Ценсоръ *П. Гаевскій.*

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

С Т Е П У Ш К А.

(Истинное происшествіе.)

Въ одной изъ губерній средней полосы, далеко отъ уѣзднаго города, въ небольшой деревенькѣ—родился и выросъ Степушка, *ненаглядный* сынокъ Филиппа Филипповича Пузырева и Снепаниды Кириловны Пузыревой

Всѣ, кому только случалось быть хотя нѣсколько знакомымъ со Снепушкою, когда уже онъ, будучи лѣтъ 18-ми, служилъ въ армейскомъ полку Подпоручикомъ—всѣ, судя по его прекрасной наружности, живому, пылкому характеру, и по рѣдкой способности перенимать и поспѣвать дѣлать все, что только ему отчасти нравилось: всѣ согласно думали и говорили, что природа произвела его на свѣтъ въ часы лучшаго своего расположенія, и что если бы онъ получилъ хорошее образованіе, или бы, по крайней мѣрѣ,

не былъ до чрезвычайности избалованъ своею маменькою, но, навѣрное, былъ бы, наконецъ, человѣкомъ и счастливымъ, и извѣстнымъ въ свѣтѣ.—Но взглянемъ на его родителей.

Филиппъ Филиповичъ имѣлъ около 50-ти лѣтъ онъ роду, и со всеми признаками крѣпкаго сложенія, высокій рослъ; былъ человѣкъ не слишкомъ просвѣдъ, не слишкомъ добрый, покорный мужъ, плохой отецъ, заживочный помѣщикъ и крѣпокъ на ухо, когда кто либо изъ сосѣдей иногда, при нуждѣ, просилъ его о денежномъ пособіи. Всѣхъ дѣтей своихъ, — ихъ было семеро — любилъ онъ одинаково; но если Степушку и называлъ онъ иногда ненагляднымъ, и ласкалъ его болѣе чемъ прочихъ своихъ дѣтей, то это не потому, чтобъ онъ чувствовалъ къ нему особенную нѣжность; а потому, что шакъ угодно было его супругѣ Степанидѣ Кіриловнѣ.

Степанида Кириловна была женщина по же не молодая—лѣтъ подъ сорокъ и по же высокаго росла, но не крѣпкаго сложенія, сухая. Въ цвѣтущія свои лѣта, имѣя пріятную наружность и будучи до ослѣпленія любима своими деспотичными родителями, она, подъ руководствомъ своей чувствительной маменьки, жила и наслаждалась жизнью въ губернскомъ городѣ, убивая время счастливой молодости въ вихрь свѣтскихъ удовольствій.— Любила заниматься собою, нарядами;

любила и всячески спаралась, для увеличиванія въ подругахъ своихъ зависти, имѣть около себя толпу нѣжныхъ воздыхашелей. Но попомъ, когда уже она съ лѣпами начала примѣнно увядать, когда уже изъ толпы ея нѣжныхъ прислужниковъ оказалось много дезертеровъ, а оставшіеся—въ помъ числѣ былъ и Филиппъ Филипповичъ — вздыхали, угождали и домогались ея руки изъ интереса — (Степанида Кириловна была богатая невѣста) тогда и она, въ свою очередь, сдѣлалась недовольною собою, капризною, злорѣчивою и, слѣдовательно, непернимою въ обществѣхъ. На послѣдокъ, въ досадъ, она вышла за неопытнаго и перпѣливаго Филиппа Филипповича, уѣхала съ нимъ въ свою деревню, проклинающая городъ и всѣхъ своихъ знакомыхъ. Но мирная, уединенная тишина деревенская, могла ли нравиться такой женщинѣ, которая, можно сказать, вскормлена упоенною нѣгою праздности и взлелѣна удовольствіями и ласкою моднаго свѣта? Разумѣется, что деревня показалась ей пропитанною пюрьюмою, мужъ—пюремщикомъ, а единообразная сельская жизнь—наказаніемъ. Не умѣя чѣмъ заняться, не слыша ни оупъ кого похвалъ ни себѣ, ни своимъ нарядамъ, она день ото дня спавовилась своенравнѣе, грубѣе. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ печеніи коихъ Степанида Кириловна успѣла прибратъ къ рукамъ своимъ

Филиппа Филипповича до такой степени, что онъ, не смѣя при ней кашлянуть, уходилъ въ другую комнату; и не смотря на то, что Богъ благословилъ супружество ихъ четырьмя сыновьями и тремя дочерьми—она ничуть не сдѣлалась благоразумнѣе, добрѣе сердцемъ. За малѣйшія, неумышленныя упущенія по домашнему обиходу, она любила задѣлать по уху и вътрреннюю горничную дѣвку и добрую мамку, и пьянчушку повара и стараго, честнаго дворецкаго. Рѣдкій день проходилъ, чтобъ она на когонибудь изъ домашнихъ, начиная отъ мужа до конюха, и отъ послѣдней коровницы до старшей своей дочери, не на шумѣла, не накричала и не замахнулась бы чѣмъ попало. Одинъ лишь ненаглядный Степушка не боялся своей сердитой маменьки и смѣло дѣлалъ все, что только ему входило въ голову.

Напрасно почтенный, умный деревенскій Священникъ, отецъ Михаилъ, обучавшій въ домѣ Пузыревыхъ дѣтей ихъ чтенію, числописанію, Ариѳметикѣ и Закону Божію, напрасно по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, обѣдая у своего помѣщика, проповѣдывалъ ему при женѣ его, что родители, для счастья своихъ дѣтей и для собственнаго своего благополучія, никогда не должны обнаруживать предъ ними того нѣжнѣйшаго чувства родительской любви, которое къ одному изъ

нихъ отъ самаго рожденія, по непоспѣжимо-
му таинству природы, влечетъ сердца ихъ
болѣе нежели къ прочимъ дѣтямъ; что
въ пропивномъ случаѣ въ брашьяхъ и сес-
страхъ любимца, посѣвающа худыя плевелы:
зависть, лукавство и нелюбовь къ родите-
лямъ; а въ любимцѣ-ребенкѣ, мало по малу
распушъ и укореняюща: своеволіе, себялю-
біе, гордость и своенравіе, не говоря уже о
томъ, что всѣ дѣтскія шалости любимца,
на которыя родители не обращаютъ внима-
нія, или лучше сказаць, не видятъ ихъ, оп-
влекаютъ его отъ первоначальнаго ученія,
поселяютъ въ немъ опвращеніе отъ наукъ, и,
попомъ, непримѣнно съ лѣпами, дойдя до
дурныхъ поступковъ, дѣлаютъ его совер-
шеннымъ невѣждою и вреднымъ членомъ об-
щества.

Напрасно отецъ Михаилъ, для сильнѣйшаго
убѣжденія Пузыревыхъ, иногда приносилъ съ
собою какую-то печатную книгу и паль-
цомъ показывалъ имъ страницу, гдѣ, между
прочимъ было сказано: „Давно изъ мно-
жества примѣровъ извѣстно, что дѣти, къ
какому бы онѣ ни принадлежали сословію,
даже къ крестьянскому, слишкомъ лю-
бимыя своими родителями, въ особенноти
же матерями, вступающъ въ свѣтъ сла-
быми и въ физическомъ и въ нравственномъ
опношеніяхъ. Привыкнувъ съ нѣжныхъ лѣтъ

своихъ житіѣ подъ теплымъ крылышкомъ слишкомъ чувствительной маменьки и не встрѣчая препяшствій малѣйшимъ своимъ прихотямъ, онѣ, вступивъ въ свѣтъ, дѣлающіяся неспособными къ перенесенію легкихъ прудовъ и самыхъ легкихъ препяшствій своимъ прихотливымъ желаніямъ.“ — Все это говорено и читано было напрасно! Филиппъ Филипповичъ, развалившись въ своихъ Волперовскихъ креслахъ, дремалъ ошъ спасительныхъ поученій и печальныхъ доказательствъ Священника. Степанида Кириловна тоже, разряженная по праздничному, сидѣла на софѣ, прошивъ большого 3-хъ-аршиннаго зеркала, и, любуясь собою, или новымъ своимъ чепчикомъ, не слушала ошца Михаила; а Степушка, набравъ въ большой деревянный носъ помой, подкрадывался къ гуляющимъ по деревнѣ въ нарядныхъ сарафанахъ дѣвушкамъ, къ молодымъ женщинамъ, и, мѣпя прямо въ глаза, обрызгивалъ имъ лицо и нарядные сарафаны; и ни одна изъ нихъ никогда не смѣла пожаловаться на него.

Уже Степушкѣ исполнилось 14 лѣтъ, а онѣ все еще не переставалъ забавляться и забавлять своихъ родителей разными шалостями, просиравшимися ошъ раззоренія вороньихъ гнѣздъ, до подсапириванія шайныхъ свидавій горничныхъ дѣвокъ и молодыхъ дворовыхъ женщинъ, съ лакеями и деревенс-

кими парнями, до неуваженія своего почтеннаго учителя, добраго и умнаго деревенскаго Священника, который слишкомъ чешыре года съ рѣдкимъ шерпѣніемъ вдабливалъ въ его лѣнливую голову Русскую грамоту и первую часть Арифметики; и между тѣмъ, при каждой шалости, съ ангельскою кротостію, дѣлалъ ему спасительныя увѣщанія, призывая его къ благо нравію. Напрасно: Спенушка, выпуча глаза, смотрѣлъ на Священника и, казалось, слушалъ его со вниманіемъ, но въ самомъ дѣлѣ, въ его головѣ формировались новыя планы для новыхъ шалостей, которые пошчасъ, по окончаніи увѣщаній, и приводились въ исполненіе.

Такимъ образомъ, почтенный опець Михаилъ шерпѣлъ и бился съ нимъ до Арифметической прогрессіи; потомъ видя, что все его увѣщанія отскакиваютъ отъ Спенушки, какъ отъ стѣны горохъ, и что его шалости роспушъ въ прогрессіи Геометрической: оставилъ его на волю Божию и рѣшишельно онказался не только отъ преподаванія Арифметики, но и отъ 15 рублей, слѣдусмыхъ ему за послѣдніе шесть мѣсяцевъ ученія.

Сперва - было эпа неожиданная новость встревожила отца и мать до такой степени, что они, когда Священникъ, поблагодаривъ ихъ за хлѣбъ и соль, ушелъ домой, приказали позвать къ себѣ Спенушку и по-

номъ неудовольствія спросили у него о причинѣ негодованія отца Михаила; но поспѣшь успокоились: Степушка увѣрилъ ихъ, что онъ гораздо больше знаетъ Священника, и что самъ, безъ его ушомительныхъ толкованій, можетъ окончить всю Ариемешку въ три дня.—Филиппъ Филипповичъ радовался сему оправданію потому, что уже не спанетъ даромъ плащичъ за сына своего денегъ, а Спеспанида Кириловна была спрахъ какъ довольна потому, что сынокъ ея гораздо больше знаетъ Священника и что уже, по ея мнѣнію, брюзгливый отецъ Михайль, не будетъ надоѣдать ей безпрестанными своими доносами на милого, ненагляднаго Степушку.

Спусти послѣ сего годъ, въ продолженіи коего Степушка въ отношеніи роста и познаній, сдѣлался болванъ болваномъ, а въ отношеніи нравственности, порядочнымъ негодемъ, случился рекрутскій наборъ. Съ небольшой деревеньки Филиппа Филипповича слѣдовало поставить двухъ рекрутъ.—Назначенныхъ пришло время сдавать. При сей вѣрной оказіи, Филиппъ Филипповичъ, имѣя небольшое дѣльцо въ губернскомъ городѣ, поѣхалъ туда самъ и взялъ съ собою для оконировки Степушку.

Во время пребыванія въ губернскомъ городѣ, случилось Филиппу Филипповичу бытъ въ од-

ной пріятельской компаніи и встрѣпшсь-ся шамъ съ молодымъ, веселымъ и, судя по орденамъ, храбрымъ армейскимъ Полковникомъ. И вопшь слово за слово, разговорась, узнаешь онъ, что Полковникъ—сынъ Благо-разумова, того самаго, съ которымъ Филиппъ Филипповичъ лѣпш 15 служилъ въ одномъ полку, пилъ и ѣлъ изъ одной чаши и, всѣмъ, чѣмъ могъ, дѣлился пополамъ.

При семъ радостномъ опкрытіи, восхище-ніе Филиппа Филипповича было невыразимо: онъ едва не раздавилъ молодаго Полковника въ сильныхъ своихъ объятіяхъ и чуть не задушилъ его поцѣлуями. Полковникъ съ своей стороны по же, чувствуя всю цѣну хотя просныхъ, неупотребительныхъ въ губер-нскихъ городахъ, но искреннихъ, простосер-дечныхъ ласкъ челоука почтеннаго и при томъ друга своего отца, спарался какъ могъ, проще показашъ ему свою радость и увѣ-ришь, что эта нечаянная встрѣча и ласки друга отца его, дѣлають ему столько жъ удовольствія сколько и чести. --- На другой день Полковникъ, послѣ военного визита, сдѣ-ланнаго имъ Губернатору во всей формѣ, заѣхалъ на кварширу Филиппа Филиповича и долженъ былъ пробесѣдовать съ нимъ до позд-няго вечера.

Во время эшаго бесѣдовація, Степушка, неу-гомонный въ деревнѣ, но какъ шеленокъ смир-

ный и неловкій въ городѣ, плѣнился воинскимъ нарядомъ Полковника. То тихо, на цыпочкахъ, подкрадывался онъ къ сполу, на коемъ лежали шарфъ, киверъ, и съ удовольствіемъ допрогиваясь до всего, особенно до блестящей чешуи, улыбался, пошмащивая украдкой на Полковника; по на цыпочкахъ же, подходилъ къ стоявшей въ углу золотой шпагѣ и пошевеливалъ ее, сперва на мѣснѣ, а потомъ осмѣливался брать ее въ руки и даже примѣрять къ правому своему боку; по стоя у печки, и тихо вздыхая, смонрѣлъ онъ съ зависію на серебряные шпоры, золотые эполеты и бриліантовый на шеѣ крестъ.

Вниманіе, съ коимъ Спепушка разсматривалъ военную одежду, начиная отъ шпоръ до верхней красной выпушки мундирнаго воротника, было замѣчено Полковникомъ. „Конечно вамъ нашъ мундиръ нравился?“ ласково спросилъ его Полковникъ. Отъ сего неожиданнаго вопроса Спепушка покраснѣлъ первый разъ въ жизни и не зналъ куда дѣвать глаза и руки.—„Да-съ, славный мундиръ;“ отвѣчалъ онъ съ прудомъ Полковнику, пошупивъ глаза въ землю.—„Не хотите ли и вы имѣть такой же?“ продолжалъ Полковникъ, „это очень легко; стоить только вамъ опредѣлиться въ полкъ и лишь пятнадцать, со всевозможнымъ усердіемъ и

пользою, послужить Царю и Опечесиву, не жалѣя ни трудовъ своихъ, ни здоровья, ни крови и, даже, если нужно будетъ, и самой жизни.“ Степушка еще болѣе покраснѣлъ, смѣшался, и, не зная что отвѣчать, смотрѣлъ на своего батюшку.— „Въ самомъ дѣлѣ, почему вы, почтеннѣйшій Филиппъ Филипповичъ,“ говорилъ Полковникъ, оборотясь къ отцу, „до сѣхъ поръ держите вашего сына дома, въ деревнѣ? Почему вы эдакаго рослаго, красиваго и спашнаго молодца не опредѣлите въ службу? Онъ уже въ такихъ лѣткахъ, что безъ труда могъ бы привыкнуть къ военной жизни.“—Конечно, отвѣчалъ отецъ; да я не знаю если у него охота. — „Хоть сей часъ, хоть сію минушу, шолько бы меня сдѣлали поскорѣе Офицеромъ!“ вскричалъ Степушка, прервавъ съ живоспѣію рѣчь своего батюшки, твердымъ голосомъ.— И не удивительно: еще при первомъ его прикосновеніи къ блестящей чешуѣ, родилась въ немъ охота бытъ Офицеромъ, и потомъ, по мѣрѣ, какъ онъ допрогивался до эпишкетовъ, шарфа, до золотой шпаги, увеличивалась, и, наконецъ, отъ шуточнаго предложенія вступить въ службу, превратилась въ пламенное желаніе видѣть себя въ военномъ мундирѣ. — Полно братъ!“ сказалъ отецъ, ударивъ сына по плечу, „гдѣ тебѣ служить! Да если бы не шумя дѣло дошло до эшаго, такъ шы бы

такой поднялъ плачь и ревъ, что хоть изъ дому бѣги вонъ! Да и матушка-то швоя, разставшись съ побою, утонула бы въ своихъ слезахъ.

— Пустое! опивчалъ сынъ съ неудовольствиемъ, я бы и охъ, не молвилъ; да не поглядѣлъ бы и на матушкины слезы, поплакала бы себѣ да и переспала бы.— „Дѣло! безподобно! сказалъ Полковникъ смѣясь; „знаете ли что, почтеннѣйшій Филиппъ Филипповичъ? Я могу и гошовъ сдѣлать для васъ такую услугу, которая принесетъ вамъ выгоду, сыну вашему счастье, а мнѣ и моему батюшкѣ, какъ искреннему вашему другу, большое удовольствіе: отдайте вашего сына на мои руки? Вотъ вамъ честное слово, что я буду заботиться о немъ, какъ о родномъ своемъ братѣ?“—Филиппъ Филипповичъ молчалъ и съ улыбкою, означавшею невозможность, покачивалъ головою.— „Чего шутъ думать, продолжалъ Полковникъ, рѣшайтесь! И я бы завтра же повезъ его съ собою въ полкъ, и шотчасъ сдѣлалъ бы его юнкеромъ; а шамъ, года черезъ два, или еще и прежде, смотря попому, какъ онъ будетъ прилѣжать къ наукамъ и службѣ, онъ уже прикашилъ бы къ вамъ въ отпускъ Офицеромъ и такимъ молодцомъ, что вы бы съ вашею супругою не нарадовались, не налюбовались бы имъ. Кромѣ сего вы бы избавились

ипѣхъ затрудненій, хлопотъ и издержекъ, которія вамъ предстоятъ и необходимы, для опредѣленія его въ Волоншерный Корпусъ.“ Филиппъ Филипповичъ все молчалъ, но уже не улыбался и не покачивалъ головою.—„Праворѣшайтесь, продолжалъ Полковникъ, чего шупъ думаетъ. Завтра, вотъ такъ, въ чемъ онъ теперь естъ, я уложилъ бы его въ покойную кибитку, окушалъ бы всего шубами, и, не требуя отъ васъ ни на дорогу, ни на обмундировку двухъ копѣекъ, преблагополучно бы довезъ его до своего полка. Я васъ увѣрю и въ послѣдствіи докажу вамъ, что онъ, находясь въ моемъ полку, подъ особеннымъ моимъ надзоромъ, не будетъ ни въ чемъ нуждаться и никогда не спанетъ безпокоить васъ просьбами о денежномъ пособіи; я все это беру на себя.“

Съ начала сего предложенія родительская нѣжность разстаться съ сыномъ и страхъ явиться безъ него къ женѣ, обожавшей Степушку до безумія, долго боролись съ карманными выгодами отца; но, наконецъ, инпересъ одолѣлъ. Филиппъ Филипповичъ согласился, Степушка то же. На другой день, послѣ слезнаго распаванья, ненаглядный сынокъ съ новымъ своимъ покровителемъ, покашилъ въ полкъ, въ Волынскую губернію, въ мѣстечко **Неизвѣстное.**

Почтенный Филиппъ Филипповичъ, не смо-

пря на прескучій морозъ, стоялъ у воротъ и сквозь слезы провожалъ глазами кибипку, мчавшуюся по длинной городской улицѣ и заключающую въ себѣ любимое его дѣпище. . . . Кибипка скрылась; но онъ все еще стоялъ и провожалъ сына ушами: былъ слышенъ звонъ колокольчика Звонъ колокольчика не спалъ доходишь до его слуха: родителъ пляжко вздохнулъ, залился слезами, тихо поворожился направо кругомъ, вошелъ въ комнату и спалъ по ней шагать, облегчая вздохами сердце, спѣшенное гореспїю.

Мало по малу упѣшишельная мысль,—что ему удалось такъ счастливо, даромъ, сбыть съ рукъ Степушку, и припомъ шакому человѣку, у котораго онъ всегда будетъ сытъ, обутъ, одѣтъ и никогда не попребуешь отъ своихъ родителей денегъ—успокоивала тоску его и развеселяла его сердце. Наконецъ онъ совершенно успокоился, спряхнулъ послѣднїя висѣвшїя на его ресницахъ двѣ крупныя слезинки, кликнулъ Ваньку и приказалъ ему, чего никогда не бывало, дать по чаркѣ водки всѣмъ находившимся при немъ людямъ.

За четыре дня передъ отпѣздомъ въ деревню, Филиппъ Филипповичъ вспомнилъ, что возвращаясь домой безъ Степушки, онъ никакъ не минуешь жаркаго нападенїя своей жены; вспомнилъ — и закручинился! . . . Ходилъ, думалъ, передумывалъ—худо! Пробо-

валъ садиться, ложиться на спину, и опять думать, передумывать—и все выходило худо! Онянь начиналъ ходить и думать, думать . . . и напоследокъ выдумалъ, чѣмъ поспѣе написать и поспѣе же опослать къ Спешанидѣ Кириловнѣ письмо, въ коемъ между прочимъ, уведомить ее слегка, что Степушка безъ его родительской воли и благословенія, записался въ военную службу прямо Офицеромъ, и съ какимъ-то Полковникомъ ускакалъ прямо на Турецкую границу. „Худо! говорилъ Филиппъ Филипповичъ запечатывая письмо. „Худо! сказалъ онъ вздохнувши, отдавая письмо Ванькѣ, чѣмъ поспѣе опнешь его на почту. „Но все-таки лучше, продолжалъ онъ оснавшись одинъ въ комнатахъ, чѣмъ если бы я не догадался удрасть съ женою эту шпуку: трудно выдержать первый огонь; а послѣ то же, да не то: гораздо легче.

Въ воскресенье, въ 8 часовъ вечера, въ прескучій Январскій морозъ, при свѣтѣ полной луны,—въ теплыхъ сапогахъ, въ бараньей съ длинными ушами шапкѣ и въ медвѣжьей шубѣ—сидѣлъ Филиппъ Филипповичъ въ роскошной кибиткѣ и, сильною, легкою четверкою коней, по гладко-укапанной дорогѣ, какъ по маслу, кашлся въ свою деревню послѣднія 25 версты. И каждая верста, уменьшая распоянїе, уменьшала его душевное спокойствїе! Напоследокъ, сильный кучеръ однимъ

разомъ оспонавливаешъ несущуюся четверку лошадей у воропъ своего господина. Съ поднявшими вверхъ хвостами и съ громкимъ лаемъ бросились—было на прѣхавшихъ злыя дворовыя собаки; но одно *цъцъ!* произнесенное знакомымъ голосомъ кучера, всѣхъ злыхъ собакъ обкапило какъ бы водою: онѣ разогнувъ хвосты и опустивъ головы, тихо разбрелись опять по своимъ канурамъ. Эта была первая встрѣча Филиппу Филипповичу; вторая была сдѣлана ему въ собственномъ его залѣ и собственною его женою. Роковое письмо, посланное къ ней изъ губернскаго города, получила она за три часа до прибытія домой мужа.

Въ глубокую полночь, сильный пожаръ не произвелъ бы въ домъ никакой суматохи, какъ поднялась при появленіи мужа въ залъ. Блѣдная, съ распухшими отъ слезъ глазами, съ длиною растрепанною косою, обезсиленная отчаяніемъ и злостію лежала на софѣ Степанида Кириловна и тихо сповала, когда мужъ ея вошелъ въ залъ. Увидѣвши его, она пронзительно вскрикнула соскочила съ софы и, какъ бѣшеная, кинулась было на Филиппа Филипповича; но будучи еще до сего расслаблена сильными порывами гнѣва и отчаянія, она, прошивъ своего намѣренія, упала къ ногамъ своего препенущаго мужа и продолжала бѣсноваться Довольно!

(Продолженіе въ слѣдующемъ No.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

К ъ Г е н і ю.

Хранишь Гений, управляй
 Моею скучною дорогой:
 Въ сей жизни счастьемъ убогой,
 Терпѣшь духъ мой укрѣплай!
 О смерти мысль съ души уньмой
 Сорви о Гений, какъ змѣю!
 Тогда, бышь можешь, прахъ мой хилой
 Въикомъ неплѣнья обовью!

* *

Т о с к а.

Разсудокъ и время смягчили печаль:
 Ни друга измѣна, ни спираши волнешл,
 Меня не лишаютъ ни сна ни веселья;
 Зачѣмъ же, мечтою, въ безвѣспную даль
 Я часто спремлюся? . . . О сельская лира,
 Звучи ушъщеньемъ забытой опъ міра! . .

Какъ свѣплый ручеекъ спрунтся по долинь,
 Такъ жизнь моя печать спокойна и яспа;
 Но часто, въ забытѣи, я при закапѣ дна —
 Охотно предаюсь незнаемой кручинѣ . . .
 Любви ль шоска находить на меня? . . .
 Ахъ! върше, въ пѣ часы, я не объ *нсмѣ* вздыхаю,
 Любовь ушраченну слезою оживляю! . .

Алина.

С М Ъ С Ъ

ЛЮБОВНАЯ ПЕРЕПИСКА НАПОЛЕОНА СЪ ЖОЗЕФИНОЙ.

(Изъ 6-й части Исторіи Сира-Валтера-Скотта.)

*Женя Гражданина Бонапарте въ Парижѣ.**Портъ Морицъ, 14 Жерминаля.*

»Я получилъ все твои письма, но ни одно не сдѣлало на меня такого впечатлѣнія, какъ послѣднее. Чтно вздумалось тебѣ, мой обожаемый другъ, писать ко мнѣ въ такихъ выраженіяхъ. Уже ли ты думаешь, что положеніе мое еще не довольно жестоко, и нужно увеличивать во мнѣ горестин и возмущать душу? Какой слогъ! какія чувствва выражаешь ты! онѣ огненны: онѣ жгунтъ мое бѣдное сердце. Моя единственная Жозефина, вдали отъ тебя пѣшь веселія; вдали отъ тебя міръ становится пустынею, гдѣ я одинокъ, не находя утѣшенія передать тебѣ свои чувствва. Ты опшяла у меня болѣе нежели душу; ты — единственная мысль моей жизни. Соскучусь ли суспою дѣль, испугаюсь ли ихъ послѣдствій, возненавижу ли людей, гошговъ ли проклинашь жизнь, топчась кладу руку на грудь; на ней виситъ твой порицешъ, смотрю на него и любовь становится для меня блаженствомъ нераздѣльнымъ; и все улыбается, кромѣ времени, разлучающаго меня съ моею милою.

Какъ искусно умѣла ты пѣлѣншь все мои способности, сосредоточить въ себѣ мое нравственное существованіе! Это уносше, мой вѣжрый другъ, кон-

чипся только съ моею жизнію! Упопробляю все уси-
лія, чинобы прїѣхать къ тебѣ; умираю опть желанія
къ тебѣ приблизиться. Безумный! и не примѣчаю,
что удаляюсь опть себя. Сколько странъ, сколько
земель раздѣляютъ насъ! Сколько пройдетъ времени
прежде, нежели прочтешь ты сїи спрочки, слабое вы-
раженіе разпроганной души, въ которой ты царст-
вуешь! Ахъ, моя обожаемая, не знаю, какая участь
ожидаетъ меня! но если она еще долѣе будетъ отда-
лять меня опть себя, я не вынесу; во мнѣ не спавнетъ
силы! Было время, когда я гордился своимъ мужест-
вомъ; едва бросая взглядъ на зло, какое могли бы
сдѣлать мнѣ люди, на участь, какую могла бы завѣ-
щать мнѣ судьба, я всмапривался въ бѣдствія не-
обычайныя, не нахмурился, не удивлялся. Но те-
перь мысль, что моя Жозефина не въ расположеніи,
что она, можетъ быть, больна, и еще ужаснѣйшая
мысль, что она менѣе любитъ меня, смущаетъ мою
душу, останавливаетъ во мнѣ кровь, печалитъ меня,
угнѣтаетъ, не оставляя мнѣ даже силъ для ярости
и опчаянія. Прежде, часто я даже говаривалъ про
себя: люди не власны надъ тѣмъ, кто умираетъ
безъ сожалѣнія; но теперь умереть, не будучи тобой
любимымъ, умереть безъ увѣренности, вопть мученіе
ада, вопть разнцельный живой образъ совершеннаго
уничтоженія. Кажется, я чувствую, что меня заду-
шатъ! Моя единственная спупница, ты, которой
судьба назначила раздѣлить со мною пиягоспный пушь

жизни, когда я лишусь твоего сердца, тогда природа будетъ для меня безжизненна, безъ теплоты, безъ расцвѣтій. Остановлюсь, мой нѣжный другъ, душа моя печальна, шло упомянуто, разумъ въ смущеніи; люди наскучили мнѣ; и я имѣю право ненавидѣть ихъ, они отдаляютъ меня отъ моего сердца.

Я въ Порпъ-Морицъ, близъ Ухейля; завтра буду въ Албангъ. Обѣ арміи соединяются. Спарасмся обмануть другъ друга: побѣда искусѣйшему. Я доволенъ Боле; онъ дѣйствуетъ хорошо, и сильнѣе своего предшественника. Надѣюсь разбить его добрымъ порядкомъ. Будь спокойна; люби меня какъ глаза свои; по этого не довольно: люби меня, какъ себя, болѣе нежели себя, свой умъ, свои мысли, свою жизнь, болѣе нежели все свое. Нѣжный другъ, прости меня, я заблуждаюсь; природа слаба для того, кто сильно чувствуетъ, кто одушевленъ побою!

Спѣшимъ извиниться, предъ нашими читателями, въ опечаткѣ: въ 58 No. С. Пешербургскаго Вѣспника, на страницѣ 264 напечатано, что содержаніе водевиля: *Monsieur Croquemitaine ou le don Quichotte de Noisy-le-sec*: взято изъ *извѣстнаго Лессажева романа*; а должно читать: *изъ извѣстнаго Сервантесова романа*.

Н О В О С Т И.

Одинъ изъ Нѣмецкихъ журналовъ (*Wiener Zeitchrift*), рассказываетъ намъ за новость, что прибывшая изъ Пешербурга въ Любекъ актрисса—*дльвица Сторвиллье*, заслужила памъ весьма лестный приемъ!—Это, ужь, подлинно новость! мы, жители Пешербурга, и не слышали здѣсь о *дльвицѣ Сторвилльѣ!* . .

Отличный артистъ Германіи, и бывший режиссеръ Магдебургскаго театра, Г. Ф. *Цитенъ*, общается издашь въ свѣтъ свое сочиненіе: о нынѣшнемъ и будущемъ состояніи Нѣмецкаго театра.

Въ Портсмутѣ, посредствомъ паровой машины, приготавлиють ежедневно 160,000 фунтовъ сухарей. Этого количества досіапаіочно для дневнаго продовольствія экипажа двадцати линейныхъ кораблей.

Носятся слухи, что находящійся съ нѣкотораго времени въ Вѣнѣ торговый агентъ Персидскаго Принца Абаса Мирзы, Сеидъ-Ханъ, открылъ убійцѣ погибшаго въ концѣ 1829 года, въ Курдистанѣ, Нѣмецкаго Оріенталиста—Профессора Шульца. Известно, что Шульцъ, во время своего пребыванія въ Парижѣ, снискалъ совершенное довѣріе Абель-Ремюзы, Сн. Мартене, и другихъ отличнѣйшихъ Оріенталистовъ. Бывшій Министръ Иностранныхъ дѣлъ, Баронъ Дамась, оказалъ ему значительное вспомошес-

пвованіе для предпріятія Археологическо-Лингвистическаго путешествія въ Арменію и Курдистанъ. Нѣсколько отрывковъ изъ открытій покойнаго Шульца напечатаны въ *Journal des Savans* — и въ *Wiener Jahrbüchern der Literatur*. Но до сѣхъ поръ, не отыскано еще ничего изъ его дневника и другихъ бумагъ.

СОДЕРЖАНІЕ No. XL.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Степушка. (Истинное происшествіе.) *Стихотворенія*: Къ Генію. Тоска. СМѢСЬ. Любовная переписка Наполеона съ Жозефиной
НОВОСТИ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

С Т Е П У Ш К А.

(Истинное происшествіе.)

(Продолженіе.)

По прибытіи Степушки съ своимъ покровителемъ на мѣсто, въ первый мѣсяцъ онъ былъ записанъ въ полкъ Юнкеромъ, былъ съ ногъ до головы одѣтъ въ Егерскій мундиръ, и былъ введенъ въ экзерцицъ-гаузъ, для первоначальной строевой выправки; попомъ въ слѣдующіе два мѣсяца онъ уже, къ удивленію всѣхъ, и маршировалъ и всю экзерцицію продѣлывалъ ружьемъ лучше лучшаго солдата. Послѣ сего необыкновеннаго успѣха, въ свободные часы опъ службы, Полковникъ приказалъ ему съ прочими Юнкерами ходить въ классъ, для продолженія наукъ и ждалъ опъ него чрезвычайныхъ успѣховъ; но ни шутъ-то было! Ариеменическая прогрессія была для Степушки непреодолимою засѣкою къ просвѣщенію! — И вошь уже онъ въ досадѣ

начиналъ бить аспидныя доски, ломать грифели и раскаиваясь, что пошелъ въ военную службу. Вдругъ открываешься грозная и славная для Россіи война 1812 года! Все взволновалось, закипѣло и повалило къ Неману! . . . Спенушка съ радостію сжегъ всѣ свои ариометрическія шестрадки, исполокъ въ порошокъ доску и грифели, развѣялъ все по полю, схватилъ ружье, перекрестился и спалъ на правомъ флангѣ гренадерскаго взвода.

Въ продолженіе сей блестящей компаніи, Спенушка личною своею храбростію успѣлъ заслужить Георгія 5-го класса, Прапорщичій, Подпоручичій чины и Анненскую шпагу. По окончаніи войны, въ цвѣтущемъ здравіи и увѣнчанный лаврами, возвратился онъ, съ пѣмъ же полкомъ, въ Россію, на мирныя квартиры въ Каменецъ-Подольскую губернію и уже не Спенушкою, а Спенаномъ Филипповичемъ, господиномъ храбрымъ Подпоручикомъ, кавалеромъ и командиромъ взвода опличныхъ стрѣлковъ.

Взводу стрѣлковъ, коимъ командовалъ молодой, храбрый Пузыревъ, досталось квартировать въ богатой деревнѣ Кохановкѣ, принадлежащей къ большому имѣнію помѣщика N.; самъ помѣщикъ жилъ въ другой деревнѣ, а въ Кохановкѣ, кромѣ огромной каменной винокурни и близь ея небольшого красиваго

съ крылечкомъ домика, не было никакихъ другихъ помѣщичьихъ спроенй.

Въ небольшомъ, красивомъ съ крылечкомъ домикѣ, жилъ панъ Плушовичъ, полномочный писарь винокурни, съ небольшимъ своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ пожилой жены и 16-ти-лѣтней, очень хорошенькой дочери, панны Аркадіи. Лучшая мужичья изба во всей деревнѣ была опведена для постоя начальника спирѣлковаго взвода, и—такъ случилось—близехонько опъ домика пана Плушовича.

Прошло нѣсколько дней, какъ храбрый взводъ спирѣлковъ, подъ командою Подпоручика Пузырева, послѣ двухъ-лѣтней бурной, убійственной компаніи, послѣ чрезвычайныхъ походовъ и неимовѣрныхъ прудовъ, понесенныхъ имъ на пространствѣ опъ Москвы до Парижа, покоился въ зажимочной деревнѣ Кохановкѣ, и ни одна шалость не нарушила тишины сельской, и ни одно грубое слово не огорчило ребенка; казалось, что солдашъ появились въ деревнѣ мимоходомъ.

Привыкнувъ во время продолжительной компаніи, и лѣтомъ, и зимою жить подъ опкрытымъ небомъ, ни одинъ солдашъ не любилъ и не могъ бытъ въ хашѣ. Ночью всѣ они спали или въ сараяхъ, или на поку, завернувшись въ шинели, подославъ подъ себя по спону соломы; а съ восхожденіемъ солнца

каждый изъ нихъ, сдѣлавъ осмотръ своему ружью, сумѣ и прочей аммуниціи, спѣшилъ увидѣться съ поварищами, съ коими два года и въ походахъ и въ бояхъ маршировалъ и сражался въ одной шеренгѣ, въ одномъ ряду, и привыкъ быть неразлучнымъ; и попомъ цѣлый день съ коротенькими въ зубахъ прубками, они ходили, спояли, или сидѣли кучками на зелененькомъ лужку, за деревнею, и съ удовольствіемъ, припоминая себѣ о недавно минувшихъ трудахъ и опасностяхъ, разсказывали другъ другу разные походные анекдоты, всегда сопровождаемые общимъ громкимъ смѣхомъ; или же иногда по привычкѣ, находили удовольствіе бродить, въ разсыпную, по опушкѣ лѣса, отдѣленнаго отъ деревни глубокимъ яромъ; и наконецъ передъ вечеромъ быстро взбѣжавъ на прошиву-лежащую высоту глубокаго яра, всѣ расходились по своимъ кварширамъ—не хопя, нога за ногу. Между всѣмъ эшимъ, вообще было примѣтно, что солдаты, послѣ трудовъ и безпрерывно дѣятельной военной жизни, скучали деревенскою пишиною, спокойствіемъ.

Командиръ ихъ по же, первые дни послѣ походовъ, проводилъ время не лучше своихъ подчиненныхъ. Увѣдомивъ родителей о своемъ здоровьѣ, о наградахъ, полученныхъ имъ во время компаніи, и между прочимъ, объяснивъ имъ надобность въ 250 рублѣхъ, онъ не

зналъ что ему дѣлать, чѣмъ заняться, и скучалъ. Закинувъ назадъ руки и склоня напередъ голову, безъ всякихъ мыслей и цѣли, ходилъ онъ или по деревнѣ, или по ея окрестностямъ, безъ всякаго вниманія. Ни восходящее, ни заходящее солнце въ прекрасное время года, ни пѣнистое мѣстоположеніе Кохановки, ни пѣнистая близъ деревни рощица, въ коей два свѣшлыхъ, хрустальныхъ ручейка, журча по камешкамъ, вились излучинами и рѣзво бѣжали въ Кохановскую винокурню, ничто не османавливало его взоръ, не обращало на себя вниманія и не веселило сердца.

Въ одинъ праздничный, прекрасный день, послѣ обѣда, Степанъ Филипповичъ, по обыкновенію своему, склоня голову и закинувъ за себя, подъ серпукъ, руки, шелъ безъ вниманія по деревенской улицѣ; шелъ . . . и вдругъ, поровнявшись съ большимъ каменнымъ строеніемъ винокурни, въ огромныхъ печахъ коей, въ честь Вакха, день и ночь, съ прескомъ пылали дрова спольпныхъ дубовъ, — османавливается и немного погодя, входитъ во внутренность строения; черный, густый дымъ, клубившійся изъ трубъ винокурни и расплавшійся надъ дорогою, былъ причиною, что унылый Степанъ Филипповичъ вдругъ османовился и пошомъ, изъ любопытства, вошелъ во внутренность строения.

Десять длинныхъ рядовъ большихъ кадокъ, поднимавшійся изъ оныхъ отъ запариванія хлѣба, и плававшій облаками по всей винокурнѣ паръ, да нѣсколько полуодѣшыхъ, грязныхъ работниковъ, бродившихъ между кадками какъ шѣни, представились любопытнымъ взорамъ молодого Пузырева. Кромѣ сего, влѣвъ былъ слышанъ прескъ пылающихъ въ печахъ дровъ, шумъ падающей въ большіе чаны и выпекающей изъ оныхъ воды, и наконецъ тихое журчаніе водки, текущей нишочкою изъ большихъ шести кубовъ; все эшо вмѣстѣ забавляло Пузырева и наводило на уста его легкую улыбку . . . напоследокъ онъ улыбнулся и вышелъ вонъ.

На дорогѣ повспрѣчался съ нимъ панъ писаржъ (писарь) Плуповичъ. Въ праздничномъ своемъ куншухѣ, опоясанный широкимъ, полшелковымъ съ золотыми цвѣточками кушакомъ, гордо шелъ онъ на винокурню.

Высокій, спящный роснѣ, прекрасная наружность молодого, опряшно одѣнаго Офицера и важная мина его, неволью заспавили гордаго писаря снявъ свою фигурную шапку, поклонившись, опререкомендованься и завесни съ нимъ разговоръ, который кончился шѣмъ, что панъ Плуповичъ, съ новымъ своимъ знакомцемъ возвратился къ себѣ въ домъ.

Нѣсколько мужчинъ, женщинъ и взрослыхъ дѣвушекъ, о того сословія съ паномъ Плупо-

вичемъ, сидѣли чинно въ свѣтлой, опрятной компанкѣ и слушали панну Аркадію, игравшую на 30-ти-рублевомъ фортепьяно, наизусть мазурку, когда молодой Пузыревъ съ хозяиномъ вошелъ въ компанку. Вся компанія, особенно женщины, однимъ разомъ, какъ будто ихъ шеи были на одной пружинѣ, двинули свои головы на вошедшаго Офицера. Панъ Плушовичъ, опрекомендовавъ Снепану Филипповичу свою жену, дочь и пѣ-копорыхъ изъ гостей, просилъ его садиться. Жена Плушовича, по обязанности хозяйки занимая компанію, завела съ новымъ гостемъ рѣчь о прекрасной погодѣ; во время сего разговора, сильно поддерживаемаго самимъ хозяиномъ, вся компанія примѣшно волновалась: одинъ, увидя на щеголь - Офицеръ новый, ловко повязанный шейный шелковый плашокъ, старался скрыть свой весьма поношенный, вытягивая выше воротничка своего кунтуша или фрака; другой, примѣшивъ, что у Офицера сапоги блестятъ, какъ зеркало, забормоталъ о томъ, какъ бы свои, намазанные саломъ, спрятали подъ длинный кунтушъ, или задвинулъ ихъ подъ стулъ софѣда, и прочее. Дамы также: шѣ, у коихъ на этотъ разъ были надѣты онойковыя башмачки, старались скрыть ихъ подъ длинный свои плащя, другія оправляли шейные платочки, косыночки и головные уборы, и всѣ, подавая

пазадъ плѣчи, старались держашь себя прямо, безпреспанно поглядывая на молодаго, пригожаго Офицера. Панна Аркадія, желалъ обратити на себя особенное вниманіе прекраснаго гостя, безпрерывно, не сводя съ него глазъ, пробовала форшепьяно, и на первый разъ довольно удачно: глаза ея вспрѣшились съ глазами Степана Филипповича прижды. После этого, когда уже дѣло обошлось, гости заговорили свое, и никто не думалъ скрывать свои наружные недоспашки; тогда и Степанъ Филипповичъ спалъ, охорашиваясь, пошевеливаться и поглядывать на панну Аркадію безъ всякаго съ ея стороны усилія. Передъ вечеромъ всѣ гости разъѣхались по своимъ домикамъ, каждый къ своей должности, оспался лишь одинъ Степанъ Филипповичъ: его не пустили, удержали на легонькой ужинъ.

Во время пріятнаго вечера, при закатѣ солнышка, панъ Плутовичъ, бесѣдовалъ съ молодымъ Пузыревымъ на крылечкѣ своего красиваго домика, занимая его разными разсказами, между коими, по общей привычкѣ всѣхъ Польскихъ официалистовъ, для важности своего званія, умѣлъ ловко увѣдомить его о себѣ, что онъ древней, важной Польской фамиліи, что предки его играли не маловажную ролью во время разбора Польши;

что онъ самъ, служа въ народной кавалеріи Роммистромъ, командовалъ эскадрономъ, что храбро дрался съ Русскими козаками, былъ два года въ плѣну; и что наконецъ, возвратясь на родину, нашелъ однѣ развалины того огромнаго имѣнія, коимъ обладали его важные предки и коего онъ былъ единственнѣйшимъ, прямѣйшимъ наследникомъ.—„Трудно мнѣ было, вельможный пане Поручнику,“ продолжалъ Плушовичъ врать, „перенести это жестокое несчастіе, очень трудно! Но, „сказалъ онъ подбоченясь, „благодаря Бога, я не пошерялъ духа: принялся шрудиться, работая головою, и въ скоромъ времени поправился шакъ, что шеперь могу купить двѣ порядочныя деревни! Одну изъ нихъ думаю опдаться въ приданое за моею Аркадіею, а въ другой буду жить самъ, съ женою. И я бы уже давно все это сдѣлалъ, давно бы могъ имѣть своихъ экономовъ, рахмистровъ; но ясно-вельможный панъ-добродзей N., которому я шеперь служу болѣе изъ пріязни, нежели изъ нужды, неопшшупными, убѣдительнѣйшими своими просьбами, уговорилъ меня пробыть у него до Новаго года.“ Послѣ сего панъ Плушовичъ, то же по привычкѣ хвастаясь, для важности своего ничножнаго званія, разсказалъ Шепану Филипповичу, что всѣ Русскіе Офицеры, какъ-то: Поручики, Капитаны, Майоры и Полковники, квартирова-

ше въ его время въ Кохановкѣ, всегда съ нимъ жили въ шѣсной дружбѣ и съ удовольствіемъ проводили время въ его домѣ; и наконецъ панъ Плушовичъ замѣтилъ молодому Пузыреву, что онъ поздно съ нимъ познакомился и что это не водится между воспитанными людьми.

Во время сего хвастовскаго разсказа жена Плушовича заботилась объ устройствѣ *легоныкаго* ужина. Велѣла вмѣсто обыкновенно употребляемаго ими сала, выдать кухаркѣ полфунта коровьяго масла, приказала сдѣлать молочный супъ, прибавить 40 варениковъ и зажарить поросенка. Потомъ выпатила все свое лучшее серебро, соспоявшее изъ пяти споловыхъ и одной разливательной ложекъ, изъ двухъ паръ съ вилками ножей, солонки и одного подсвѣчника. Все это щцателью, для парадовъ, хранилось между бѣльемъ въ большомъ сундукѣ. Во время сего дѣйствія панна Аркадія по же была не безъ дѣла: безпрестанно, выскакивала на крылечко, и повертѣвшись, дѣлала нѣсколько фигурныхъ шаговъ по двору, и опять убѣгала въ комнату, гдѣ побрячавъ на фортепьяно, опять выскакивала на крылечко, и всегда съ новыми граціями, съ новымъ румянцемъ и съ новыми плушовскими глазками . . . — „Что съ тобою сдѣлалось Аркадія? спросилъ разъ у нее съ удивленіемъ хитрый онецъ,“ онъ чего

ты такъ сего дня весела, и не посидишь на мѣспѣ двухъ минутокъ? Спрранно! Прежде бывало тебя не опорвешь опъ форпепьяно, или опъ тамбурной иголки, а сегодня! . . я не понимаю!“ . . сказала Плутовичъ, поглядѣвъ значительнѣе на молодаго Пузырева.

Опъ сихъ умысленныхъ словъ, панна Аркадія масперски смѣшалась, покраснѣла, мило взглянула на Сшепана Филипповича и убѣжала въ комнату. Молодой Пузыревъ не могъ этого не замѣпить: онъ былъ не слѣпъ; не могъ не подумать, что онъ нравится Аркадіи: онъ былъ самолюбивъ; не могъ не радоваться: онъ былъ въ семь дѣлъ неопытенъ, былъ молодъ и имѣлъ сердце.

На другой день неопытный Пузыревъ, уже не грустный и не послѣ обѣда, а веселый и поуспру рано, шелъ не въ серпукъ и не на винокурню, а въ щегольскомъ мундирѣ и прямо въ домъ Плутовича. И тѣ же ласки, тѣ же сказки, угощенія и новыя угожденія встрѣтили его въ комнатѣ, прибранной и чище и красивѣе вчерашняго. Легонькое и лучшее изъ всего гардероба платьице, обпавнушее вокругъ заманчивой Аркадіиной талии, прозрачная на ея высокой груди косыночка и прелестно-выющіеся вокругъ ея чела локоны—развлекали оснорожноспъ молодаго воина, до поздняго вечера; а между тѣмъ, тихіе вздохи,

и изрѣдка спростные взгляды атаковывали его со всѣхъ сторонъ непримѣнно.

На слѣдующій день атака усилилась. Хорошенькая, но бессмысленная Аркадія, со всеми орудіями молодости, пріятной наружности и нескромнымъ желаніемъ нравиться, оставяемая нѣсколько разъ своими полуневѣждами-родителями наединѣ съ молодымъ, пылкимъ Пузыревымъ, успѣла плѣнить Степана Филипповича, и сама плѣнилась имъ совершенно.—Уже ввечеру серебрянный знакъ опличія сдѣлался игрушкою любви: нѣсколько разъ онъ былъ рѣзвыми ручками Аркадіи снимаемъ съ неуспрашиваемой груди Пузырева и припиливается на ея нѣжную, волнующуюся грудь.

На четвертый день Пузыревъ былъ наряженъ дежурнымъ по полку, но онъ не поѣхалъ въ Шпабъ, сказавшись больнымъ; а пошелъ въ домъ Плусовича разспрашивать свои сердечныя раны. Но, увы! онъ нашелъ въ домѣ одного хозяина, повѣряющаго свои винокуренные счеты! — „Жена моя съ Аркадією,“ сказалъ Плусовичъ, поздоровавшись съ Пузыревымъ—„уѣхала въ госпи на цѣлую недѣлю,“ сказалъ и опять прехладнокровно сѣлъ продолжать повѣрку винокуренныхъ счетовъ.

Не разъ случалось, что молодой, храбрый Пузыревъ въ жестокихъ сраженіяхъ, коман-

дуя разсыпнымъ строемъ стрѣлковъ, какъ градомъ былъ осыпаемъ непріятельскими пулями и землею опшъ падающихъ у ногъ его ядеръ и гранадъ; но всегда, не перья духа, онъ исполнялъ дѣло свое неустрашимо, и лишь изрѣдка былъ перевозимъ вздрагивающимъ сердцемъ. Теперь же, пустымъ и ложнымъ извѣстіемъ, что Аркадія съ матерью уѣхала въ госпи на недѣлю, какъ сильною конвузією былъ онъ оглушенъ, испуганъ и посаженъ на сползшій у окна стулъ! Хипрый Плушовичъ, все это не только видѣлъ, но и предвидѣлъ. Чшобъ скрышь свою безсовѣстную радость и увеличиль дѣйствіе гореспи на неперпѣливаго Пузырева, панъ писаржъ спалъ рассказывать ему о премудростяхъ своихъ счетовъ и о необходимости хорошо знать Ариѳметику.—Степанъ Филипповичъ потчасъ ушелъ къ себѣ на кварширу и не зналъ куда дѣвашся опшъ скуки.

Плушовичъ, сговорившись съ женою, зналъ, что она съ Аркадією воропншся къ вечеру домой, и потому не задолго передъ ея пріѣздомъ, пошелъ на кварширу Пузырева, и какъ будто бы не примѣчая его гореспи, почши насильно, вызвалъ его къ себѣ, увѣряя, что ему безъ жены и дочери очень грустно. Пришли въ домъ. Хозяинъ велѣлъ подать чаю, или лучше сказашъ сенной труппи; подали. Плушовичъ выпилъ одну, другую, прешью

чашку, заправляя каждую ромомъ домашняго произведенія, и приглашалъ гостя слѣдовать его примѣру; но гость не могъ сладить и съ одною чашкою; каждый глотокъ оспанавливался въ его горль: попка по Аркадіи позволяла ему шолько дышать и то не со всемъ свободно.

И такъ Степанъ Филипповичъ, сидя у окна подгорюнившись, прогуливался глазами по слѣдамъ, оставленнымъ бричкою, увезшею прелестную Аркадію . . . Вдругъ видишь : четверка разношерстныхъ, малорослыхъ лошаденокъ тянешъ по улицѣ большую оплешенную прупиками, но на заднихъ ресорахъ, бричку. Видишь, что бричка, поровнявшись съ ворошами, начинаешъ пихо заворачиваться въ дворъ . . . Лучъ радости коснулся поскующаго сердца Пузырева: онъ вскочилъ со спула, выпянулся передъ окномъ и, не переводя духа, продолжалъ сморѣшь на въѣжающую бричку . . . Наконецъ, упомленные лошаденки, понуждаемыя сильными ударами бича, собирають послѣднія свои силы и рысцою подвозяшь бричку къ крыльцу . . . Выходишь Аркадія! . . . О, радость! о восшоргъ! . . . Какъ пуля изъ ружья вылепашъ Пузыревъ изъ комнашы на крылечко приняшь Аркадію изъ экипажа; но она уже успѣла промчаться въ другую комнашу, чшобъ поскорѣ сбросить съ себя плохой капонецъ,

взглянуть въ зеркало, поправиться. Надобно было принять изъ экипажа мапушку и ввести ее въ залу. Вошедши въ комнату, пани писаржева, съ припворною досадою, пробарабанила своему мужу, что она, не заславъ дома ни пана Маршала, ни жены его, у коихъ намѣрена была прогостить цѣлую недѣлю, поѣхала до пана Прейзуса, гдѣ прекрасно пообѣдала, провела время, и конечно бы осталась шамъ дня на три, о чемъ ее и жена и дочь пана Прейзуса убѣдительно просили; но Аркадія сдѣлалась очень нездорова, и непремѣнно хотѣла ѣхать домой.— Является Аркадія разодѣтая какъ пельзя легче! . . Пузыревъ ожилъ, поздоровался, уѣлся съ нею на канакѣ, и начались милые рассказы о путешествіи. — Смерклось. Отецъ безъ надобности уходилъ на винокурню, мать безъ нужды хлопочетъ на дворѣ и въ пекарнѣ, молодые люди наслаждаются полною свободою . . .

Такими средствами неопытный и плохо образованный Пузыревъ, въ продолженіи четырехъ дней, былъ грубо завлеченъ въ явныя сѣни, разсавленные ему безсовѣстными родителями безразсудной Аркадіи.

Вскорѣ послѣ сего въ полку, между Офицерами разнесся слухъ, что Пузыревъ хочетъ, и уже далъ слово, жениться на дочери писаря Кохановской винокурни, и что уже писалъ объ этомъ къ своимъ родителямъ. Всѣ сіи

слухи топчась дошли до свѣденія полковаго командира. Послали за Пузыревымъ; онъ является. — „Всѣ ваши добрые товарищи съ негодованіемъ говорятъ, что будто бы вы намѣрены жениться на дочери писаря Кохановской винокурни, и что будто бы уже писали объ этомъ къ вашимъ родителямъ? Правда ли это? Прошу васъ сказать мнѣ откровенно?“ спросилъ Полковникъ Пузырева, съ неудовольствіемъ.

— „Точно такъ,“ отвѣчалъ Пузыревъ смѣло.

— „Какъ можно! Какъ вы смѣли объ этомъ думать и писать къ своимъ родителямъ безъ моего одобренія!“ вскричалъ съ досадою Полковникъ: „да знаете ли вы, что вамъ еще нѣтъ и 20 лѣтъ отъ роду, что вы еще Подпоручикъ, что получаете такое жалованье, котораго едва, съ нуждою, достаешь вамъ на необходимое, что ваши родители, въ прошедшую войну понесли значительные убытки, распроили свое небольшое имѣніе, обременены семействомъ и не могутъ вамъ, дѣлать ни малѣйшаго пособія? . . . Но это въ спорону. Знаете ли вы, что ваша невѣста, не говоря уже о томъ, что она дѣвушка безъ всякаго образованія, бѣдная, почти нищая, и кромѣ красиваго личика и кудрявыхъ локоновъ, не имѣетъ совершенно ничего? Какъ, и чемъ вы будете жить съ нею, если женись? Думали ли вы объ этомъ?“

— „Взаимною любовью,“ отвѣчала страстный Пузыревъ, поглядывая вокругъ себя самодовольно.

— „Еще: мнѣ сказывали,“ продолжалъ Полковникъ, съ прудомъ удерживаясь отъ смѣха: „что панъ Плуловичъ обѣщаетъ вамъ за своею дочерью 70 тысячъ злыхъ; правда ли это?“

— „Такъ точно,“ отвѣчалъ Пузыревъ довольный симъ вопросомъ; „иначе бы я и не подумалъ на ней жениться.“

— „И вы этому вѣрите?“

— Безъ малѣйшаго сомнѣнiя.—Панъ Плуловичъ человѣкъ самыхъ честныхъ правилъ, достопочный, любитъ свою единственную дочь и конечно сдержитъ свое слово.

— „Нѣтъ! говорилъ Полковникъ, выходя изъ терпѣнiя,“ нѣтъ!—онъ человѣкъ недобрый, нечестный, ни чуть не думаетъ о послѣдствiи, и хоть бы хотѣлъ, но не можетъ вамъ дать за своею кудрявою дочерью и семидесяти грошей. — Короче вамъ сказать, я не хочу чтобъ вы женились; извольте идти и не думать объ этой глупости.

— Вы несправедливы, господинъ Полковникъ, что такъ обидно судите о человѣкѣ, котораго вы отъ роду въ глаза не видали, и не имѣете права такъ дурно говорить о немъ. Кромѣ сего вы такъ же не въ правѣ и мнѣ запретить жениться. Я сей часъ по-

дамъ рапортъ о позволеніи вступишь въ бракъ съ дочерью пана Плушовича, — сказалъ Пузыревъ своему командиру и покровителю съ огорченіемъ, — А я васъ, говорилъ Полковникъ хладнокровно, за эпопѣю шопъ сію же минушу накакажу. Адьюпантъ! возьмите опъ него шпагу и опведите его на гауптвахту.“

Напрасно добрые шоварищи, при дня, уговаривали влюбленнаго, арестованнаго и содержащагося на гауптвахтѣ Пузырева, чшобъ онъ извинился передъ Полковникомъ въ своей горячности, и напрасно доказывали ему, чшо его намѣреніе жениться на бѣдной и глупенькой дочери писарской, еспъ самое нелѣпое и ни съ чѣмъ не сообразное: онъ ихъ не слушалъ, называлъ бездушными и наконецъ поклонялся имъ, чшо прелестная Аркадія будетъ его женою непременно, хотя бы противъ сего вооружился цѣлый свѣтъ; и чшо онъ, съ избранною его сердцемъ женою, будетъ совершенно счастливъ; вездѣ и во всякомъ сослоініи, даже въ нищенскомъ, если злой судьбѣ будетъ угодно бросишь его въ оное.

Полковникъ видя, чшо строгоснѣ, упошребленная имъ противъ молодаго, пылкаго Пузырева не имѣетъ ни малѣйшаго дѣйствія на его разсудокъ, и при томъ все еще, не смотря на шо, чшо Степанъ Филипповичъ былъ уже не Степушка, считаая себя нѣкошо-

рымъ образомъ обязаннымъ отвѣчать за его несчастіе старому Пузыреву, рѣшился, подъ предлогомъ домоваго отпуска, отправить его въ городъ К . . . ъ, къ старшему своему брату Машвѣю, человѣку умному, свѣтскому, доспашочному и фамильному, проживавшему тамъ, такъ, для удовольствія своей молодой и прекрасной жены; будучи увѣренъ, что для ослабленія и мало по малу совершеннаго уничтоженія перваго дѣйствія нѣжнѣйшей спраспи—если опъ нее въ послѣдствіи предвидятся однѣ лишь горести—самое лучшее правило для молодаго человѣка есть—разлука съ обожаемымъ предметомъ и разсѣяніе въ разнообразныхъ удовольствіяхъ свѣтской жизни.

Въ одно утро блѣдный, изнуренный сердечною тоскою, несчастный Пузыревъ, неожиданно, былъ посаженъ въ почтовую бричку, и подъ присмотромъ полковаго казначея, отправлявшагося, по казенной надобности, въ Москву, былъ отвезенъ въ городъ К . . . ъ и зданъ на руки старшему брату Полковника, съ объясненіемъ подробныхъ обстоятельствъ молодаго, влюбленнаго Пузырева.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Н А Д Г Р О Б Ъ Е .

Пробилъ пивой часть! поблекъ пѣсой цвѣтъ!
 Прости другъ нѣжный, вѣрный, милый!
 Ты скрыта раннею могилой:
 Тебя не спонилъ здышній свѣтъ!

Яг.

10 МАЯ.

О П Р О В Е Р Ж Е Н Н А Я М О Л В А .

Ахъ, какъ безстыдно лжеть сполничная молва!
 Все, смѣло, говорятъ: нѣтъ головы у Клима!
 Повѣрь молвь! Вчера прошелъ онъ мимо,
 Я видѣлъ самъ,—съ кошель у Клима голова!

* *

С М Ъ С Ъ .

ИЗЪ АЛБОМА ОДНОЙ ДАМЫ.

Какія дикія мысли родитъ въ душѣ опчаяніе! Есть
 въ сердцѣ горести, до коихъ, какъ до праха мерш-
 выхъ, не должно касаться.

Много ли поребно времени, чтобъ сродниться
 между собою душамъ, или одинаково благороднымъ,
 или одинаково подлымъ!

Человѣкъ не придорожная пшца! чтобъ дорожникъ
 своимъ существованіемъ, смѣ нужны: убѣжище, пища,
 милая жена, добрыя дѣши и вѣрный другъ.

Н О В О С Т И.

Нѣмецкая шруппа снова начала свои представленія въ Парижѣ. Въ ней находится оплчный баритонъ Г. Фишеръ. Арписта сего не должно смѣшивать съ полувѣковымъ пепоромъ сего же имени.

На вывѣскѣ одного Лондонскаго Парикмахера написано: «здѣсь спригупъ волосы *опратно, философически и анатомически.*

Паганини прислалъ недавно въ редакцію Revue Musicale письмо, коимъ опровергаетъ онъ всѣ взводимыя на него клеветы. Въ этомъ письмѣ увѣряетъ онъ публику, что онъ никогда не убивалъ ни любовницъ, ни соперниковъ своихъ, и даже не думалъ ѣсть дѣшей.

Огромнѣйшимъ изъ всѣхъ Европейскихъ псапровъ почитается театръ въ Пестѣ: дабы зрители, сидящіе на послѣднихъ скамьяхъ партера, могли видѣть слезы, проливаемыя иногда актерами и актрисами, на сценѣ, надобно, чпобъ каждая слеза ихъ была величиною съ куриное яйцо! .

СО Д Е Р Ж А Н І Е No. XLII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Степушка. (Истинное произшествіе.) *Стихотворенія:* Надгробіе. Опроверженная молва. СМѢСЬ. Изъ Альбома одной дамы. НОВОСТИ.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 23 Мая 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЪЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

С Т Е П У Ш К А.

(ИСТИННОЕ ПРОИЗШЕСТВІЕ.)

(Окончаніе.)

Въ первые дни пребыванія Степана Филипповича въ городѣ К . . вѣ, онъ былъ дикъ, неприступенъ и ко всему безчувственъ. Ни искреннее желаніе умнаго Машвѣя разными способами облегчить спрэданія молодаго Офицера, ни милья ласки любезной и прекрасной его жены, ни пріяшнѣйшія, веселыя забавы небольшого общества друзей обоого пола, собиравшихся по чепвергамъ въ домъ достапочнаго Машвѣя, ничшо не имѣло добраго вліянія на спрашную угрюмость опчаяннаго Пузырева: при первомъ удобномъ случаѣ онъ шопчасъ исчезалъ изъ веселаго общеснпа, запирался въ своей комнашѣ — и страдалъ менѣе.

Такимъ образомъ, молодой Пузыревъ, жи-

ва въ К . . вѣ, спрадалъ, чахъ и ежедневно увеличивающеюся своего угрюмостью, наводилъ по четвергамъ уныніе на собиравшееся въ домъ Машвѣя любезное общество, а въ прочіе дни—спрахъ на самихъ хозяевъ.

— „Нѣтъ, мой другъ, Настинька! я не могу долѣ видѣть этого молодого, несчастнаго Офицера,—онъ меня ужасно какъ беспокоитъ! Я боюсь оныхъ него дурныхъ послѣдствій! надо написать къ брашу, чтобъ прислалъ за нимъ!“ говорилъ однажды Машвѣй своей женѣ, возвратившись изъ театра, на коемъ Польскіе актеры, на Русскомъ языкѣ уродовали трагедію: *Гамлетъ*. — „Я и сама, мой другъ, давно объ этомъ думала, но не хотѣла тебѣ сказать“, отвѣчала прекрасная жена Машвѣя, „конечно, продолжала она, любилъ собою, передъ зеркаломъ, надобно его опривитъ; завтра же напиши объ немъ къ брашу.“

Но на другой день, въ четвергъ, къ удивленію всѣхъ, Степанъ Филипповичъ, являлся къ сполу въ прекрасномъ расположеніи духа, съ живымъ на лицѣ румянцемъ, ловко, опрятно одѣтымъ и во весь день оплчасился веселостію, пріятною неловкостію и милыми, простосердечными разказами о нѣкоторыхъ забавныхъ случаяхъ, встрѣтившихся съ нимъ и съ его товарищами въ Польшѣ, Германіи и во Франціи, во время компа-

ніи 1812 и 813 годовъ, и обращаетъ на себя вниманіе обществу! Всѣ, кромѣ нѣкоторыхъ молодыхъ и немолодыхъ К . . . хъ Франиновъ, душевно радовались этой внезапной, счастливой переменѣ, и между нѣмъ всѣ съ неперпѣніемъ желали знать причину оной.

Умный Машвѣй, старшій братъ Полковника, желая первый открыть эту тайну, подслалъ-было своего бойкаго камердинера, выѣдашь у вислоухаго Офицерскаго деньщика, не выходилъ ли Степанъ Филипповичъ прошедшаго вечера, не приходилъ ли кно къ нему и всю ли ночь начевалъ баринъ его дома; но вислоухій деньщикъ опдѣлался опть бойкаго камердинера, сказавъ: *гдѣ ему выходить! онъ едва таскаетъ ноги!* Въ самомъ же дѣлѣ, Степанъ Филипповичъ не ночевалъ дома; деньщикъ объ этомъ зналъ, но побожившись своему барину молчаніе, сдержалъ слово.

Злодѣй Плуповичъ, желая довершить начатое имъ дѣло, уговорилъ своего друга пана Маршалка, (дворецкаго) вѣхавшаго съ своею женою въ К . . . въ, по препорученіямъ своего помѣщика, взявъ съ собою несчастную, умирающую съ поски Аркадію, и шамъ оживилъ ее свиданіемъ съ молодымъ Пузыревымъ. Такъ и сдѣлано. Панъ Маршалокъ и его жена, пани Маршалкова, взяли съ собою Аркадію, привезли въ К . . . въ, опыскали мѣсто заключенія Пузырева, спроворили свиданіе и оживи-

ли Аркадію, одушевили Степана Филипповича.

Геройская рѣшимость, чрезвычайныя труды, понесенныя пѣжною Аркадіею, на пространствѣ отъ Кохановки до К. . . ва, для опысканія своего возлюбленнаго, опорванаго отъ ея сердца безжалостною рукою жестокаго Полковника, и сладкія слезы радости, брызнувшія при свиданіи изъ прекрасныхъ глазъ Аркадіи, и чувствуемая Пузыревымъ на его ланипахъ, сильнѣе всѣхъ кляшвъ доказывали ему чрезвычайную любовь Аркадіи, и въ одинъ моментъ, изъ самаго несчастнѣйшаго узника, сдѣлали его счастливейшимъ человекомъ въ мірѣ.

Уже гораздо за полночь, послѣ пѣжныхъ одинъ другому жалобъ на каменное сердце Полковника, послѣ искреннихъ опчеповъ, опданыхъ съ обѣихъ сторонъ и въ мысляхъ и въ чувствахъ, угнетавшихъ ихъ во время убійственной разлуки, они, призвавъ на помощь пани Маршалкову, принялись думать и полковать о средствѣ вырваться изъ когтей своихъ злодѣевъ и положить конецъ своимъ спраданіямъ.

На послѣдокъ, по долгомъ размысленіи, они выдумали и премою спрасшными поцѣлуями утвердили, чтобы Аркадіи пошчасъ, по окончаніи Маршалкомъ своего дѣла, ѣхать обратно въ Кохановку; а ему, оставшись въ К. . . вѣ, вслѣдствіи спаранья передъ умнымъ Маш-

вѣемъ и его дальновидною, прекрасною женою, скрывашъ свою тоску сердечную по Аркадіи и умѣряшъ неперпѣливое желаніе соединиться съ нею въ Кохановкѣ. А, между тѣмъ, при добромъ случаѣ, писашъ къ Полковнику; признавашъ ему въ своемъ заблужденіи; раскаивашъ въ дурачествѣ и увѣряшъ, что уже онъ, не только что совершенно изцѣлился отъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ любовныхъ бредней и припадковъ, но что даже и вспомнить не можетъ о нихъ, не красѣя.

И такъ, надежда и сердечная радость, воскресшія въ сердцѣ молодаго Пузырева при восхищительномъ, неожиданномъ свиданіи съ Аркадією, усиливаемыя хитрымъ условіемъ и поддерживаемыя премою спраспными поцѣлуями—были причиною внезапной и удивительной переменъ Снепана Филипповича.

Послѣ сего произшествія, молодой Пузыревъ, съ каждымъ днемъ становился веселѣе, свободнѣе, услужливѣе и неразлучнѣе съ гостинною своего впораго покровишеля. Ни одного случая не упускалъ онъ чтообъ не бышь въ неапрѣ, въ собраніяхъ и въ пріятельскихъ условныхъ, очередныхъ вечерахъ; и съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ новыя познанія во всѣхъ обыкновеніяхъ и привычкахъ свѣтской жизни; оказывалъ важныя успѣхи въ пріятномъ обращеніи, и вскорѣ попомъ, съ легкостію копируя лучшихъ, оригинальныхъ франтовъ

того времени, онъ успѣлъ сдѣлаться счастливымъ ихъ подражаніемъ во многихъ случаяхъ. Правда, онъ уступалъ оригиналамъ во Французскомъ языкѣ, въ смѣлости обо всемъ судить, уступалъ имъ и въ панцахъ; но зато всѣ эти важные недоспапки слишкомъ вознаграждались его молодостію, пленительною наружностію и скромностію: прекрасныя женщины смотрѣли на него и занимались имъ.

Сперва было нѣкоторыя молодые франшмы, изъ зависти, пробовали его сбить съ толку загадываніемъ замысловатыхъ шарадъ и разными мудреными задачами изъ игры въ фаншпы; но напрасно, и это имъ не удалось: милое замѣшательство Степана Филипповича, отъ котораго по его прекрасному лицу разливался свѣжій, живой румянецъ, нравился прекраснымъ женщинамъ и заспавлялъ ихъ съ нѣкоторымъ участіемъ помогать ему разгадывать мудренныя шарады и рѣшать трудныя задачи изъ фаншповъ.

Такъ прошло нѣсколько дней, въ продолженіи коихъ, умный Матвѣй, писалъ къ своему брату о внезапномъ, никѣмъ неожиданномъ переломѣ сердечной горячки, случившемся съ молодымъ Пузыревымъ, и о быстрой постепенности возвращающей его разсудокъ. вмѣстѣ съ симъ письмомъ было отправлено и другое, сочиненное самимъ Степаномъ Фи-

липповичемъ, которое, послѣ условнаго съ Аркадіею признанія во всѣхъ его заблужденіяхъ, послѣ раскаянія во всѣхъ его дурачествахъ и прочее, заключалось слѣдующимъ: „И если ваше справедливое огорченіе опъ чисносердечнаго моего раскаянія можетъ хотя нѣсколько смягчиться: то я, возвращаясь, въ полкъ, надѣюсь неусыпнымъ своимъ прилежаніемъ и ревностію къ службѣ, возвратитъ ваше прежнее ко мнѣ милостивое расположеніе и совершенно изгладитъ изъ вашей памяти мое непростиштельное дурачество.“

Подобное сему написалъ онъ и къ пѣмъ изъ своихъ шоварищей, которые болѣе другихъ смѣялись надъ его любовію къ писарьской дочери и первые увѣдомили о томъ своего Полковника.

Въ ожиданіи отвѣта прошли двѣ недѣли, и по же удовольствіе: театръ, собранія, вечера, не переставали, казалось, веселить молодого Пузырева и увеличивать къ нему лестное вниманіе прекрасныхъ дамъ.

Однажды умный Машвѣй, съ прекрасною своею женою и со Степаномъ Филипповичемъ, возвращаясь изъ театра, на космъ была играна комедія: *урокъ мужьямъ*, сказалъ своей супругѣ въ отсутствіи Степана Филипповича: „мнѣ кажется, другъ мой Наспичка, что уже пора бы нашего любезнаго госпа

отправившись назадъ, къ брату. Жаль, онъ уменьшилъ собою удовольствіе нашего круга, но надобно же подумать и объ немъ: для молодаго военного Офицера пріятная праздность свѣтской жизни—ядъ; онъ не въ состояніи будетъ отстоять порядочно и одного сушочнаго караула: задремлетъ, и уснетъ опять скуки; а опять лагерной службы заболѣетъ, получитъ чахотку. Что ты мнѣ на это скажешь?—Я и сама, мой другъ, давно объ этомъ думала, отвѣчала прекрасная Наслинька, завязывая на башмачкѣ своею ленточку, „по . . .“ Въ это время входилъ Спенанъ Филипповичъ---и разговоръ кончился; съѣли ужинавъ.

На претій день послѣ сего, любезный госпъ былъ отправленъ въ полкъ на почтовыхъ.

Возвратившись въ полкъ, молодой Пузыревъ потчасъ, во всѣй формѣ, явился къ своему командиру-благодѣтелю и, казалось, съ чувствомъ искренняго раскаянія извинялся предъ нимъ въ прошедшемъ своемъ безуміи и благодарилъ его за спасеніе отъ явной бѣды. Полковникъ извинилъ его, обласкалъ, и, рассказавъ о значительномъ распройствѣ имѣнія его отца, Филиппа Филипповича, совѣтовалъ ему, чтобъ онъ думалъ не о женитьбѣ, а о томъ, чтобы со временемъ быть подпорюю и утѣшеніемъ своихъ родителей. Послѣ чего, Пузыревъ былъ переведенъ въ другую роту,

къ спрогому Капипану, и получилъ въ свое командованіе взводъ, расположенный опть Кохановки въ 12 версахъ.

Вскорѣ за симъ Полковникъ, для излѣченія ранъ, былъ уволенъ за границу на 6 мѣсяцевъ, куда поспѣлъ и уѣхалъ, здавъ полкъ, на законномъ основаніи, старшему по себѣ Шпабъ-Офицеру.

Прошла недѣля, другая, прошелъ мѣсяцъ, и ни одинъ изъ добрыхъ товарищей Пузырева, не замѣшилъ въ немъ ни одного вздоха, ни одного слова объ Аркадіи, когда многіе изъ нихъ съ намѣреніемъ заводили съ нимъ рѣчь, о ея молодости, хорошенькомъ личикѣ и о эфирной легкости въ Мазуркѣ; Степанъ Филипповичъ, слушалъ ихъ, улыбался и молчалъ безъ замѣшательства, хладнокровно. Наконецъ ошличное усердіе, съ конемъ Пузыревъ занимался службою, успокоила добрыхъ его товарищей совершенно: всѣ перестали думать и говорить объ Аркадіи, и перестали примѣчать за Степаномъ Филипповичемъ. Но Степанъ Филипповичъ думалъ и дѣйствовалъ. Рѣдкій проходилъ вечеръ, чтобъ онъ верхомъ не слезалъ въ домъ Плуповича и не наслаждался бы памъ бесѣдою съ прелестною своею Аркадіею. Случалось, что онъ и ночевалъ памъ, но никогда не случалось, чтобъ онъ опоздалъ на ученье, въ дежурство, или въ карауль, и шѣмъ подалъ бы на себя

подозрѣніе. Такимъ образомъ прошло довольно времени. Вдругъ опять между его поварницами пронесся слухъ, что онъ тайно обвѣнчался на дочери Плуповича. Всѣ удивились; долго не вѣрили слуху; но потомъ, убѣдившись въ истиннѣ, донесли объ ономъ командующему полкомъ. Потребовали въ полковъй штабъ Подпоручика Пузырева; прїѣзжаетъ, являеися и шопичасъ же подаесть при рапортѣ прошеніе. — „Что это значить!“ спросилъ у него съ удивленіемъ командующій полкомъ, прочитавъ рапортъ; „вы просишь о переводѣ въ гарнизонъ?“

— Такъ точно, сказалъ Пузыревъ съ уныніемъ.

— „Что за причина? мнѣ сказывали, что вы тайно обвѣнчались съ дочерью Плуповича? справедливо ли это?“

— Точно такъ, отвѣчалъ Пузыревъ съ принужденною твердостью.

„Да какъ же вы осмѣлились это сдѣлать? Кто вамъ позволилъ? Знаете ли вы, что васъ за такое самовольство . . .“

— Все знаю, но дѣло конечно; прервалъ Степанъ Филипповичъ распроеаннымъ голосомъ: пощадите меня . . . продолжалъ онъ съ навернувшимися слезами на глазахъ: примите мое прошеніе . . . Я не могу и не долженъ служить въ этомъ полку . . . негодованіе и обидные взгляды моихъ товарищей,

убили бы меня прежде времени . . . Я скроюсь
опять ихъ въ дальнѣйшій гарнизонъ и шамъ . . .
Онъ не могъ окончить: слезы полились изъ
глазъ его въ два ручья—онъ вышелъ вонъ.

Черезъ три мѣсяца, по неспособности къ
полковой службѣ, молодой Пузыревъ былъ пе-
реведенъ въ В . . . ой гарнизонъ и при пове-
лѣнн: — съ полученіи сего немедленно из-
вольте опиравиться въ городъ В . . ну—онъ
получилъ и подорожную, и прогонныя деньги.

До сего времени, со дня поданнаго Пузы-
ревымъ прошенія о переводѣ его въ гар-
низонъ, онъ, по причинѣ болезни, переселил-
ся и жилъ въ домѣ своего шестя; и увѣ!
еще въ первые дни супружества, коварная
любовь сняла съ его глазъ очаровательную
свою повязку и обнажила предъ нимъ исти-
ну! Прелестная, обожаемая имъ Аркадія, за
которую онъ такъ много мучился, страдалъ,
для которой пожертвовалъ славою, ожидав-
шею его на поляхъ ратныхъ и спокойстві-
емъ своихъ родителей—была не болѣе, какъ
просто, молодая, безграмотная и глупецкая
женщина, которая цѣлое утро находила удо-
вольствіе сидѣть за туалетомъ, вымѣнен-
нымъ ея матерью у разнощиковъ на щепи-
ну, и заботиться о своемъ смѣшномъ наря-
дѣ; и потомъ во весь день или висѣть на
шеѣ мужа, осыпая его поцѣлуйми, или брен-
чать на негодномъ форшопльнишкѣ одну и

пу же, вышверженную на память мазурку; или перепрыгивать отъ музыки къ зеркалу, отъ зеркала опять на шею къ мужу и опять къ зеркалу, къ фортшюльямъ. Панъ Плушовичъ по же явился передъ его глазами — проспымъ, бѣднымъ шляхпичемъ, который во всю свою жизнь, у разныхъ помѣщиковъ, служилъ и бился изъ куска хлѣба—гдѣ экономомъ, гдѣ писаржемъ на броварнѣ (писаремъ пивоварни) гдѣ лѣсничимъ — и опять экономомъ, писаремъ и такъ далѣе. Жена пана Плушовича, также оказалась простою шляхпичкою, дочерью пана кухаржа (повара) на коей онъ женился изъ интересу: вмѣсто приданого онъ получилъ тогдашнее, послѣднее, мѣсто на Кохановской вилокурнѣ. Такъ же и припельское ихъ общество, собиравшееся, иногда по праздникамъ, въ домѣ Плушовича, казалось Степану Филишовичу шумнымъ отрывкомъ Бердичевской ярмарки.—Мужья кричали о своихъ ничтожныхъ спекуляціяхъ—покупать на маленькихъ ярмаркахъ, у бѣдныхъ мужиковъ худую скотину и опкармливать ее даромъ помѣщичьєю брагою; а жены ихъ звонили о своемъ незначущемъ хозяйствѣ, на примѣръ: объ урожаѣ въ ихъ огородахъ капусты, луку, огурцовъ и прочаго; о прибыльномъ размноженіи индѣекъ, кануновъ,

Во время сихъ бесѣдъ, разочарованный Степанъ Филишовичъ, облокотясь на 30-ши руб-

левое фортепьяно, на коемъ неупомимая его супруга безъ умолку брэнчала свою любимую, единственную мазурку, сидѣль погруженный въ глубокую задумчивость. Припоминая себѣ о шѣхъ упонченныхъ удовольствіяхъ и приличіяхъ образованныхъ обществъ, на кои онъ намопрълся, живя въ К . . вѣ, и въ коихъ уже самъ начиналь играть важную роль, и сравнивая все это съ настоящимъ своимъ положеніемъ, онъ живо чувствовалъ ничтожность своего состоянія, шакъ, что нерѣдко, нарочно жалуясь на головную боль, онъ отворачивался отъ жаркихъ поцѣлуевъ неотвязчивой, глупенькой своей Аркадіи, и часпо, вырвавшись изъ ея нескромныхъ объятій, уходилъ изъ комнаты и, спрятавшись за высокую поленницу дровъ, приготовленныхъ для винокурни, проливалъ шамъ горькія слезы!

Съ каждымъ днемъ, съ каждою минутою угасала въ немъ любовь къ Аркадіи, увеличивалось нерасположеніе къ ея родителямъ и усиливалась печаль до опчаянія; онъ спалъ подвеселяшь себя водочкою. Вскорѣ за симъ родилась въ немъ ненависть къ своему шестю и шещѣ, но онъ до времени крѣпился, скрывалъ; потомъ, узнавъ, что Плушовичъ, вмѣсто обѣщанной за дочерью деревни, не можешь дать ему и 10 серебряныхъ рублей, — Пузыревъ вспыхнулъ, вышелъ изъ себя, и

вышолкалъ пана писаржа и папи писаржеву изъ ихъ красиваго съ крылечкомъ домика.

Завладѣвъ домомъ, Степанъ Филипповичъ жилъ въ немъ полномочнымъ хозяиномъ до отправления своего въ В . . ой гарнизонъ, нѣсколько дней, въ теченіи коихъ возненавидѣлъ и Аркадію, спалъ нишь, опчаянно и, что всего ужаснѣе, не могъ перифѣть своего младенца-сына, родившагося на другой мѣсяцъ послѣ свашьбы!

Наконецъ въ Мартѣ, въ самую глубокую распушицу, несчастная Аркадія, жертва дурнаго—уже невоспитанія, а, просто, дурнаго присмотра, и слѣдовательно жертва своихъ полуневѣждъ—родителей, рыдая, прощалась съ своимъ опцомъ и матерью на вѣки! . И между тѣмъ, грубо понуждаемая опчаяннымъ своимъ мужемъ, должна была вырваться изъ послѣднихъ материнскихъ объятий и съ груднымъ, плачущимъ младенцемъ, идти какъ въ гробъ, и сѣсть въ ту самую бричку, на коей она, не задолго передъ тѣмъ, въ первые дни своего знакомства съ Пузыревымъ, съ первыми, еще невинными чувствами любви, неперифливая, возвратившись съ матерью изъ гостей, восхишила своимъ нечаяннымъ прїездомъ шокующаго по ней Пузырева и положила начало своему бѣдствію! . . . Пузыревъ, разбранивъ шеспя и шещу, и проклиная первую

свою встрѣчу съ Аркадією, называл себя несчастнѣйшимъ, погибшимъ человѣкомъ въ міръ, грубо съѣлъ подлѣ своей рыдающей жены и почпи съ одними прогонными деньгами, поѣхалъ въ В . . ой гарнизонъ—за 1500 верстъ!

Прошло два года и не было о немъ никакого слуха. Пѣпомъ прежніе хорошіе его пріятели, съ удовольствіемъ, слышали, что Пузыревъ, по ходатайству его покровителя Полковника, опять былъ переведенъ въ армейскій полкъ — и только. Послѣ сего еще прошелъ одинъ годъ, и никто не зналъ: гдѣ Пузыревъ и что съ нимъ дѣлается.

Въ Бессарабской обласпи, среди необозримой равнины, въ небольшомъ, тѣсно и душно построенномъ городкѣ, извѣстномъ своими ежемѣсячными ярмарками, на кои изъ всей обласпи сгоняются тысячи рогатаго скота и большіе табуны лошадей, въ домѣ Капитанъ-Исправника, послѣ званого, изобильнаго виномъ и, болѣе сытаго, нежели роскошнаго стола, сидѣли въ большомъ залѣ избранные гости, и въ ожиданіи кофе и ликера, каждый съ своимъ случайнымъ сосѣдомъ или сосѣдкою, говорилъ свое любимое. Между сими избранными гостями, съ пригожею дамою, по одалъ ошъ прочихъ, сидѣлъ молодой армейскій Маіоръ, товарищъ и лучший пріятель Степана Филиповича Пузырева; сидѣлъ и съ удо-

вольспіемъ *смотрѣль* на свою пригожую со-
сѣдку, рассказывавшую ему съ жаромъ о вос-
хищительномъ мѣстоположеніи Добружскаго
монастыря, гдѣ она наслаждалась жизнію въ
недавно-прошедшій монастырскій праздникъ.
Среди сихъ непринужденныхъ, пріятныхъ
разговоровъ, вдругъ отворяющіяся двери въ
залъ; показывается въ военномъ серпукѣ
Офицеръ и вдругъ опянь, какъ бы испугав-
шись многолюдства, скрывается за двери,
прихлопнувъ оныя сильно.— „Боже мой! это
знакомое лице!“ вскрикнулъ Маіоръ, вставъ
съ своего мѣста, и хотѣлъ было идти уз-
нать о *незнакомомъ знакомцѣ*; но вѣжливость
и удовольствіе слушать милую свою собе-
сѣдницу, продолжавшую все еще рассказы-
вать объ очаровательностиахъ Добружскаго мо-
настыря, требовали, чпобъ Маіоръ опянь
сѣлъ на свое мѣсто и дослушалъ.

Немного погодя, входитъ лакей и доклады-
ваетъ сышому хозяину, что какой-то Офи-
церъ желаетъ съ нимъ видѣться. — „Глу-
пой! проси его сюда!“ сказалъ Исправникъ
своему лакею съ неудовольствіемъ. Да я, су-
дарь, просилъ его пожаловать сюда, но онъ
неидетъ. Исправникъ вышелъ и черезъ ми-
нушу опянь возвратился въ залъ и расска-
залъ любопытному Маіору, что молодой,
бѣдный Офицеръ, переведенный изъ армей-
скаго полка въ X . . . ой гарнизонъ, вчера,

проѣзжая Орхѣвскій лѣсъ, былъ ограбленъ мошенниками, и чпо теперь, не имѣя чѣмъ доѣхать до Х . . на, проситъ его о вспоможеніи. „Но это вздоръ! продолжалъ Исправникъ съ увѣренностію, чпо нибудь да не такъ: откуда взялись въ Орхѣвскомъ лѣсу мошенники! я въ первый разъ слышу.“ Гдѣ это? Офицеръ? спросилъ Маіоръ съ неперпнїемъ.—„Я приказалъ ему дасть кушакъ; а между тѣмъ велѣлъ приготоовать подводу,“ отвѣчалъ Исправникъ.

Маіоръ пошелъ въ столовую; представиле его удивленіе! — Прежній его сослуживецъ и лучший прїятель Степанъ Филипповичъ, сидѣлъ бокомъ къ дверямъ, за столомъ, и не обращая вниманія на входящихъ и выходящихъ, съ жадностію чловѣка неѣвшаго три дня, пожиралъ все приносимое ему лакеями и пилъ большимъ стаканомъ Молдавское, кислое вино! . .

Разшрепанные волосы, небритая борода, багровое обезображенное горестію и безпушною жизнью лице, старый, полнявшій, нечищенный, съ разшрепанными пуговицами сертукъ, такіе же рейпузы и худые сапоги — говорили Маіору о совершенной гибели его лучшаго прїятеля; Маіоръ заплакалъ.

— „Здравствуйте, любезный Степанъ Филипповичъ!“ говорилъ добрый Маіоръ прерывающимся голосомъ, подходя къ столу. Нес-

частный Пузыревъ обернулся на голосъ, взглянулъ на Маіора, вспалъ, поклонился, опять сѣлъ и продолжалъ ѣсть.

— „Откуда это вы? и куда ѣдете?“

— Въ Х . . . ъ; отвѣчалъ Пузыревъ безчувственно.

— „Развѣ вы меня не узнаете?“ спросилъ его Маіоръ съ удивленіемъ и горестію.

— Очень помню, отвѣчалъ Пузыревъ, съ шюю же безчувственностію; мы съ вами когда-то служили въ одномъ полку, въ одной рѣпѣ—вы господинъ С . . . ъ.

— „Какъ же вамъ не спыдно, что вы послѣ этого, и послѣ чепырехъ-лѣпней нашей разлуки, не оказываете ни малѣйшаго чувства радости, встрѣпившись со мной нечаянно!“

— Чему мнѣ радоваться!—я сію минушу ѣду и можешь бышь не увижусь съ вами вѣчно! . . Маіоръ ужаснулся, выслалъ всѣхъ людей, и придвинувъ стулъ, сѣлъ подлѣ несчастнаго Пузырева. „Вы очень несчастны, любезный Степанъ Филипповичъ! это видно по всему!“

— Да, отвѣчалъ Пузыревъ хладнокровно, съ шѣхъ поръ, какъ женился.

— „Гдѣ же ваша жена?“

— Не знаю. Она, уже годъ, какъ меня бросила, и, чоршь ее знаетъ, съ кѣмъ и куда уѣхала.

— А сынъ вашъ гдѣ?

— Который? у меня ихъ было шрое.

— „Гдѣ жъ они?“

— Всѣ померли еще въ колыбели.

— „И вы можете говорить о нихъ съ такою безчувственностію! . вы, который съ такою нѣжностію . . .“

— Чшо жъ мнѣ дѣлать! прервалъ Пузыревъ съ негодованіемъ, опшполкнувъ опъ себя жаркое; вы видите! . . но оставьте! . . не будите меня опъ этой благодѣтельной безчувственности! . . вскричалъ онъ опчаяннымъ голосомъ, ударивъ по столу ножемъ; потомъ вскочилъ со стула и хопѣлъ было бѣжать вонъ изъ споловой; но Маіоръ его оснано-вилъ, и расстроганный несчастіемъ своего лучшаго пріятеля, спалъ просить его убѣдительно, со слезами, чшобъ онъ потчасъ поѣхалъ съ нимъ на его кварширу; но Пузыревъ никакъ не соглашался.—„Любезный Степанъ Филипповичъ! говорилъ Маіоръ, пожалуйста заѣдемъ ко мнѣ! Въ вашихъ шеперешнихъ обстоятельствахъ, я могу вамъ быть полезенъ, могу сколько нибудь облегчить вашу участь; пожалуйста поѣдемъ . . .“

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ Пузыревъ, вырываясь изъ его объятій, я не пойду къ вамъ, мнѣ нѣкогда; я долженъ поспѣшать въ X . . .; я уже и то просрочилъ двѣ недѣли; прощайте но если у васъ въ самомъ дѣлѣ

есть охота мнѣ помочь, по дайше мнѣ на дорогу сколько нибудь денегъ.— „Гошовъ вамъ служить ошѣ всей души, любезный Степанъ Филипповичъ, но съ шѣмъ, чшобѣ вы, хошѣ на одну минушу, заѣхали ко мнѣ.

— Ни на одну секунду! не могу, и не хочу. Прошу васъ, дайше мнѣ денегъ, и я сей часъ поѣду?

Не было возможности уговорить несчастнаго Пузырева заѣхать въ домъ своего лучшаго пріятели; между шѣмъ привели подводу; начали показываться любопытные; несчастный Пузыревъ рвался ѣхать; Маіоръ ошдалъ ему все, чшо на шощъ разѣ имѣлъ съ собою и, горько рыдая, простился съ нимъ навсегда.

Черезъ шри мѣсяца, по пріѣздѣ въ Х . . ѣ, несчастный Степанъ Филипповичъ былъ ошданъ подѣ военный судъ, и къ счастью его умеръ прежде конфирмаціи на 22 году ошѣ рожденія.

Спрашивается: кшо былъ причиною, чшо Степанъ Филипповичъ, шакъ рано и шакъ худо, кончилъ жизнь свою: — бабушка (машъ Сшепаниды Кириловны), или машушка Сшепанида Кириловна?

М. МАРКОВКА.

М. Сблѣх.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Н А Д П И С Ъ К Ъ Б Е С Ъ Д К Ъ .

Увидѣлъ, полюбилъ, понравился прелестной, . . .

Спалъ счастливъ. — Гдѣ? Кипо? Какъ? — о томъ лишь мнѣ
извѣстно!

Ф.

УТ Р Е Н Н Я Я М О Л И Т В А Х О Л О С Т А Г О .

Молишву Ты, мою, Творецъ благослови!

Храни меня въ сей день отъ дружбы, отъ любви:

Но если суждено одно избрать изъ двухъ:

То друга мнѣ пошли . . . ужь пусть обманешь другъ!

* * *

Р У С С С К І Й Т Е А Т Р Ъ .

Илья Богатырь, волшебная опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, (музыка Г. Кавоса); представлена на маломъ театрѣ, 21 сего Мая.

Творецъ оперы: *Илья Богатырь*, есть И. А. Крыловъ, безсмертный нашъ баснописецъ, почтенный особеннымъ вниманіемъ Государя Императора. Нужно ли говорить, что помянутая опера, написанная чистымъ Русскимъ языкомъ, приправлена чистыми остроуми. (Большая часть нашихъ сценическихъ произведеній нашихъ говывается остроуми тупыми, *ерзаными*, если будетъ позволено намъ шакъ выразиться.)

Музыка оперы *Илья Богатырь* есть одно изъ лучшихъ произведеній Г. *Кавоса*, принесшаго на алтарь Аполлона, жертвы его достойныя, [кромѣ сего произведенія] оперы: *Клязь Невидимка* и *Иванъ Сусанинъ*.

Въ *Илья Богатырь* играли нынѣ въ первый разъ: Г-жа *Лебедева* [Всемилу], *Шелехова м.* [Зломеку] и *Марсель* [Руссиду], а Г. *Петровъ м.* [Таропа]. Пріятный и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе доходящій до совершенства голосъ Г-жи *Лебедевой* подкрѣпляетъ въ насъ надежду видѣть въ пей украшеніе нашей оперы. Г-жа *Шелехова м.* трудную партію Зломки выдержала довольно удовлетворительно. Физическія ея силы не позволяли ей достигать той музыкальной вышины, на коей, восхищала насъ покойная *А. И. Иванова* и достиженіе коей есть, по волю Г. Композитора, необходимость для пѣвицы, занимающей роль Зломки. Въ лицѣ Таропа мы видали и незабвеннаго *Воробьева* и (увы! и ахъ!) Г. *Гуллева*, и забавляющаго насъ своимъ паланпомъ комическимъ Г. *Рязанцова*. Нынѣ въ этой роли явился *Петровъ м.* Разумѣется онъ, по неопытности своей, во многомъ былъ ниже *Воробьева*; что жъ касается до Г. *Рязанцова*, то Г. *Петровъ* уступая ему въ отношеніи комизма, далеко превзошелъ его въ пѣніи. Всѣ нумера своей партіи онъ исполнилъ съ откровенностью, кою которая принесла бы честь и опытному пѣвцу. Въ заключеніе сей статьи намъ весьма пріятно поблагодарить опъ души начальство театральнаго училища, пекущагося

объ образованіи раждающихся палаптовъ: Г-жа *Рамазанова* [дочь покойныхъ *А. Н. и А. И. Рамазановыхъ*] играла малюпку *Лену*, и сыграла ее весьма, весьма хорошо. Что же ничего не сказали о Г-жѣ *Марсель*, известной уже на нашей сценѣ съ десятокъ лѣтъ? спросяшь, можетъ быть, насъ наши читатели. Мм. Гг. мы желали сію нашу спашью окончить пріятнымъ, а попому позвольте намъ на сей разъ, промолчать о Г-жѣ *Марсель*.

Н О В О С Т И.

Спихотвореніе Пушкина: *Борисъ Годуновъ*, переведена уже на Нѣмецкій языкъ, Русскимъ и Нѣмецкимъ поэтомъ, Барономъ *Е. Θ. Розеномъ*.

Парижапамъ не понравился новый водевиль: *Пагалини въ Германіи*, который давали недавно въ театрѣ новосней [Théâtre des nouveautés]; напрошивъ того водевиль *Молодость Тальмы* имѣлъ большой успѣхъ.

Пишуть, что въ Дрезденскомъ придворномъ театрѣ, другой уже годъ, нѣтъ *первой* пѣвицы. Надобно думать, что тамъ нѣтъ вовсе ни одной пѣвицы; иначе, которая нибудь изъ нихъ не преминула бы назваться себя *первою!*

Олимпическій циркъ Франconi давалъ недавно новое представленіе, подѣ названіемъ: *Мизорскій Левъ*. Въ эпохъ піэсъ, содержаніе коей заимствовано изъ исторіи извѣстнаго и несчастнаго Гидеръ-Али, участвоваль весь огромный звѣринецъ Г. *Мартеня*. Зрители видяшъ на сценѣ сраженіе Индѣйцевъ съ дикими звѣрьми—и невольника, [котораго представлялъ Г. *Мартень*], для снисканія помилованія, борющагося съ раздраженною львицею, и оспающагося побѣдителемъ. Въ числѣ блистательныхъ декорацій, заслуживаетъ особенное вниманіе лѣсъ, въ которомъ почти на каждомъ деревѣ сидитъ обезьяна, почти на каждой вѣткѣ сидитъ попугай, и гдѣ во множествѣ пресмыкаются змѣи. Въ одной сценѣ Тигръ преслѣдуетъ ребенка, въ другой Г. *Мартень*, обвиняемый двумя огромными змѣями, представляеть группу Лаокона. Въ заключеніе Г. *Мартень* является на торжественной колесницѣ, въ одной кляшкѣ съ побѣжденною имъ львицею. Первое представленіе прошло счастливо.

Въ Парижѣ 65 лѣтъ уже существуетъ охотничій театръ, подѣ управленіемъ одного и того же Директора, которому теперь опъ рода 82 года. На эпсмъ театрѣ образовались первѣйшіе артисты Франціи. Недавно давали піэсу, въ коей главную роль занималь сынъ знаменитаго *Лекеня*.

Предметъ удивленія Парижанъ составляетъ теперь залъ въ домѣ одного богатаго банкира, въ улицѣ d'Antin. Всѣ украшенія на дверяхъ, стѣнахъ и окнахъ, равно люстры, канделябры и другія принадлежности сдѣланы изъ полированной стали. При огнѣ видъ чрезвычайный. Увѣряютъ, что эти сталь-

ныя вещи опшюдь не дороже бронзовыхъ. Маспертъ, пригоповлявшій ихъ для банкира, нашель средснво предохранять сталь и опъ ржавчины.

15 Апрелья обрушился въ Бругмонъ [въ Англин], всячій мостъ въ самое то время, когда проходила черезъ него рота солдатъ; при чемъ около 40 человекъ болѣе или менѣе ранены, но ни одинъ не ушюнулъ; по счастью рѣка была, на эптошь разъ, весьма неглубока.

Въ Нимфенбургѣ, близъ Минхена, умерла 17 Апрелья поденьщица на 119 году опъ рожденія. Послъ нее оспалась сестра, которой теперь 115 лѣтъ.

По статистическому изчисленію, жалованье всѣхъ служащихъ, во Франціи, гражданскихъ чиновниковъ составляеть ежегодно 159,915,000 франковъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е № XLII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Степушка. (Истинное происшествіе.) *Стихотворенія:* Надпись къ бесѣдкѣ Упренная молитва холосаго. **РУССКІЙ ТЕАТРЪ.** Илья Богатырь. **НОВОСТИ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 29 Мая 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ПИСЬМО КАПИТАНА КЛУТТЕРБУКА КЪ ДОКТОРУ ДРІАЗДУСТУ.

(Соч. *Вальтеръ-Скотта*.)

Вы знаете, что участіе мое въ изданіи романа *Монастырь*, сдѣлало меня нѣсколько извѣстнымъ въ нашей Шотландской Меспрополи. Теперь я не встрѣчаю уже необходимости, оставаясь въ наружной лавкѣ нашихъ книгопродавцевъ, торговаться съ несноснымъ сидѣльцемъ въ цѣнѣ нужнымъ для меня книгамъ, получаютъ полчки отъ ребятишекъ, прибѣгающихъ за свурками и шепрадами, или отъ служанокъ, поргующихся въ копѣйкѣ за лишніе бумаги: меня учтиво принимаетъ самъ книгопродавецъ, который, встрѣчая меня, говоритъ: „покорнѣйше прошу, Г. Капитанъ, войши во внутреннюю лавку. Мальчикъ! дай стулъ Г. Капитану Клуттербуку. Г. Капитанъ, вотъ сегодняшній журналъ, вотъ

„вышедшая вновь книга, и вопшь ножницы, „если угодно будетъ разрѣзатьъ лиспы; или, „не угодно ли вамъ, Г. Капитанъ, взять эту „книгу для прочненія, или не угодно ли ее „купить? Мы за свою цѣну уступимъ ее „вамъ, какъ нашему товарищу.“ Если же это его собственное изданіе, тогда, его доброе ко мнѣ расположеніе проспирается даже до того, что онъ прибавляетъ: „не приказывайте „эту бездѣлку записывать въ вашу счетъ; „это лишній экземпляръ; только, сдѣлайте „одолженіе, похвалите эту книгу вашимъ „пріятелямъ—литператорамъ.“ Я уже не говорю о пріятныхъ литературныхъ бесѣдахъ вокругъ морской рыбы, часши пашильняго барана, или инаго блюда,—и около бушылки чернаго, или Королевскаго пива Роберта Кокбурна, оживляющихъ наши разсужденія о старыхъ книгахъ, и наши предположенія о новыхъ: таковы удовольствія, привилегированнаго литператора, которыми я имѣю счастье наслаждаться.

Но все измѣняется подь солнцемъ, и я, посѣщая ежегодно Метрополию, не безъ чувствительнаго сожалѣнія, вижу себя лишаемымъ удовольствія встрѣчать тамъ откровенное и ласковое привѣтствіе умнаго и обязательнаго пріятеля, который познакомилъ меня съ публикою, котораго оригинальнаго ума достапочно было бы для дюжины за-

писныхъ говоруновъ, и которъй имѣлъ болѣе остроумной веселости, нежели было нужно, чѣмъ сдѣлать всѣхъ ихъ счастливыми. За этою великою пошеркою послѣдовала, хощя можетъ быть кратковременная, но пошеря же другаго книгопродавца, также моего пріятеля, которъй, руководствуясь возвышенностію своихъ видовъ, составилъ въ своемъ опечесивѣ хранилище народной словесности, и, сверхъ того, липерашурное судилище, для удержанія въ границахъ людей, спремѣющихся удаляться отъ многихъ изъ ея правилъ. Послѣдствія этого учрежденія, приводимаго въ исполненіе, болѣе всего, силою ума и предусмотрительности человѣка, умѣвшаго достигнуть до неожиданной степени возвышенности въ дарованіяхъ разнаго рода, свойственныхъ его соопечесвенникамъ, безъ сомнѣнія, сдѣлаются болѣе ошупительными, когда новое поколѣніе заспушитъ мѣсто нашего.

Я вошелъ въ находящуюся на площади книжную лавку, желая узнать о состояніи здоровья моего пріятеля, и съ удовольствіемъ услышалъ, что пребываніе его въ полуденныхъ провинціяхъ уменьшило опасныя признаки, заспавившіе безпокоиться на счетъ его разсудка.

Пользуясь, въ этомъ случаѣ, объявленнымъ мною преимуществомъ, я пошелъ чрезъ Ла-

виринѣтъ небольшихъ, темныхъ комнатъ, или, говоря языкомъ нашихъ анпикваріевъ, чрезъ криппы, составлявшіе заднюю часть дома, занимаемаго лавкою. Между шѣмъ, видя въ нихъ, или обвѣщалаыя книги, набросанныя кучами, или новыя, какъ мнѣ казалось, менѣе прочихъ пребуемыя публикою, усѣявленныя рядомъ на полкахъ, я не могъ не ощутишь священнаго ужаса, воображая опасность, съ кошорою могъ вспрѣшиться, приблизясь къ какому нибудь вдохновенному Барду, предающемуся своему шипическому изсупленію, или, что также могло случиться, подошедъ къ ужасной еще болѣе толпѣ кришниковъ, раздирающихъ на куски жершву ими преслѣдуемую. Воображая это, я уже объятъ былъ шайнымъ ужасомъ вдохновенныхъ горныхъ жишелей, кошорымъ, способность проникать въ будущее, открываетъ незримое глазами обыкновенныхъ смертныхъ, и кошорые, какъ говоритъ Коллинсъ: „не замѣчая ничего окресить себя, въ изсупленіи взираютъ на шайныя „дѣйствія безплотныхъ.“ Между шѣмъ, непреодолимое побужденіе неопредѣленнаго любопытства продолжало увлекать меня чрезъ темныя комнашы, и я, наконецъ, подобно Ювелиру Дели, въ домѣ волшебника Беннаскара, достигъ комнашы, посвященной шайнѣ и молчанію, въ кошорой пошолокъ замѣнялся сводомъ, и увидѣлъ въ ней, сидя-

шаго близъ свѣтильника и пересматривающаго коррекшурные листы, человека, или скорѣе призракъ, или тѣнь сочинителя Ваверлея. Вы не будете удивляться, что въ то время, когда я, преклоня предъ нимъ колѣно, говорилъ ему классическое привѣщаніе: *Salve magna parens*, сыновнее чувство сдѣлало мнѣ понятнымъ кто онъ. Между тѣмъ привидѣніе, указавъ на шишуль, дало мнѣ почувствовать, что приходъ мой не былъ неожиданнымъ, и что оно хочешь что-то мнѣ сказать.

Я сълъ съ почтительною покорностію, и старался разсмотрѣть черты существа, близъ котораго я нашелся такъ неожиданно; но не могу вамъ о нихъ сообщить никакого удовлетворительнаго свѣденія, потому что, сверхъ темноты комнаты и собственнаго моего безпокойства, я чувствовалъ себя подъ властію чувства дѣтскаго уваженія, которое не позволяло мнѣ разсматривать то, что безъ сомнѣнія, ему особенно нужно было отъ меня скрывать. Припомъ, онъ такъ завернулся въ плащъ, или халатъ, или какую-то подобную тому одежду, что ему прилично было сказанное Спенсеромъ: „Ни по лицу, ни по походкѣ не возможно было узнать, мущина это или женщина.“

Между тѣмъ, я стану продолжать какъ началъ, употребляя мужескій родъ, потому

что, не смотря на самыя основательныя догадки, кажуціяся почти не подлежащими сомнѣнію, будто Ваверлей сочиненъ двумя женщинами, я остаюсь при общемъ мнѣніи, что сочинитель его не принадлежишь къ споль милому полу, потому что въ его сочиненіи слишкомъ много Quae maribus sola tribuuntur, чтобъ въ эпозъ усомнишься. Я спазу продолжатъ, излагая въ видѣ разговора, все между нами происходившее, и только присовокуплю, что ласковосишь его непримѣнно испребила мою робосшь. и, наконецъ, возстановила всю довѣренность, какую мнѣ позволялось имѣшь къ самому себѣ.

Сочинитель Ваверлея. Я хотѣлъ тебя видѣшь, Капитанъ Клуппербукъ, потому что, по смерпи Эдедіа Клейсбомама, я тебя люблю болѣе всѣхъ моихъ родныхъ, и боюсь, что обидѣлъ тебя, назначивъ тебѣ въ наслѣдство *Монастырь* (*). Надобно эпо вознаградишь, назвавъ тебя крестнымъ опцемъ эпого еще неродившагося ребенка (онъ указалъ пальцемъ на лежащіе предъ нимъ коррекпурные листы). Но прежде посполкуемъ о *Монастырь*. Что говоряишь о немъ въ свѣтѣ? Ты вездѣ бываешь, и тебѣ не спрудно эпо знаишь.

Капитанъ Клуттербукъ. (Нѣсколько заикнувшись). На эпо довольно спрудно отвѣ-

(*) Извѣстный романъ С. В. Скошша, II. II.

часть По крайней мѣрѣ, отъ издаше-
лей я не слыхалъ на него жалобы.

С. В. Это главное; но, сверхъ того, иногда и незначущее сочиненіе замѣчается шѣми, которые прежде него оспавили прис-
тань при попушномъ вѣтрѣ. Чшо говорашъ крипики?

К. К. Имъ вообще не нравится *бллая женщина.*

С. В. Я самъ думаю, чшо она не многимъ нравится; но болѣе по опдѣлкѣ, нежели по идеалу. Ежели бы я, призвавъ духа, изобра-
зилъ его своевольнымъ и милымъ, каприз-
нымъ и добрымъ, не спѣсняющимъ никакимъ
постояннымъ правиломъ, никакою причиною
дѣйствія, вѣрнымъ и спрашнымъ, хотя без-
покойнымъ и вѣпренымъ

К. К. Извините меня, чшо прерываю сло-
ва сіи: мнѣ кажется, чшо вы дѣлаете изобра-
женіе прелестной женщины.

С. В. Въ самомъ дѣлѣ, я и самъ по же думаю.
Впрочемъ мнѣ нужно моимъ второсепен-
нымъ духамъ придавать нѣсколько плѣла и
крови, приближать ихъ къ людямъ. Они не-
поняшны при настоящемъ вкусѣ публики.

К. К. Сверхъ того, замѣчаютъ, чшо ха-
рактеръ Никсиа долженъ бы имѣть болѣе
благородства, чшо купанье паспора не при-
надлежитъ къ забавамъ, приличнымъ Паядѣ.

С. В. А почему же и не позволишь порѣз-

вишься существу, которое между прочимъ, не болѣе, какъ добрый духъ. Вода, купаюсь въ которой Аріель, прекраснѣйшее твореніе воображенія Шекспирова, плѣнилъ нашего добраго пріятели Тринкуло, была не жасминная и не розовая Но никакъ не скажешь, чтобъ я хопѣлъ грести пропивъ воды. Я пишу для удовольствія публики и, почитая не позволительнымъ снискивать благосклонность чипашелей средствами, которыми мнѣ представляются унизительными, равнымъ образомъ, не буду упорно защищать своихъ ошибокъ пропивъ общаго мнѣнія.

К. К. И такъ, (сказалъ я, взглянувъ въ свою очередь на корректурные листы) въ этомъ твореніи у васъ нѣтъ ни мисрики, ни волшебства, ни предзнаменованій, ни чудесъ, ни предсказаній, ни сновидѣній, ни предчувствій, ни таинственныхъ отношеній наступающихъ событій къ будущимъ.

С. В. Ни одной царапки Кокк-Лана, сынъ мой! ни одного удара въ барабанъ Тедворпа, ни малѣйшаго шороха, дѣлаемаго въ кустахъ слабымъ живописнымъ, и предрѣкающаго смерть. Все совершенно ясно, и Шотландскому метафизику понятно до послѣдняго слова.

К. К. И, безъ сомнѣнія, повѣствованіе просто и вѣроподобно; его начало занимательно, ходъ естественъ, заключеніе удачно; оно вообще уподобляется прекрасной рѣкѣ,

съ кипѣніемъ вырывающейся изъ какой нибудь живописной пещеры, потомъ, капающей величественно свои воды, не замедляя и не усиливая ихъ печенія, касающейся, какъ бы по естественному влеченію, всего достойнаго вниманія, вспрѣчающагося на пути ея, и, по мѣрѣ своего печенія, дѣлающейся непрерыванно глубже и шире; наконецъ, вы достигаете послѣдняго приключенія, какъ обширнаго порта, въ копоромъ всѣхъ родовъ суда спускаютъ паруса.

С. В. Э, э! что это значить? это піищическій геній Иракла, и надобно кого нибудь болѣе похожаго на Геркулеса, нежели я, чпобъ написать повѣствованіе, копорое бы, *вырвавшись съ быстротою, шло не замедляясь, все обнимало, дѣлалось шире и глубже*, и такъ далѣе. Меня успѣютъ прежде закопать по уши въ могилу, нежели я успѣю это сдѣлать; а между тѣмъ, все забавное, что я могъ бы придумать для доставленія удовольствія моимъ читателямъ, исчезнетъ, подобно острымъ словамъ Санхо-Пансо, во время гнѣва его господина. Подобнаго романа еще ни кто не написалъ.

К. К. Извините: шаковъ Том-Джонъ.

С. В. Да; и, можешь бышь, Амалія. Фильдингъ зналъ основательно искусство, копорого онъ можешь почесъся и изобрѣшателемъ. Родъ его романовъ достоинъ бышь

сравненъ съ Эпопею. Смоллетъ, Лесаажъ и другіе, сбросивъ съ себя строгость усшановленныхъ имъ правилъ, писали болѣе повѣствованія происшествій, встрѣчающихся съ человекомъ въ жизни, нежели слѣдовали плану правильной и хорошо составленной эпопеи, въ которой каждый шагъ приближаетъ насъ болѣе и болѣе къ окончательному происшествію. Эпи великіе писатели ограничивались доставленіемъ намъ забавы въ продолженіе пупи, а заключеніе дѣлали, только пошому, что безъ него нельзя обойтись; точно такъ путешественникъ останаавливается у постоялаго дома, пошому что наступаетъ ночь.

К. К. И эпого рода путешествіе очень спокойно, по крайней мѣрѣ, для сочинителя. Коротко сказать, вы согласны съ мнѣніемъ Байеса, который говоритъ, что только планъ даетъ средства къ облеченію мысли въ красивую форму.

С. В. И я желалъ бы, имѣя такой планъ, написать пріятно и умно нѣсколько сценъ, безъ затрудненія соединенныхъ, довольно занимательныхъ; для доставленія облегченія при тѣлесныхъ спраданіяхъ, развлеченія при безпокойствахъ душевныхъ; для разглаженія чела, наморщенного заботами; для произведе- нія перемѣны непріятнаго расположенія въ пріятнѣйшее, или даже для возбужденія лѣ-

нивыхъ изучають отечественное бытописаніе; однимъ словомъ, для всего, исключая опвлеченія чпеніемъ моего повѣствованія отъ исполненія важныхъ обязанностей. Сочинитель подобнаго шворенія, какъ бы оно ни было худо написано, не можетъ ли, для извиненія своихъ ошибокъ и недосмотровъ, воскликнуть, подобно невольнику, котораго вели наказывать за разиространеніе ложнаго слуха о побѣдѣ: „О, Авиняне! не уже ли вы меня „накажете за доспавленіе вамъ счасливаго „дня?“

К. К. Угодно ли вамъ будетъ позволюшь мнѣ разскажать одинъ анекдотъ о моей покойной бабушкѣ?

С. В. Я не знаю, какую это можетъ имѣть связь съ нашимъ разговоромъ?

К. К. Это имѣетъ отношеніе къ тому, что мы говорили о методѣ Байеса. Добрая старушка, успокой ея душу Господи! соединяла съ большою понкоспію ума большую набожность, и никогда не могла слушать невыгодныхъ опзывовъ о паспортѣ, не вступившись за него съ жаромъ. Между шѣмъ, былъ одинъ предметъ, въ разговорѣ о которомъ она его никогда не защищала, съ того времени, какъ узнала, что онъ сказалъ проповѣдь противъ клеветниковъ.

С. В. Да къ чему же все это ведетъ?

К. К. Къ тому, что, какъ говорятъ Ин-

женеры, можно открытъ непріятелю слабую сторону, заботясь слишкомъ о ея укрѣпленіи.

С. В. Я все еще ничего не понимаю.

К. К. И такъ опасая метафоры, я боюсь что это новое произведеніе, въ которомъ вы, по вашему великодушію, дѣлаете меня участникомъ, будетъ имѣть большую надобность въ снисхожденіи, пошому что вы почитаете нужнымъ защищать его прежде, нежели оно будетъ судимо. Я побьюсь объ закладъ о бутылкѣ Клерета, что повѣствованіе безпорядочно.

С. В. О бутылкѣ О'порто! хотѣлъ бы сказать, я думаю.

К. К. Нѣтъ! я говорю Клерета, добраго, монашнскаго. Ахъ! если бы вы только хотѣли слѣдовать совѣтамъ друзей своихъ, спарались бы заслужить хотя часть благосклонности, которую вамъ изъвила публика: мы все пили бы Токайское вино.

С. В. Все равно что ни пить, лишь бы питье было здоровое.

К. К. По крайней мѣрѣ, подумайте о своей славѣ.

С. В. О моей славѣ? . . Я тебѣ скажу по же, что сказалъ одинъ мой пріятель, человекъ умный, съ дарованіями и образованный, въ защиту извѣстнаго Джем-Мак-Куля, противной споронѣ, укорявшей его Кліента въ томъ, что онъ оказывался отвѣчающъ на

нѣкоторыя вопросы, на которые, какъ говорили, всякій человѣкъ, хотя нѣсколько дорожащій своею славою, не остановившя опвѣщивать. „Кліентъ мой — сказалъ мой „пріятель—имѣеть несчастіе, ни мало не „безпокоится о своей славѣ, и я посупилъ „бы недостойнымъ образомъ, если бы ска- „залъ, что его слава пребудетъ какого ни- „будь о ней безпокойства.“ Я, хотя совершенно по другимъ причинамъ, нахожусь въ такой же счастливой беззаботливости. Слова принадлежатъ имѣющимъ существованность; тѣнь же (а посредственный писатель не болѣе) не можетъ бросать тѣни.

К. К. Можетъ быть нынѣ вы уже не столь посредственны, какъ прежде: письма къ членамъ, представителямъ Оксфордскаго Университета въ Парламентъ

С. В. Показываютъ умъ, геній и искусство писавшаго ихъ, которые, желалъ бы я чистосердечно видѣть употребленными на чтонибудь лучшее. При томъ эти письма доказываютъ, что сохраняемое мною инкогнипо ввело одно скороснѣлое дарованіе въ большіе хлопоты. Однако дѣло, хотя и хорошо обспиваемое, опъ того не выиграно. Ты помнишь, что всѣ свидѣтельства, искусно собранныя для подтверженія доказательствъ Сира Филипа Франциска о письмахъ Юніуса, сколь ни казались непровергаемыми, но со

всѣмъ пѣмъ, поперяли всю свою силу, и Юніусъ погрузился въ неизвѣстность. Впрочемъ, ни ласкъ, ни принужденіе, не застаиваешь меня ничего болѣе говоришь объ эпемѣ: скажешь кпо не я, уже шагъ къ тому, чтобъ сказать кпо я. Мое самолюбіе равнымъ образомъ, какъ упоминаемаго Шенетонемъ судіи мира, не пребуешь распространенія шума, и я продолжу мое молчаніе о предметѣ, котораго, по моему понятію, не заслуживаетъ никакого вниманія, и еще менѣе такого напряженія ума, какое дѣлалъ молодой сочинитель писемъ.

К. К. Соглашаюсь съ пѣмъ, что вамъ не нужно беспокоиться ни о своей славѣ, ни о славѣ литератора, къ которому могутъ быть опнесены ваши ошибки; но все должно сказать, что признательность, которою вы обязаны публикѣ за удостоеніе васъ обязательнымъ пріемомъ и снисходительностію, должна бы васъ заставить обратиться болѣе вниманія на свои сочиненія.

С. В. Сынъ мой! прошу тебя, какъ говоришь Джонсонъ, удалить отъ своего ума всякое пришествіе. Что касается до криптиковъ, у нихъ свое дѣло, у меня свое. У кормилицъ есть поговорка: „дѣти Голландъ, цевъ любяшь то дѣлашь, что дѣти Англичанъ любяшь ломашь.“ Я, покорнѣйшій поставщикъ господъ криптиковъ слишкомъ за-

нятъ доспавленіемъ имъ пищи, чтобъ имѣть еще довольно времени замѣчать: ѣдятъ они ее, или нѣтъ.

Что касается до публики, я предъ нею почишаю же, что почталіонъ приносящій письмо. Если оно заключаетъ какую нибудь пріятную новость, извѣстіе опъ любимой женщины, опъ опсуспвующаго сына; увѣдомленіе о готовности уплатить деньги опъ челоѣка, почишаемаго несоспоятельнымъ, тогда это письмо получается съ удовольствіемъ, читается и перечитывается, складывается, нанизывается на снурокъ и прячется со вниманіемъ въ письменный споль; если же въ немъ заключается что нибудь непріятное, ежели оно опъ заимодавца, пребывующаго уплаты, тогда, писавшій его, проклиняется; оно бросается въ огонь, и о заплаченныхъ за него деньгахъ сожалѣется, между тѣмъ, почталіонъ, его привесшій, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, не болѣе о немъ заботится, какъ о послѣднемъ Рожественскомъ снѣгѣ. Все, что можетъ быть дѣйствительно общимъ между публикою и сочинителемъ, заключается единственно въ снисхожденіи публики къ твореніямъ, выходящимъ изъ-подъ пера ея стараго знакомца, можетъ быть происходящемъ, не болѣе, какъ опъ привычки ея къ его произведеніямъ, и при всемъ томъ, ни мало не препятствующемъ сочи-

нителю получать о себѣ очень выгодное мнѣніе и восхищаться своими произведеніями; но я полагаю рѣшительно, что шумъ, ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ права на истинную благодарность.

К. К. По крайней мѣрѣ, уважете къ самому себѣ должно бы васъ заставить спарашься бытъ осторожнымъ.

С. В. Да, ежели бы осторожность могла способствовать моимъ успѣхамъ. Но, сказавъ правду, сочиненія и опривки, въ которыхъ я болѣе успѣвалъ, вообще были писаны чрезвычайно быстро, и когда я сравнивалъ ихъ съ тѣми, которыя были отдѣлываемы съ большимъ вниманіемъ, то, свидѣтельствуясь моимъ перомъ и моею чернильницею, что находилъ послѣднія несравненно болѣе слабыми, и именно отъ того, что я болѣе спѣшался ихъ обработать. Да и вообще, я сомнѣваюсь, чтобъ мѣшкательность могла бытъ выгодна, какъ для публики, такъ и для сочинителя: надобно ковать желѣзо, пока оно горячо, и опправляясь отъ приспани, пока дуешь попушный вѣпръ. Ежели счастливый сочинитель не будетъ выходить на поприще, его мѣсто займутъ другой; ежели онъ на десять лѣтъ отсрочитъ изданіе новаго сочиненія, оно замѣнится другими; если же вѣкъ столь бѣденъ геніями, что этого и не случится, то его собственная слава

сдѣляется величайшимъ его врагомъ: публика будетъ ожидать увидѣть новое сочиненіе въ десятеро лучшимъ противъ предшествовавшего, сочинитель будетъ ожидать въ десятеро болѣе вниманія къ нему отъ публики, и вообще, въ пропорціи ста къ десяти, сдѣлаюшь ошибку.

К. К. Ежели бы это и могло оправдать нѣкоторую поспѣшность въ изданіи сочиненій, все вамъ не должно бы забыватьъ пословицы: *спѣши медленно*. По крайней мѣрѣ, должно бы употреблять нѣкоторое время на приведеніе въ порядокъ сочиненія.

С. В. Это для меня довольно трудно, сынъ мой. Повѣрь мнѣ, я никогда не пренебрегалъ обыкновенныхъ предосторожностей: всегда пересматривалъ мое сочиненіе, раздѣлялъ его на части и на главы, и спарался написать романъ съ сохраненіемъ поспешности въ его ходѣ, способной для поддержанія любопытства и вмѣстѣ съ тѣмъ для возбужденія онаго, и окончивъ все занимательнымъ произшествіемъ; но мнѣ кажется, что въ то время, когда я принимаюсь писать, какой-то демонъ садится на кончикъ моего пера, и отклоняетъ его отъ цѣли: характеры развертываются, произшествія умножаются, матеріалы накаплиются безпрестанно болѣе, и я не вижу конца повѣсти. Сооружаемое мною зданіе теряетъ свою правильность и

превращася въ уродливую гошическую громаду, и швореніе оканчивася далеко прежде, нежели я успѣваю достигнуть до предположенной мною цѣли.

К. К. Съ рѣшительностію и непоколебимымъ перпѣніемъ можно бы помочь этому горю.

С. В. Ахъ! ты не знаешь, сколь сильна любовь родительская! Когда я встрѣчаю характеръ, подобный характеру Ярвіа или Далгепти, тогда мое воображеніе мечетъ искры, и я во время пребыванія моего въ ихъ обществѣ, хотя далеко отвлекаюсь отъ пуши мною предназначеннаго, на кошорый, чтобъ возвратишься, бываю принужденъ прыгать чрезъ пни и колоды; но мысли мои спановишя часъ отъ часу ярче; когда же, согласно съ швоимъ мнѣніемъ, я удерживаюсь отъ соблазна, тогда онѣ дѣлаются прозаическими, плоскими и тяжелыми; трудъ мой спановишя для меня пягостнымъ, я чувствую ослабленіе духа, болѣе и болѣе увеличивающееся; блиспапельныя краски, кошорыми воображеніе мое покрывало произшеспвія, исчезають, и все спановишя шуманно, мрачно. Тогда я уже не потъ писатель! такъ собака, осужденная возипъ безпреспанно нѣсколько часовъ шелѣжку, дѣлается не похожею на бѣгающую и рѣзвасуюся на свободѣ. Корошко сказапъ: я ду-

маю, что я, какъ сочинитель околдованъ.

К. К. О! ежели шунъ вмѣшиваеяса колдовство, то и говоришь нечего. Да не оно ли не допускаетъ васъ и до изданія театральныхъ сочиненій, на которое вы, кажешя, часто рѣшались?

С. В. Я могъ бы представить достапочною причиною, препятствовавшюю мнѣ писать для театра, мою неспособность изобрѣтать планъ; но скажу себѣ опкровенно, что самая мысль, о моемъ расположеніи къ занятіямъ этого рода, поселена остатками шаринныхъ театральныхъ пьесъ, которыя только потому, почитали сочиненными мною, что онѣ извлечены изъ неизвѣстнаго другимъ источника. Случай, доставившій мнѣ ихъ, такъ необыкновененъ, что я не могу не рассказать себѣ о немъ.

Около двадцати лѣтъ тому назадъ я посѣдилъ въ Ворчесперѣ моего спараго пріятеля, служившаго со мною въ драгунскомъ полку.

К. К. Слѣдовательно вы служили въ военной службѣ?

С. В. Служилъ или нѣтъ, это все равно. Въ дорогѣ званіе Капитана не бесполезно. Я нашелъ домъ моего пріятеля наполненный гостями, и, какъ обыкновенно водится въ подобныхъ случаяхъ, былъ осужденъ

занять *посыщаемую комнату*. (Зáмокъ былъ очень древень). Я, какъ сказалъ одинъ изъ вѣспныйй современникъ, слишкомъ много видѣлъ привидѣній, чшобъ имъ вѣришь, и по-тому уже гоповился заснуть подъ шумомъ вѣпра, колебавшаго вѣпви липъ, копорыя преятшснвовали лунному свѣпу вполнѣ про-никашь въ комнату сквозь стекла рѣшет-чатныхъ оконъ; но увидя предъ собою тѣнь болѣе густую, нежели производимая липовы-ми вѣпвями

К. К. Вѣрно Авенелеву *бѣлую женщину!* вы уже рассказывали намъ объ ней.

С. В. Нѣтъ! женщину въ кругломъ чепчи-кѣ, въ косынкѣ и въ передникѣ, съ засучен-ными до локтя рукавами, держащую въ од-ной рукѣ сковороду, въ другой чумичку. Сна-чала я почель ее за кухарку моего хозяина, ходящую во время сна, и знавъ, сколь онъ дорого цѣнилъ свою Салли, умѣвшую гопо-вить кушанье не хуже всякой кухарки ихъ графства, я вспаль, намѣреваясь вывеспи ее пихонько въ двери; но въ это время она вскричала: „остановись! я не спа, за копорую „шы меня принимаешь.“ Эти слова и не уди-вили бы меня, ежели бы не были выговоре-ны нееспешственнымъ голосомъ, копорымъ она продолжала: „знай, что я тѣнь Лизы Барнесъ; (копорая повѣсилась изъ любви къ кучеру дилижанса, шо-шо милая находка! ду-

малъ я) пѣнь несчастной Елизаветы Барнесъ, бывшей долгое время кухаркою у Г. Варбуртона, извѣснаго неупомимаго соби-
рапела древностей; но, увы! слишкомъ не-
радываго хранипеля величайшаго въ свѣтѣ
собранія театральныхъ сочиненій, отъ ко-
торыхъ большею часнію оспались одѣя наз-
ванія въ предисловіи Шекспировыхъ творе-
ній. Мои пагубныя руки предали жиру и пла-
мени множество тяжелыхъ *in quarto*, кото-
рые, ежели бь еще существовали, свели бы
съ ума весь Роксбургскій клубъ. Мои прес-
тупныя пальцы обвертывали жирную дичь и
обпирали запачканную посуду существовав-
шими тогда твореніями Бомонта, Флетчера,
Массингера, Джонсона, Вебстера, и что еще
важнѣе, несуществующими уже нынѣ шво-
реніями самаго Шекспира.“

Подобно, какъ и всякаго любителя драма-
тическихъ древностей, мое пламенное любо-
пытство, по наименованіи многихъ пьесъ,
упоминаемыхъ въ театральныхъ репертуа-
рахъ, часно бывало оспанавливаемо пѣмъ,
что онѣ вошли въ число жертвъ, принесен-
ныхъ эпою несчастною женщиною богу
кухни. И шакъ, не удивительно, что я, по-
добно пуспыннику Парселлю, предался гнѣ-
ву и вскричалъ: „безтолковая женщина!“ Но
едва я успѣлъ открыть ротъ, какъ она, за-
махнувшись своею чумичкою, продолжала:

„спрашись, чшобъ швой безвременный гнѣвъ
 „не лишилъ тебя случая вознаградишь
 „свѣпшь за пошерю, нанесенную ему моимъ
 „невѣжеспвомъ. Въ эшомъ ящикѣ, назна-
 „ченномъ для ссыпки угольевъ, на копо-
 „рый давно никто не обращалъ вниманія,
 „подъ угольями скрывается нѣсколько, испач-
 „канныхъ саломъ и сажею, уцѣлѣвшихъ теа-
 „тральныхъ сочиненій, изъ числа собранныхъ
 „Буршономъ. И шакъ . . .“ Но что зна-
 чилъ швое изумленіе, Капшанъ? я тебя увѣ-
 ряю, что это истина. Да и на что мнѣ
 лгать, какъ говоришь мой пріятель, Лонгбовъ?

К. К. Лгать! Сохрани меня Богъ упопре-
 бить это выраженіе въ отношеніи къ особѣ
 столь справедливой, какъ вы. Все дѣло заклю-
 чается шолько въ шомъ, что, вамъ угодно
 сего дня забавляшсья. Не будетъ ли это по-
 вѣшшованіе прилично *найденнымъ тремъ*
театральнымъ піесамъ? или чему нибудь по-
 добному?

С. В. Ты говоришь правду, сынъ мой! Вотъ
 что значитъ привычка; я позабылъ съ кѣмъ
 говорю . . . Я полагаю: *театральнымъ піе-*
самъ, написаннымъ для чтенія въ кабинетъ,
а не для представленія.

К. К. Именно; и которія по эшому-то
 и будутъ непременно представлены. Дирек-
 торы театровъ чрезвычайно любящъ приоб-
 рѣшашъ піесы, имъ неопдаваемые, между

пѣмъ, какъ опъ сочинителей получающъ ихъ тысячами.

С. В. Я этому живой примѣръ; пошому что, хочу или нѣтъ, а, подобно Лабериусу, попалъ въ драматическіе поэты, между пѣмъ, какъ увѣренъ, что моя муза обомлѣла бы являсь предъ публикою, хотя бы я написалъ не болѣе какъ проповѣдь.

К. К. Въ самомъ дѣлѣ опасно, чтобъ въ эпемъ случаѣ пѣкоторые люди не надѣлали проказъ; слѣдовательно напишите драматическій поэмъ, подобно Байрону.

С. В. Нѣтъ! онъ не то, что я, за нимъ не угоняешься; но пріятель мой Алланъ написалъ такую піэсу, какой подобную, въ день вдохновенія и пашеннованнымъ перомъ Брамаховымъ напишу и я; впрочемъ, безъ энихъ пособій, не могу ничего сдѣлать.

К. К. Вы говорите о Алланѣ Рамзаѣ?

С. В. Нѣтъ! И не объ Алланѣ Барбара, а объ Алланѣ Куннингхамѣ, написавшемъ трагедію *Марладукъ Максвелль*, въ которой находятся празднества, соединенныя съ убійствами, любовныя явленія съ кровавыми, и мѣста ничего необъясняющія, но которыя, при всемъ томъ, не дурны. Нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности въ развязкѣ; но столько жизни въ пѣкоторыхъ сценахъ, столько поэзіи вездѣ, что я желалъ бы имѣть столько же въ моихъ кухонныхъ остаткахъ, ежели

бы рѣшился ихъ издавать. Въ иное время удивились бы красотамаъ Алланова творенія, а теперь, можетъ быть, замѣтятъ одни его недостатки, или, что еще хуже, со всѣмъ не обращаютъ на него вниманія. Но не гнѣвайтесь за это великодушный Алланъ; вы опять этого все не менѣе украшеніе Шотландіи. Онъ написалъ, сверхъ того, лирическія стихотворенія, которыя, вы хорошо сдѣлаешь, ежели прочитаете. „Это мы, совершенно мы.“ Онъ не уступаетъ Варнесу.

К. К. Я послѣдую вашему совѣту. Кенакверскій клубъ, со времени отъѣзда Капалани, сдѣлался несносенъ; *мой бѣдный Джеле* принялъ неохотно, холодно; а горы *Бонни-Дунскія* со всѣмъ упали. *Tempora mutantur,*

С. В. Опъ и не могли оставаться вѣчно въ одномъ положеніи, находясь подъ общимъ закономъ измѣненій земнаго шара, распространяющимся и на насъ. Что иное и мы, какъ не замѣстители нашихъ предшественниковъ? Но намъ время разстаться.

К. К. И такъ, вы рѣшились слѣдовать своей системою, и не опасаетесь, что столь послѣднее изданіе одного сочиненія за другимъ, могутъ опнести къ вашему корыстолюбію; могутъ подумаютъ, что вы спудитесь только для денегъ?

С. В. Положимъ, что сверхъ прочихъ причинъ, заставляющихъ меня издавать часомъ

свои сочиненія, входить у меня въ расчетъ и приобрѣтеніе денегъ, которое не отдѣльно отъ успѣховъ въ словесности; но эти деньги даются публикою произвольно, за нѣкоторое удовольствіе, получаемое ею отъ чтенія; онъ ни отъ кого не пребуется и, думаю, плашится только шѣми, которые могутъ ихъ заплашить, находя получаемое удовольствіе соразмѣрнымъ съ заплачивою суммою. Капиталъ, вводимый моими сочиненіями въ оборотъ, можетъ быть, и великъ, но онъ служитъ не одному мнѣ . . . Не могу ли я сказать сошнѣ чловѣкъ, подобно какъ Дунканъ, бумажный фабрикантъ, своимъ работникамъ: „развѣ ты не получилъ своей часни, развѣ ты не взялъ пятнадцати копѣекъ?“

Признаюсь, я полагаю, что наши Аѳины одолжены мнѣ много за учрежденіе столь обширной фабрики, и я, пошому что моимъ успѣхомъ обязанъ модѣ, буду искать спула въ Парламентѣ, дабы имѣть возможность покровительствовать всѣмъ запачканнымъ работникамъ, копорыхъ выгоды соединены съ липературбю.

К. К. Это ужъ похоже на шонъ сишцеваго фабриканпа.

С. В. Еще глупость, любезный сынъ. Въ эшомъ винѣ есть извѣсть. Въ свѣтѣ все лицемѣріе. Я утверждаю, не смотря на Адама

Смита и его послѣдователей, что сочинитель, имѣющій успѣхъ, есть производитель полезный, и что его сочиненія составляютъ часть народнаго богатства, столь же существенную, какъ и произведенія другихъ фабрикъ. Ежели трудъ увѣнчивается полученіемъ новаго произведенія, имѣющаго существенную и торговую цѣну, тогда, почему кипа, написанныхъ сочинителемъ книгъ, можетъ почитаться менѣе полезною для народнаго обогащенія, нежели произведенія другихъ фабрикъ. Я говорю относительно къ количеству разныхъ работъ, соединенныхъ съ приготовленіемъ каждаго тома, и къ суммѣ денегъ, входящей чрезъ то въ оборотъ прежде, нежели оный выйдетъ изъ лавки издашеля; а безъ меня этого бы не было: слѣдовательно я дѣлаю пользу государству. Что касается до моихъ собственныхъ доходовъ, я получаю ихъ за мой трудъ, и въ употребленіи ихъ обязанъ отчесть одному Богу. Всякій честный человекъ можетъ быть увѣренъ, что я, изъ приобретаемыхъ мною денегъ, не все употребляю для удовольствованія низкаго эгоизма, и что, не имѣя пища славы роскошествовать, всегда изъ нихъ отдѣляю часть, на то, чтобы она, руководимая Небомъ, отыскивала нуждающагося.

К. К. При всемъ томъ, вообще почитает-

ся унизительнымъ пишашь единственно для денегъ.

С. В. Безъ сомнѣнія, ежели эпо сдѣлаешся единственнѣмъ занятіемъ, или ежели деньги будущъ главною цѣлію литературныхъ произведеній. Я даже готовъ сказать, что произведеніе воображенія, писанное единственно для денегъ, никогда не имѣло и не можешь имѣть успѣха. И пакъ, Адвокатъ, обспавяющій дѣло, воинъ, сражающійся, медикъ, пользующій больнаго, проповѣдникъ, (ежели бы могъ бытъ подобный), говорящій поученіе: не имѣющій, ни уваженія къ своему занятію ни чувства своего достоинства, и ничего болѣе въ виду, кромѣ жалованья, плашы, или денежной награды, унижающъ себя до степени низкихъ ремесленниковъ, и по этой причинѣ, услуги, по крайней мѣрѣ, людей принадлежащихъ къ двумъ ученымъ факультетамъ, всегда почишающся неоцѣняемыми, и за нихъ плашится единственно honorariumъ въ знакъ признапельности. Но Клиентъ или Пациентъ попробуй позабыть объ эпомъ honorariumъ, о кошоромъ помнишь онъ и не можешъ почишашь себя обязаннымъ, тогда увидишь, какъ на него посмотришь Г. Докторъ и Г. Адвокатъ. Оспавя приговоренно, должно сказать то же и о литературныхъ доходахъ. Никакой здравомыслящій человекъ, какого бы онъ ни былъ званія, не пренебрегаешь, или

не долженъ пренебрегать того, что составляетъ справедливую награду за употребленное имъ время, или за пожертвованную имъ часть капитала, трудами его приобретеннаго. Царь Петръ, работая въ праншеяхъ, получалъ плату, какъ простой солдатъ; благородные и знатные люди, никогда не почитали унизительнымъ входить въ расчеты съ книгопродавцемъ; но и ни одинъ честный человекъ, одаренный гениемъ или умомъ, не будетъ имѣть приобретение денегъ главною, и еще менѣе, единственною цѣлю своихъ трудовъ. Что касается до меня, я очень радъ выигрывать; но, являясь публикѣ, вѣроятно, продолжилъ бы игру и единственно для удовольствія, ею мнѣ доставляемаго, пошому что я, не менѣе другаго, чувствую желаніе сочинять, которое, можетъ быть, есть сильнѣйшій инстинктъ, увлекающій писателя къ перу, живописца къ кисти, часто безъ всякой надежды прославиться или получить награду. Можетъ быть я говорю много лишняго; безъ сомнѣнія, мнѣ было бы возможно, съ такимъ же чистосердечіемъ, какъ и многіе, защитить себя отъ обвиненія меня въ жадности къ деньгамъ, въ корыстолюбіи; но я не столь способенъ притворствоваться, чтобы отрицать обыкновенныя причины, заставляющія всѣхъ меня окружающихъ безпрестанно жертвовать счастіемъ

здоровьемъ и жизнию. Я не припворяюсь споль же безкорыстнымъ, какъ остроумное общество, упоминаемое Гольдсмитомъ, продававшее книжки своего журнала по 6 коп., единственно для собственнаго своего удовольствія.

К. К. Мнѣ остается только сказать, что говоряшь, будто вы исписались.

С. В. Это и справедливо; да что же мнѣ до того? . . . Когда перестануть плясашь, я перестану свиспашь; но и тогда все еще найдущя желающіе, чшобъ я продолжалъ.

К. К. Что жь тогда будешь съ вашимъ семействомъ? насъ презряшь и забудушь.

С. В. Мнѣ, подобно многимъ бѣднякамъ, обремененнымъ многочисленнымъ семействомъ, нѣтъ средствъ преняспивовашь его умноженію: „Такова моя участь, Галль.“ Тѣмъ изъ васъ, которые достойны забвенія, а можете быть и всѣмъ вамъ, надобно быть на это готовымъ. Впрочемъ, шебя уже читали въ швое время, а это можно сказать не о всякомъ изъ швоихъ современниковъ, и болѣе достойныхъ, но менѣ счастливыхъ, которые шперь должны признавашь шебя имъ предпочтеннымъ; что жь касается до меня, мнѣ не могутъ отказать въ дани, подобной заплаченной Шуршилю Джонсономъ, сравнившимъ его геній съ деревомъ, производящимъ хопя и дикіе плоды, но очень плодоноснымъ.

Обращать на себя въ продолженіе семи лѣтъ вниманіе публики, что нибудь да значить. Ежели бы я написалъ только Ваверлея, обо мнѣ, какъ обыкновенно, сказали бы только, что я искусный сочинитель романа, очень уважаеннаго въ свое время; впрочемъ, я полагаю, что слава Ваверлея, поддержана, большею частію, шѣми, копорые могутъ имѣть свои причины предпочитать это сочиненіе послѣдующимъ.

К. К. Вы, кажется, готовы жертвовать вашею будущею славою минувнымъ успѣхамъ.

С. В. *Meliora spero.* Самъ Горацій не ожидалъ пережить себя въ своихъ сочиненіяхъ; а я надѣюсь въ нѣкопорыхъ изъ моихъ: *pop omnis moriar.* Упѣшишельно видѣть, что вездѣ лучшіе сочинители писали много, и что нерѣдко, шѣ изъ нихъ, копорые были уважены болѣе прочихъ въ свое время, продолжали нравиться и попомству. Я не столь худаго мнѣнія о шеперишнемъ поколѣніи, чтобы полагать будущее пренебреженіе необходимымъ послѣдствіемъ благосклонности, копорою пользуюсь я нынѣ.

К. К. Ежели мы все будемъ имѣть подобныя правила, то наводнимъ публику.

С. В. Еще разъ, говорю тебѣ, любезный сынокъ, спарайся не говоришь пуспяковъ. Ты соображаешь, что публика обязана читать книги, только потому, что онѣ наше-

пашаны. Твои пріятели книгопродавцы шебъ будущъ очень благодарны за это мнѣніе. Величайшее зло, какое можешъ произвесши подобное паводненіе, заключается шолько въ томъ, что ошъ него можешъ возвыситься цѣна на пріапки. Умноженіе изданій не дѣлаешъ никакого вреда настоящему вѣку, и можешъ бышь очень полезно для послѣдующаго.

К. К. Отъ чего же?

С. В. Во времена Елизаветы и Іакова такъ же кричали прошивъ опаснаго изобилія книгопечатанія, какъ и нынѣ; но взгляни на берегъ, попопленный въ то время: онъ уподобляется очарованнымъ берегамъ царицы волшебницъ „весь покрытъ драгоценностями, жемчугомъ и дорогими каменьями, и въ пес- „кѣ расшетъ золото.“ Повѣрь мнѣ, и въ самыхъ необработанныхъ изъ нашихъ сочиненій, въ будущій вѣкъ откроютъ сокровища.

К. К. Иныя книги дадутъ его болѣе, нежели Алхимисты?

С. В. Однако, ихъ будетъ немного: писатели, не имѣющіе никакого дарованія, ежели не издадутъ своихъ книгъ на свой счетъ, подобно Ричарду Блэкмору, скоро лишатся средствъ писать публику, отъ затрудненія сыскать книгопродавца, готоваго издашь ихъ сочиненія.

К. К. Вы неисправимы. Развѣ нѣтъ предѣловъ вашей самонадѣянности.

С. В. Есть предѣлы, притомъ священные и неизмѣняемые, пославляемые честію и добродѣтелью. Моя мепода имѣетъ сходство съ волшебною комнатою Брипомарповою:

„Она посмопрѣла вокругъ себя и увидѣла
 „на одной двери, повпоренные нѣсколько разъ
 „слова: *не роблѣй*. Она удивлялась и не пони-
 „мала что это значить; наконецъ, увидѣла
 „въ опдаленной части комнашы еще дверь,
 „на копоророй было написано: *будь смлѣль,*
 „но не дерзокъ.“

К. К. И такъ, по вашимъ правиламъ, надобно продолжашь?

С. В. А шебъ, по своимъ правиламъ, надоб-
 старашься не терять времени, когда часъ
 обѣда уже наступилъ. Я это сочиненіе при-
 соединю къ швоему наслѣдству. *Valet quantum.*

Гушъ кончился нашъ разговоръ, пошому
 что маленькій, запачканный Кононгатскій Апол-
 лонъ пришелъ и копребовалъ опш сочините-
 ля Ваверлея корректурные лисшы, по прика-
 занію М. Мак-Кордидаля, копорый въ это
 время, въ другой комнашѣ, бранилъ М. Ф. за
 то, что онъ дозволилъ постороннему чело-
 вѣку проникнуть въ *penetralia* ихъ храма.

Я оставляю вамъ заключаешъ что угодно о
 важности этого разговора, и остаюсь искрен-
 но вамъ преданнымъ.

КУОБЕРТЬ КЛУТТЕРБУКЪ.

Пер. *Д. Кафтыревъ.*

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Э П И Т А Ф І Я ВЕСЕЛЬЧАКУ.

Прохожій! жаль тебѣ, что здѣсь меня заспалъ,
 Со мною бѣ ты повеселился!
 Со мной—опть сердца бѣ подружился:
 Но л-то проспалъ, а ты-то опоздалъ!

Ф.

Н А Д Г Р О Б І Е.

Здѣсь прахъ мой, не здѣсь я безсмертной душою.
 Земля подъ побой; неба сводъ надъ побою!
 Смори чпо памъ свѣишишь, что блещеть на немъ,
 То завьшь, чпо душой въ горній мѣръ перейдемъ!

Ф.

Б И Б Л И О Г Р А Ф І Я.

37) *Руководство къ познанію всеобщей Исторіи*, сочиненное Профессоромъ историческихъ наукъ въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ, Императорской Академіи Наукъ Корреспонденцомъ, Статскимъ Совѣтникомъ и кавалеромъ Иваномъ Кайдановымъ. *Изданіе четвертое*. С. п. б. Въ типографіяхъ: Ивана Глазунова и Департамента Народнаго Просвѣщенія; 1851 года, Часть I, XXIII и 205, Часть II, VII и 178 стран. въ 8 д. л. съ двумя хронологическими таб-

лицами.—Считаемъ излишнимъ повторять все сказанное прежде въ похвалу этой книги, введенной во все учебныя заведенія Россійской Имперіи.—Книга сія продается въ магазинѣ, издашеля оной, С. Петербургскаго книгопродавца И. В. Сленина по 12 руб. экз.—Двѣ части выдаюся, а на третью, которая будетъ оппечатаана въ самомъ скоромъ времени, дается билетъ.

С М Ъ С Ь.

Кто изъ жителей Петербурга не удивлялся рѣдкостямъ нашей кунсткамеры? кто не видалъ слона и крохотныхъ коровокъ меньше булавоныхъ головокъ! Но вонъ чудеса, какихъ мы не видавали и не слыхивали: Berliner Courier сообщаетъ намъ о замѣчательныхъ рѣдкостяхъ девятнадцатаго столѣтія, сберегающихся, въ спиртѣ и въ видѣ чучель, для потомства; вонъ нѣсколько изъ этихъ необыкновенныхъ рѣдкостей: скромный, не занятый собою театральнй герой, добродѣтельная танцовщица, никѣмъ необманутый порпной, здравомыслящій мистикъ, первая пѣвица, которая никогда не хрипла, и — безпристрастный рецензентъ!

Н О В О С Т И.

Въ Лондонѣ и его окрестностяхъ, находишся тридцать театровъ.

Неизпощимый Скрибъ написалъ еще новый воде-
виль: *Квакеръ и Танцовщица*. Пьеса сія была приня-
та публикою съ удовольствіемъ.

На Италіянскомъ театръ въ Парижъ даюпъ, съ
большимъ успѣхомъ, оперу *Фаустъ*. Музыка сей опе-
ры сочинена молодою дѣвицею Бершенъ, дочерью из-
вѣснаго издателя журнала Преній (*Journal des Dé-
bats.*)

Молодая и прекрасная Польшка, по имени Ленорка
Неймманъ, не спрарашась соперничества Паганини, да-
вала концерпъ на скрипкѣ. Успѣхъ ея былъ неизме-
реть.

Общество любителей музыки въ Нью-Йоркѣ, назна-
чило денежную награду за изобрѣтеніе вновь музы-
кальныхъ инструментовъ. Общество сіе предпола-
гаетъ къ 1852 году составить оркестръ изъ однихъ
небывалыхъ инструментовъ,

Società del Casino въ Болонни выбило золотую
медаль въ честь пѣвца *Рубини* (*)

Въ 1830 году въ Лондонѣ и его окрестностяхъ
было 287 пожаровъ, въ конхъ 21 человекъ лишились
жизни.

(*) Кспіать замѣнили, что и у насъ, въ С. П. бургѣ, есть
доморощенный пѣвецъ *Рупини* (сі-devant Репинъ.)

Въ Берлинѣ даюшъ новую волнебную оперу въ двухъ дѣйствіяхъ, подѣ названіемъ: *Веселая сватба безъ жениха, богатая земля безъ денегъ, спокойствіе безъ счастья*. Музыка для сей оперы написана Г. В. Мюллеромъ.

Въ Лондонѣ спрашъ къ театральнымъ зрѣлищамъ болѣе и болѣе усиливается. Тамъ намѣреваюся выпустить еще театръ.

СОДЕРЖАНІЕ №. XLIII и XLIV.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Письмо Капитана Клушпербука къ Доктору Дриаздуспу; соч. *Вальтеръ Скотта*. *Стихотворенія:* Эпиграма весельчаку. Надробіе. **БИБЛИОГРАФІЯ.** Руководство къ познанію всеобщей исторіи. **СМѢСЬ. НОВОСТИ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдельнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 10 Іюня 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА: ХРОМОНОГІЙ
БѢСЪ (*).

Ч А С Т Ъ III.

Г Л А В А III.

С Н Ы.

.....
..... „Ожидаю опть васъ новаго удо-
вольствія, сказалъ Донъ-Клеофасъ хромоного-
му бѣсу; я замѣчаю множество спящихъ лю-
дей; мнѣ бы хотѣлось знать, что имъ
снился.“

„Охошно разскажу вамъ,“ отвѣчалъ бѣсъ.
Вы, какъ кажется, любите мѣняющіеся ви-
ды, и я постараюсь удовлетворить вашему
вкусу.

„Думаю, сказалъ Замбюло, что мы услы-
шимъ презабавныя вещи!“

(*) Переводъ сего романа уже оконченъ, и скоро выйдетъ въ свѣтъ.

„Почему же это? спросил хромоногий. Вы, которыхъ изучили Овидія, развѣ не знаете словъ сего поэта, что сны передъ разсвѣтомъ, болѣе справедливы, ибо въ это время душа отдѣляется отъ испареній пищи.

„Я, съ моей стороны, отвѣчалъ Донъ-Клеофасъ, что ни говори Овидій, не вѣрю снамъ.“

„Напрасно!“ возразилъ Асмодей; ихъ не должно называть химерою, не лъзя по же и вѣришь всемъ безъ исключенія; это агуны, которыми удаешся иногда сказать правду. Императоръ Августъ, былъ не глупѣе какогонибудь студента, однако же не пренебрегалъ снами, и къ счастью своему, передъ сраженіемъ при Филиппахъ, онъ вышелъ изъ паланки, услышавъ, какъ одинъ изъ воиновъ рассказывалъ сонъ, до него касающійся. Я бы могъ представить вамъ тысячу другихъ примѣровъ, дабы опровергнуть ваше невѣріе; но умолчу о нихъ, и поспѣшу удовлетворить вашему новому желанію.

Начнемъ съ этого красиваго дома, что на правой сторонѣ. Хозяинъ онаго, лежащій въ богато-убранной комнатѣ, любезный и жеманный Графъ. Ему снится, что онъ въ театрѣ, слушаетъ молодую пѣвицу и восхищается голосомъ этой Сирены.

Въ противоположной комнатѣ, покоится Графиня, его супруга, влюбленная до безумія въ игру. Графиня снится, что не имѣя де-

негъ, она закладываетъ свои брилiанпы ювелиру, который ссужаетъ ей подъ эпопъ залогъ три сна писполоей, за весьма умбренныя проценты.

Въ смбжномъ съ эшимъ домб, живетъ Маркизь, одинаковаго характера съ Графомъ, влюбленный въ известную кокешку. Ему снился, что для покупки подарка своей красавицб, онъ занимаетъ огромную сумму денегъ; а управителю его, живущему въ самомъ верхнемъ этажб, видится, что онъ богатбббб, по мбрб того, какъ раззоряется его баринъ. Ну, что вы думаете объ энихъ снахъ? кажутся ли они вамъ безумными?"

„Нбшь, ни мало; я вижу шеперь, что Овидй правъ, отвбчалъ Донъ-Клеофасъ, Но кто эпопъ человекъ, у котораго усы завернуты въ папильотки и который важничаетъ, даже во снб? Судя по наружности, онъ не принадлежитъ къ обыкновенному классу людей.

Эпо дворянинъ изъ провинци, отвбчалъ ббсъ, Аррагонскй Графъ, человекъ щцеславный и гордый; шеперь душа его озарена радостю; ему видится, что онъ идетъ вмбстб съ Грандомъ, который даетъ ему преимущество передъ собою въ одной публичной церемонии.

Но вопъ, въ томъ же домб, два брана доктора. Имъ видятся огорчительные сны: одному кажется, что изданъ указъ, которымъ

запрещается плашить докторамъ, пока они не вылечатъ своихъ больныхъ; другому снился, что приказано всѣмъ медикамъ, своими руками, относить гробы умершихъ паціэнтовъ на кладбище . . .

„Я желалъ бы, сказалъ Замбюло, чпобъ состоялось такое повелѣніе; пусть бы докторъ присушествовалъ при погребеніи своего умершаго больного, какъ во Франціи присушествуетъ уголовный судья, при наказаніи преступника, имъ осужденнаго.

„Мнѣ нравится это сравненіе! вскричалъ бѣсъ; въ такомъ случаѣ можно бы сказать, что одинъ пристунаетъ къ исполненію своего рѣшенія, тогда, какъ другой уже совершилъ имъ произнесенное.

О! о! воскликнулъ студентъ, кто это вскочивъ съ постели, прошираетъ себѣ глаза?

Это человекъ значительный, домогающійся Губернашества въ новой Испаніи. Страшный сонъ пробудилъ его, ему привидѣлось, что Министръ косо взглянулъ на него. Я замѣчаю въ томъ же домѣ проснувшуюся женщину, которая также не довольна видѣннымъ ею сномъ. Это знатная дѣвица, споль же прекрасная, сколько и скромная; ее преслѣдуютъ два обожателя. Любя одного изъ нихъ, она не можетъ терпѣть другаго. И эшотъ неперпимый привидѣлся ей во снѣ, онъ уцалъ къ ногамъ ея, онъ былъ такъ

страспенъ, шакъ неопшступенъ, что, если бѣ она не проснулася, то, можешъ спашься, обошлася бы съ нимъ гораздо благосклоннѣе, нежели какъ обходилаея когда либо съ пѣмъ, котораго любишь. Напура во время сна сбрасываешъ съ себя иго разсудка и добродѣтели.

Взгляните на угловой домъ въ эпой улицѣ; шамъ живешъ Прокуроръ. Въ комнашѣ, обшпой старинными обоями, гдѣ посшавлены двѣ кровати весьма близко одна къ другой, хозяинъ покоишея съ своею супругою. Ему снштся, что онъ идешь навѣшшишь въ богадѣльнѣ, одного изъ своихъ клѣншвовъ и помогаешъ ему собшвенными деньгами; а Прокуроршѣ видишея, будшо мужъ ея выгоняешъ изъ дома дюжаго писца, которому она покровительсшвуешъ.

Мнѣ слышишея вблизи сильное храпѣнше, сказалъ Леандро-Перецъ, и кажется, что эшо опъ подшпяка, кошораго я замѣчаю въ маленькой комнашѣ недалеко опъ Прокурорскаго дома. Именно, опшвѣчалъ Асмодей, эшо каноникъ, кошорому снштся, будшо онъ чшшаешъ свою молишву.

Сосѣдъ его, купецъ торгующшй шелковыми товарами, продаешъ ихъ весьма дорого, но только въ долгъ, знатнымъ людямъ. Счеты его составляютъ болѣе сна штысячъ червонныхъ, и шеперь ему снштся, что должники плапашъ по нимъ деньги; корреспондент-

шамъ же его привидѣлось, будто онъ близокъ къ банкротству. Эти два сна, сказалъ студентъ, вышли изъ храма сновидѣнія, конечно въ разныя двери. О! безъ сомнѣнія опъвчалъ бѣсъ; первый, навѣрное, въ дверь изъ слоновой кости, второй же въ роговую.

Прилегающій къ этому дому, занявъ знаменитымъ книгопродавцемъ. Онъ недавно напечаталъ книгу, имѣвшую большой успѣхъ. Издавая оную, онъ общалъ автору заплащать пшадесятъ пистолей, если приступитъ къ другому изданію; а теперь во снѣ, перепечатываетъ ее, безъ вѣдома автора.

Тутъ и спрашивать нечего, въ какую дверь вышелъ этотъ сонъ!“ сказалъ Замбуло; я увѣренъ, что онъ сбудется и на яву. Я знаю Гг. книгопродавцевъ, они не посовѣстятся надушь авторовъ. Нѣтъ ничего справедливѣе, прервалъ хромоногій; но знаете ли вы и Гг. авторовъ? они не совѣстливѣе книгопродавцевъ. Приключеніе, случившееся въ Мадридѣ менѣе сна лѣтъ тому назадъ, удостовѣритъ васъ въ истинѣ словъ моихъ:

Три книгопродавца ужинали вмѣстѣ, въ пражирѣ; разговоръ склонился на малочисленности новыхъ книгъ. Друзья! сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ: между нами, на дняхъ я купилъ манускриптъ, хоть правда, и дорого, но за то какой манускриптъ! какого автора! . . . Это чистое золото! . . . Другой кни-

гопродавецъ хвасталъ, также, славною покупкою, сдѣланною имъ наканунѣ. А я, господа, вскричалъ, въ свою очередь, шрепій, я хочу по же бытъ съ вами ошкровеннымъ: я покажу вамъ чудо изъ манускриптовъ, сего дня только купилъ его. Всѣ шрое въ одно время, вынули изъ кармановъ драгоценныя свои сокровища, и что же? Это была новая драматическая пѣса: *Скитающійся Жидъ*. Какъ удивились книгопродавцы, узнавъ, что имъ шроимъ, продана одна и та же пѣса (*).

А вопгь въ другомъ домѣ, продолжалъ бѣсъ, сей часъ лишь проснулся, скромный и почтишельный вздыхапелъ. Онъ влюбленъ въ одну изъ самыхъ пылкихъ вдовушекъ, и ему приснилось, что онъ разговариваетъ съ нею, подъ шѣнюю деревъ; что она опвѣчаетъ ему: какъ вы милы! Я бы повѣрила вамъ, если бѣ не опасалась мужчинъ; они всѣ обманщики, я не вѣрю словамъ, мнѣ нужны доказательспва. Какихъ же шребуете доказательспвъ? возразилъ влюбленный: угодно ли вамъ, чтобы я предиринялъ двѣнадцашъ подвиговъ Геркулеса? О! нѣптъ, Донъ-Нисезъ, нѣптъ, это ужъ слишкомъ много, столько не нужно, опвѣчала его возлюбленная. Въ эту-то минушу онъ и проснулся.

Скажише пожалуйста, спросилъ студентъ:

(*) Въ XIX вѣкѣ, на Сѣверѣ, какъ гласятъ нѣкоторыя, случилось нѣчто подобнос. *Примѣт. Наборщика.*

зачѣмъ эшотъ человекъ, спящій въ постелѣ темнаго цвѣща, мечется, какъ бѣснующійся? Эшо искусный Лиценціатъ, отвѣчалъ хромоногій, его спрашно волнуешь сонъ; ему видится, что онъ выдерживаетъ *диспутъ*, о безсмертіи души, противъ Доктора медицины, которій споль же хорошій Каполикъ, сколько и искусный врачъ. Ео второмъ эпажѣ, живешь Эспрамадурскій дворянинъ, Донъ-Балпазартъ-Фанфаронико; онъ прискакалъ сюда на дочтовыхъ, просишь у двора награды за то, что убилъ Поршугальца. Знаете ли, что ему снился? Онъ видитъ, будто его назначаютъ Губернаторомъ; но онъ эшимъ еще не доволенъ, онъ считаешь себя достойнымъ Вице-Королевства.

Вошъ, въ гостинницѣ, двѣ значительныя особы; имъ видятся непріятныя сны. Одинъ изъ нихъ Комендантъ крѣпости; ему кажется, что онъ осажденъ въ ней, и послѣ легкаго сопротивленія, вынужденъ сдатьсь, со всемъ своимъ гарнизономъ военнопленнымъ. Другой, Епископъ изъ Мурціи. Дворъ поручилъ эшому краснорѣчивому Прелату, черезъ нѣсколько дней сказать надгробное слово одной Принцессѣ. Ему снился, что онъ на кафедрѣ, и произнесъ вступленіе своей рѣчи, спалъ въ пѣнь. Очень возможно, скалъ Донъ-Клеофасъ, что несчастіе сбудется съ нимъ на самомъ дѣлѣ. — И весьма легко, возразилъ

бѣсъ; еще недавно, съ Его Преосвященствомъ это случилось.

Хотите ли, чпобъ я показаль вамъ лунатика? Посмотрите въ конюшню этого дома; что вы видите? Я замѣчаю, ошвѣчалъ Леандро-Перецъ, со всеъмъ раздѣтаго челоука, онъ ходить и держить въ рукѣ, какъ кажется, скребницу. Ну да, это сплщій копуохъ. Онъ имѣеть привычку, каждую ночь, вставъ во снѣ съ постели, чистить лошадей и потомъ опять ложиться. Все считаютъ это за проказы домоваго, и конюхъ что же думаешь.

Въ большомъ домѣ, прошивъ госпинницы, живетъ спарый кавалеръ Зланаго Руна, бывшій нѣкогда Вице-Королемъ въ Мексикѣ. Онъ занемогъ и боится умереть; его превожить прежнее управление Вице-Королевствомъ; правда, и есть ошъ чего вздрогнуть! Хроника новой Испаніи, опзывается о немъ не слишкомъ выгодно. Ему привидѣлся ужасный сонъ, копорый можетъ быть причиною его смерти. Должно полагать, сказалъ Замбюло, что въ этомъ снѣ есть нѣчто необыкновенное. Вы сей часъ это услышите; возразилъ Асмодей; точно, въ немъ есть спранныость. Кавалеру видѣлось, будшо онъ вдругъ очутился въ долину мершвыхъ, гдѣ все Мексиканцы, бывшіе жертвою его несправедливости и жестокости, кинулись на него, осыпая его упре-

ками и ругательствами; они хотѣли разперзати его; но онъ успѣлъ скрыться отъ ихъ ярости. Потомъ онъ увидѣлъ себя въ большой залѣ, обитой чернымъ сукномъ, гдѣ дѣдъ и опецъ его сидѣли за столомъ, на копоромъ поставлены были три прибора. Два мрачные собесѣдника, мавили его къ себѣ, и опецъ сказалъ ему съ важностію покойника: „давно мы ждемъ тебя, приди занять твое мѣсто!“

Скверный сонъ! воскликнулъ студентъ, но большимъ позволено имѣть встревоженное воображеніе. Напрощивъ того, сказалъ хромоногій, племянница Кавалера, почивающая въ верхней комнатѣ, проводитъ ночь усладительно: сонъ представляетъ ей самыя пріятныя видѣнія. Она дѣвушка лѣтъ около тридцати, дурна собою и худо сложена. Ей снится, что почтенный дядюшка, котораго она единственная наследница, уже не существуетъ, что вокругъ нее вьется рой любезной молодежи, старающейся ей понравиться.

Ежели я не ошибаюсь, сказалъ Донъ-Клеофасъ, то мнѣ слышится позади насъ смѣхъ. Вы правы, опвѣчалъ бѣсъ; это въ двухъ шагахъ отсюда смѣется сонная дама; она вдова, святоша, и болѣе всего любитъ злословіе. Во снѣ, она разговариваетъ съ старою богомолкою, и это ее восхищаетъ.

Заглянувъ въ комнату, находящуюся подъ

жилищемъ эпой вдовы, я самъ смѣюсь, въ свою очередь, надъ гражданиномъ, которому трудно жить честно своимъ малымъ достаткомъ; ему снился, что передъ нимъ разсыпаны куски золота и серебра: чѣмъ болѣе онъ подбираетъ ихъ, тѣмъ болѣе оспаешся еще. Бѣднякъ! сказалъ Леандро; не долго пошпишися онъ своимъ сокровищемъ! Проснувшись, сказалъ хромоногій, онъ будетъ походить на истиннаго богача передъ смертію: вмѣстѣ съ сномъ исчезнутъ и сокровища его.

Не хотите ли узнать: что чудится двумъ сосѣдкамъ-акхириссамъ. Я расскажу вамъ сей часъ. Одна ловитъ, на свиспокъ, птицъ, ощипываетъ ихъ и опдаешъ на ужинъ красиво-му кошу, опъ котораго она безъ ума, и которій пользуется всею выгодною ловли. Другая выгоняетъ изъ своего дома гончихъ и дашекихъ собакъ, долго служившихъ ей наслажденіемъ; теперь ей хочется имѣть у себя шолько маленькаго, красиваго Рокета (*), которій ей чрезвычайно понравился.

„Вопъ безумные сны! воскликнулъ студентъ:“ я думаю, если бы въ Мадридѣ были, какъ нѣкогда въ Римѣ, истолкователи сновъ, шо они запруднились бы въ изъясненіи эшихъ. — „Ну, не со всемъ, отвѣчалъ бѣсъ:“ лишь

[*] Рокетъ, родъ маленькихъ собакъ.

бы извѣстно имъ было, что происходитъ въ кругу закулисной публики.

Что касается до меня, возразилъ Донъ-Клеофасъ, но я ничего шупъ не понимаю, и мало забочусь объ эпюмъ; мнѣ хотѣлось бы лучше знать: кто эта дама, покоющаяся въ богатой постелѣ изъ желтаго бархата, украшенной золотою бахрамою, близъ которой видны на столикѣ книга и подсвѣчникъ? Это, отвѣчалъ бѣсъ, женщина знатная; у нее богатый экипажъ, а ливрею ея носитъ красивый молодой человекъ. Одна изъ ея привычекъ, ложась спать, читаетъ книгу; безъ того она не уснетъ во всю ночь. Вчера вечеромъ, она читала Овидіевы превращенія, и это-то чтеніе причиною нелѣпаго сна, теперь ею видимаго: ей снился, что самъ Юпитеръ, влюбился въ нее, и опредѣлился къ ней въ услуженіе, въ видѣ рослаго и спатнаго пажа.

Кстати о превращеніи, вотъ другое еще смѣшнѣе. Гаеръ, въ глубокомъ снѣ наслаждается обольстительнымъ видѣніемъ. Эпюмъ комедіантъ такъ спаръ, что вѣтъ человекъ въ Мадридѣ, который бы запомнилъ его дебютъ. Имѣя нѣкоторое дарованіе, онъ до того щеславенъ и гордъ, что считаешь себя выше человекъ. Знаете ли сонъ сего закулиснаго героя? Ему снится, что онъ умираетъ и что весь Олимпъ собрался у Зевеса

рѣшивъ, что сдѣлать съ такимъ важнымъ смертнымъ. Онъ слышитъ, какъ Меркурій предлагаетъ совѣту боговъ, что сей славный комедіантъ, имѣвъ честь представлять неоднократно на сценѣ Юпитера и другія божества, не долженъ быть подвергнутъ общему удѣлу смертныхъ; что онъ достоинъ быть включенъ въ божественное собраніе. Момусъ согласенъ съ этимъ предложеніемъ; но нѣкоторые изъ боговъ и богинь взволновались; Юпитерь, чтобъ согласить ихъ, превращаетъ стараго комедіанта въ театральную принадлежность

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А.

«Скопипи въ праздникъ самъ не свой:
 Госней задержишь — удивленья!»
 — «Да, въ будни онъ живешь свищей,
 А челоукомъ въ воскресенье?» —

К.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

38) *Четыре повѣсти для дѣтей*. С. п. б. 1831 года, въ типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія. 74 страницъ въ 16 д. л.—Съ четырьмя разкрашенными картинками и заглавнымъ листкомъ. Эти четыре повѣсти написаны одною благородною дамою, вѣжною маперью. Слогъ сихъ повѣстей чистъ, правиленъ и понятенъ для дѣтей. Докажемъ сказанное:

Нарядное платье (стр. 12.)

«Ахъ! маминька, маминька! какую счастливую дѣвочку видѣла я сего дня въ лѣпнемъ саду!—говорила, вѣщая къ матери своей, маленькая Наташа.

Чѣмъ же она счастливѣе другихъ? спросила, улыбаясь, мать.

Какое у нея прекрасное, шопкое, кисейное платье, на розовомъ апласѣ, и съ дорогими кружевными обшивками! Каковой розовой кушакъ! какіе розовые башмачки! Какъ счастлива должна быть эта дѣвочка!»

Вотъ сужденіе малюшки-Наташи. Но сколько есть у насъ не дѣвочекъ, а дѣвушекъ, дѣвицъ и перезрѣлыхъ дѣвъ, сужденія коихъ не зрѣе сужденія Наташина!

Помянутая книжка продается въ книжномъ магазинѣ *И. В. Сланина* по 2 р. а съ пересылкою на города по 3 руб. за экземпляръ.

С М Ъ С Ь.

ГРОбница Князя Баграціона.

Я былъ еще ребенкомъ, когда полкъ моего родителѣя стоялъ во Владимірской губерніи, въ селѣ *Семеновъ*; но и теперь живо предспавляю себѣ прелестное мѣстноположеніе сего незабвешаго для меня села.

На оплогомъ скапѣ горы разбросаны креспьянскія хижинны; у подошвы шумипѣ быспрая рѣка; а на вершинѣ стоипѣ величественный Божій храмъ, въ которомъ, за позолоченною оградю, поконпся прахъ храбраго Генерала — Князя Баграціона! . . . Многимъ покажется невѣрояпно, что гробница сего героя поставлена въ неизвѣспномъ мѣспѣ; тѣмъ болѣе, что Баграціонъ былъ смертельно раненъ подѣ Бородинымъ, и чрезѣ три дня послѣ сего разлучился съ жизнію, оставивъ только на землѣ громкую о себѣ славу;—но кто былъ въ *Семеновѣ*, топѣ удостовѣряется въ этомъ собственными глазами, и узнаетъ сему причину, которую и мнѣ не трудно теперь пояснить.

До опѣзда своего въ дѣиспвующую армію, Баграціонъ гостилъ у Князя Голицына (Андрея Андреевича), который въ то время жилъ въ *Семеновѣ*. Онъ долго наслаждался тамъ пріятностями сельской жизни; но вдругъ разнесся слухъ о вторженіи Французскихъ войскъ въ наше опечество; по этому случаю Баграціонъ долженъ былъ оставипѣ мирное уединеніе, и летѣпѣ на ратное поле. Тогда, какъ бы предчувствуя свою близкую смерть, онъ написалъ въ церквѣ на стѣнѣ карандашемъ: *«Если война разлучитъ меня съ жизнію, то здѣсь меня похороните, и на моемъ надгробномъ кампѣ сдѣлайте слѣдующую надпись: онъ шелъ на битву съ такимъ удовольствіемъ,*

съ какими пожертвовалъ жизнью за Вѣру, Отечество и обожаемаго Царя!»

Черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ того, какъ Баграціонъ оспавилъ любимое свое *Семеново*, къ сожалѣнію Русскихъ, сбилось это предчувствіе!

Его похоронили съ почестями, приличными храброму Генералу; а Князь Голицынъ, въ знакъ дружеской привязанности, соорудилъ сему герою великолѣпную гробницу съ изображеніемъ его великихъ подвиговъ.

Никогда не изгладится изъ моей памяти эта гробница. Я всегда буду представлять въ моемъ воображеніи, какъ мой отецъ подводилъ меня къ ней, говоря: *«Да сподобитъ тебя Богъ, сынъ мой! возрости — вступить на службу Отечеству, и уподобиться герою, котораго прахъ погнетъ за сего оградой!»*

Николай Кириловъ.

Н О В О С Т И.

Шиллерова трагедія: *Мессинская пѣвста*, переведенная А. Г. Ропчевымъ, будетъ предсавлена въ скоромъ времени на нашемъ шевтрѣ, въ бенефисъ Г. Шелехова б.

С О Д Е Р Ж А Н І Е No. XLV.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Отрывокъ изъ романа: Хромоногій бѣсъ. *Стихотворенія:* Характеристика. БИБЛИОГРАФІЯ. Четыре повѣсти для дѣтей. СМѢСЬ. Гробница Князя Баграціона; соч. *Николая Кирилова.* НОВОСТИ. ПОТЫ.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 16 Іюня 1831 года.

Ценсоръ *П. Гаевскій.*

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ТАИНСТВЕННАЯ СТРАННИЦА.

П О В Ъ С Т Ъ .

(Посвящается Н. Л. К.)

Истинное не всегда бываетъ вѣроятнымъ. Въ жизни человѣческой встрѣчаются такія произшествія, которыя превосходятъ иногда всѣ возможные вымыслы. Думаю, что со всякимъ изъ насъ случались приключенія, разсказъ коихъ часно возбуждалъ улыбку невѣрующихъ.

Произшествіе, которое я намѣренъ передать читателямъ, говоритъ сочинитель сей повѣсти, случилось въ глазахъ моихъ. Многія особы, могущія подтвердить достоверность онаго, еще живы.

Въ училищѣ я имѣлъ поваричемъ своимъ Фридриха Г. ***, сдѣлавшагося попомъ почтеннымъ Лордомъ Д. *** Разность нашихъ лѣтъ и нашихъ состояній нисколько не препятствовала намъ писать другъ къ другу

живѣйшую привязанность. Одно обстоятельство еще болѣе увеличило оную. Я спасъ жизнь моему юному другу въ ту минуту, когда онъ, по неоспорожности, упалъ въ рѣку. За сіе онъ сохранилъ ко мнѣ безпредѣльную сердечную признательность; а я еще болѣе сдѣлался привязанъ къ нему. Минута, когда по окончаніи наукъ, намъ должно было разстаться, была для обоихъ насъ равно тягостна; но всегдашняя дѣтельная переписка замѣняла, по возможности, прелесть нашихъ дружескихъ бесѣдъ и продолжалась во все время разлуки. Когда я готовился уже подвергнуться себѣ испытанію на степень Доктора медицины, Фридрихъ настаивалъ, чтобы я избралъ духовное званіе, желая доставить мнѣ выгодное мѣсто въ имѣніи отца своего; я рѣшиительно отказался отъ его предложенія, и избралъ себѣ должность Лекаря въ одномъ маленькомъ городкѣ, гдѣ съ честью выполнялъ все, что требовало сіе почтенное и добродѣтельное званіе.

Съ того времени прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ Фридрихъ, который женился слишкомъ въ молодыхъ лѣтахъ, и прежде нежели смерть отца сдѣлала его полнымъ господиномъ надъ помѣстьями и достоинствомъ Лорда Д***, когда Фридрихъ, говорю я, оудовѣлъ. Не имѣя ни малѣйшаго желанія къ браку сему, онъ долженъ былъ успѣшнѣе

расчетливости отца своего, воля котораго была для него священнымъ закономъ. Юный другъ мой, обожатель красоты, не находилъ оной въ избранной ему супругѣ; но безчисленныя добродѣтели сей единственной женщины, ея доброта, ангельская крепость души, покорили наконецъ сердце холоднаго мужа и на долгое время сдѣлали его неуспѣшнымъ вдовцемъ. Леди Д.*** умерла отъ родовъ; дитя, спойвшее ей жизни, было послѣднимъ залогомъ ея любви къ супругу; слабое сложеніе сего мальчика заставляло ежедневно спрашиваться, что онъ скоро послѣдуетъ за матерью; несчастный Д***, урученный горестію и страхомъ, писалъ ко мнѣ и умолялъ поспѣшить къ нему скорѣе на помощь. Я ни мало не колебался, и тогда же пріѣхалъ къ нему. Фридрихъ снова убѣждалъ меня оставить званіе, которае насъ разлучало; а вмѣсто онаго избрать духовный санъ. Дабы не опечалишь моего друга, я долженъ былъ согласиться и общалъ ѣхать съ нимъ на швердую землю. Наканунъ отъѣзда—Фридрихъ занемогъ опасно. Долговременная, неуменьная печаль, коей онъ предавался, разстроила умственныя его силы до того, что я боялся помѣшательства въ умъ его; къ счастью однако жъ, мнѣ удалось поправить разстроенное его здоровье. Сдѣлавшись нѣсколько спокойнѣе, Лордъ самъ предложилъ испол-

пипть прежнее намѣреніе оставить Англію и путешествовать по Европѣ, не назначая времени возвращенія. Такъ какъ онъ видѣлъ уже Францію и никогда не былъ въ Испаніи и Португаліи, то и согласились, сначала поспипть оба сіи государства, а опшуда чрезъ Пиринеи, возвращипсь во Францію. Мы опправились въ Фальсмупть, чшобы опшуда предпріяпть плаваніе къ Лиссабону; однако въспрь намъ не благопріяпствоваль, и мы принуждены были прожипть въ семь порпть долѣе, нежели сколько хопѣли. Эпа опсрочка мало меня безпокоила; мвѣ еще было гораздо удобнѣе заниматьса науками на одномъ мѣспѣ; но безпокойство и непернѣніе, обыкновенное послѣдствіе недавнихъ гореспей, превожили чрезвычайно Лорда Д***.

Въ одно ушро, когда дурная погода разстроила нашу прогулку, Фридрихъ, котораго раздражала малѣйшая неудача, скорыми шагами ходилъ по комнапть и безпрестанно выглядываль въ окно, ожидая, не перемѣнипсь ли погода. Вдругъ, устремивъ глаза въ садъ гостинницы, гдѣ мы жили, онъ, въ восторгѣ удивленія, невольно воскликнулъ: эпо Ангель! заняпный слишкомъ чпеніемъ, я не обратилъ вниманія на эшонъ вскрикъ, и зная спраспть Лорда къ дѣшпямъ, подумаль, чшо одна маленькая прекрасная дѣвочка, которую я видѣлъ часто въ пракширѣ, занимала его шогда.

„Какая ангельская, какая обворожительная красота!“ продолжалъ онъ; пожалуйса поспри, Моршонъ. Нѣкогда! любезный Лордъ, отвѣчалъ я; я ее видѣлъ нѣсколько разъ, дѣйствительно она очень мила. — „Мила, мила! какое выраженіе! удивляюсь, что ты не говорилъ о ней прежде. Я продолжалъ читать и отвѣчалъ только знаками, показывающими крайнее нетерпѣніе. Лордъ Д*** не замѣчалъ оныхъ; всѣ чувства его превратились въ зрѣніе. Она измокнешъ; буря начинается, а она еще въ концѣ сада и далеко отъ дома. Боже мой! что дѣлать?“

Надѣвъ шинель и идши въ садъ за нею, сказалъ я; ты можешь ее взять на руки и принести сюда.

Не помѣшался ли ты Моршонъ? вскричалъ Лордъ Д***, съ негодованіемъ.

При сихъ словахъ, я вспалъ, подошелъ къ окну и увидѣлъ не дитя и не милую дѣвочку, но прелестнѣйшую женщину, какую я когда либо встрѣчалъ. Одежда ея и черные волосы, еще болѣе возвышали удивительную бѣлизну ея шѣла; щеки были блѣдны; но малѣйшее движеніе приводило ихъ въ краску; большіе черные глаза выражали меланхолю и примѣтную гордость; словомъ, всѣ черты лица ея были въ совершенномъ согласіи и дѣлали ее восхищеннѣйшимъ твореніемъ.

Лордъ Д*** смотрѣлъ на нее съ удивле-

ніемъ, похожимъ на испушеніе; я такъ же восхищался, но гораздо спокойнѣе. Между тѣмъ, буря болѣе и болѣе увеличивалась; Фридрихъ схватилъ зонтикъ и побѣжалъ предложить услуги прекрасной незнакомкѣ. Онъ подоспѣлъ въ самое то время, когда дождикъ спалъ накрапывающъ; помощь его была необходима. Я вышелъ на встрѣчу имъ, чтобы разсмотрѣть незнакомку вблизи: поблагодаривъ Лорда, въ самыхъ лестныхъ и учтивыхъ выраженіяхъ, она поспѣшно удалилась въ свою комнату.

Мы также возвратились. Лордъ бывъ задумчивъ, безпокоенъ. Эту встрѣчу почиталъ я такъ важною, что, предсавляя могущія быть послѣдствія, невольно началъ чего-то опасаться. Всякій разъ, когда читая книгу, находилъ я какое нибудь мѣсто, которое могъ примѣнить къ нашимъ обстоятельствомъ, я читалъ оное въ слухъ; но всѣ мои читанья пролетали мимо ушей Лорда Д***. Погруженный въ глубокую задумчивость, онъ не хотѣлъ слышать никакихъ совѣтовъ, которые я пытался давать ему, заимствуя выраженія изъ Горация или Опвая. Моршонъ, сказалъ онъ наконецъ, послѣ долгаго молчанія, кто бы это была? . . . все показываетъ въ ней особу знашнаго происхожденія! . . . Не дожидаясь отвѣта, онъ позвалъ хозяина гостиницы, и спросилъ его о томъ, что ему

пакъ сильно хопѣлось знать; но эпопть чело-
 ловѣкъ очень мало могъ сообщити свѣденій
 о нашей незнакомкѣ. Онъ сказалъ только,
 что она прѣхала въ Фальсмушь за нѣсколько
 предъ симъ дней, намѣреваясь отправишься
 также въ Лиссабонъ и что задержана въ го-
 родѣ, по той же причинѣ, по которой и мы
 оспались; сверхъ того присовокупилъ, что
 она ни съ кѣмъ не видится, не получаетъ
 никакихъ писемъ, и всю прислугу ея соспав-
 ляетъ старая женщина, Французенка, кото-
 рая въ немногихъ словахъ, произносимыхъ ею
 по Англійски, ничего не сказала о госпожѣ
 своей. Далѣе пракпирщикъ замѣпилъ, что
 незнакомая дама, казалось, удручаема была
 какою-то сильною горестію; ибо она всегда
 чрезвычайно печальна и часто слышали, какъ
 она по цѣлымъ ночамъ, плакала и, въ силь-
 номъ волненіи, ходила по комнатамъ.

Воптъ испинно пайнспвенное и необыкно-
 венное существо, сказалъ я, когда пракпир-
 щикъ удалился. Со всѣмъ нѣпшъ, отвѣчалъ
 Лордъ Д*** съ живоспію, эпа женщина не-
 давно овдовѣла, печаль безъ сомнѣнія подѣй-
 ствовала на ея нѣжное сложеніе; эшо-шо и зас-
 тавляетъ ее ѣхать въ Лиссабонъ. Чшо касается
 до ночей, проводимыхъ ею въ бессонницѣ и пе-
 чали, эшо такъ же не спиранно въ ея поло-
 женіи; я самъ, Морпсонъ, не спалъ и пропла-
 кивалъ по цѣлымъ ночамъ. Онъ началъ гово-

ришь о своихъ горестяхъ, по смерти милой жены его, и я спалъ опасаться, чтобы меланхолія его не увеличилась; ибо присутствіе прекрасной незнакомки легко приводило ему на память любимую имъ супругу.

На другой день поутру первые предметы, поразившіе мое зрѣніе, были наша Леди, ея служанка и Лордъ Д***, они прохаживались по саду. Такъ какъ они были очень заняты разговоромъ, то я имѣлъ случай разсмотрѣть эту женщину: фізіогномія ея, не взирая на отличную красоту, имѣла какое то странное выраженіе; дальнѣйшее разсматриваніе еще болѣе ушвердило меня въ предубѣжденіи прошивъ незнакомки. Блуждающіе взоры показывали не меланхолію, происходящую отъ привычной горести, но печаль мрачную, даже почти дикую. Замѣтно было, что отъ воспитанія и знанія свѣта происходишь ея тихое и пріятное обращеніе, но что нравъ ея отъ природы былъ высокомѣрень. Я невольно содрогнулся при мысли, что эта женщина, можетъ быть, будетъ располагать нѣкогда учаснью моего друга. Воспоргъ, который онъ ощущалъ, говоря съ нею, приводилъ меня въ крайнюю досаду. Я машинально подошелъ къ нимъ, какъ бы желая спасти его отъ опасности, ему угрожавшей.

Каково швое здоровье, Моршонъ? спросилъ

онъ, съ живоспью. Вопшь, сударыня, прибавиль онъ, предспавляя меня своей спутницъ, искренній и преданный другъ мой, о копоромъ я вамъ говориль. Незнакомка поклонилась мнѣ, сказавши Лорду Д***, что она считаешъ его счастливымъ, когда онъ имѣешъ искренняго друга. Она не называла его Лордомъ, вѣрояшно попому, что не знала о его достоинствѣ, и мнѣ, не знаю почему, пришло на мысль сдѣлать ей по извѣспнымъ; я поспѣшилъ произнести слово Милордъ. Часпо смѣялся я надъ людьми, копорые чваняшся знакомствомъ съ знатными, но за то и немного находиль людей, чуждыхъ сей слабоспи; а попому я не могу сказать, чтобы не имѣлъ глупой мысли показати значительность свою, когда называль друга Милордомъ. Какъ бы то ни было, знакомая дама обратилась ко мнѣ съ улыбкою; ея насмѣшливый видъ, казалось, говорилъ мнѣ, что дружба съ Лордомъ не рѣдкость, копорая бы могла удивить ее и возбудить зависть; я не ошибся въ моемъ замѣчаніи и покраснѣлъ. Съ сей минушы начались между мною и незнакомкою сцены нѣмыя, копорыя для обоихъ насъ были понятны, и копорыя продолжались во все время нашихъ взаимныхъ отношеній.

Встрѣчи въ саду возобновлялись всякій день, и хотя соблюдаемо было самое спро-

гое приличіе, я примѣнилъ однако же, что незнакомка не была нечувствительна къ Лорду Д***, я внимательно наблюдалъ за нею, и, часто, замѣчанія мои на многіе предметы о которыхъ она говорила, и наблюдательные взоры мои приводили ее въ затруднительное положеніе. Не ограничиваясь свиданіями въ саду, мы начали уже видѣться и въ комнатахъ, и гораздо съ большою свободою.

Лордъ Д*** предложилъ книги, испросивши позволеніе всякій разъ самому приносить ихъ къ прекрасной сосѣдкѣ, которой и я дѣлалъ визиты одинъ или, вмѣстѣ съ Лордомъ Д***. Не взирая на сіе, между мною и нею никогда не было искренности.

Такимъ образомъ провели мы шесть недѣль, прошекшихъ быспро для Лорда Д***; но конца которыхъ я ожидалъ съ великимъ нетерпѣніемъ, желая извлечь моего друга изъ опасости пагубнаго знакомства. Въ это время мы узнали имя нашей незнакомки. Лордъ Д***, шутя извинялся однажды предъ нею, что не представилъ меня какъ должно, то есть, не сказавши имени; но прибавилъ, что время позволяетъ загладить ошибку. И такъ вошъ Г. Моршонъ, съ начала Докпоръ Моршонъ, потомъ почтенный Паспоръ Моршонъ, потомъ наконецъ просто Моршонъ, подъ которымъ именемъ онъ и путешествовалъ. Теперь, сударыня, прервалъ я, вы мнѣ

позволише въ свою очередь представитъ Виконпа Д***, живущаго въ Лондонѣ, въ улицѣ Рутландѣ.

Государи мои! подхватила Леди, желая улыбнуться, но съ видимымъ безпокойствомъ, кпю же меня предспавитъ вамъ? между тѣмъ, она оправилась и угадывая, чпо Лордъ Д*** желалъ только дать ей случай сказаць свое имя, начала говорить съ важностію: я родилась въ Шотландіи, и вышла за мужъ за нѣкоего Макдональда. При сихъ словахъ лице ея покрылось прелеснѣйшимъ румянцемъ; я понялъ тогда, опъ чего шшло Милорда придало пакъ много вѣса моему другу. Семейное имя мое, продолжала она, Розабелла Сень-Клеръ, и примѣшивъ, чпо я устремилъ на нее наблюдапельные взоры, копорые заставили ее предполагать во мнѣ сомнѣніе въ сказанномъ ею, она посмопрѣла на меня пристально, замѣшя, чпо тѣ, кои имѣютъ какое нибудь поняшіе о генеалогіи, должны знать, чпо имя Розабелла было принято въ фамиліи Сень-Клеръ для особъ женскаго пола. Я послѣдняя опрасль нашего дома, продолжала она, и рано оспалась сиротою, рано лишилась нѣжныхъ моихъ родителей; я была одна въ мірѣ, когда узнала Полковника Макдональда. Онъ заступилъ мнѣ мѣсто родныхъ, друга, брата, произнесла она, сложивъ руки съ видомъ опчаянія, онъ замѣнилъ всѣ

узы, привязывавшія меня къ жизни, и я знала высочайшее блаженство до дня . . . до дня, въ который его лишилась, прибавила она тихимъ и мрачнымъ голосомъ, и вышла въ другую комнату. Возвратившись чрезъ нѣсколько времени, она извинялась, что принуждена была оставить насъ, что для нея стыдно припоминать прошедшее; она просила позволенія умолчать о прочихъ обстоятельствахъ своей жизни и шеперешвемъ положеніи.

Когда постигло меня несчастіе, говорила она, я рѣшилась навсегда оставить Англію, и думала переменною мѣсно изгнать изъ сердца воспоминаніе былаго благополучія: это воспоминаніе разстроило мое спокойствіе. Она остановилась на минушу — и потомъ продолжала: и при жизни мужа, я была полною владѣтельницею имущества, доставшагося мнѣ отъ моихъ родителей, а когда постигло меня бѣдствіе, разлучившее меня съ супругомъ, я рѣшилась исполнить свое намѣреніе, съ помощію пятидесяти тысячъ фунтовъ шерлинговъ, находившихся всегда при мнѣ. Г-жа Макдональдъ замолчала снова. Сіи подробности, продолжала она, необходимы для изъясненія какимъ образомъ могла я вдругъ оставить свое отечество и не имѣть съ нимъ никакого сношенія. Я мертва для Шотландіи и ея жителей. Леди впала въ глубо-

кую задумчивость и опомнившись прибавила, что новый климатъ, новые виды и разные обстоятельства безъ сомнѣнїя разсѣюшъ ея грусть. Казалось, она хотѣла болѣе насъ увѣрить, что питаетъ эту надежду. Лордъ Д***, внутренно волнуемый, отвѣчалъ на сіе печальное повѣспованіе, только отрывистыми словами, выражавшими состраданіе и любовь. Что касается до меня, я ужаснулся этой спргой независимости характера, копорая допускала молодую женщину скитаться въ чуждомъ мірѣ, безъ подпоры и кровиниела, пренебрегать прїятными утѣшенїями дружбы; но ни одно изъ сихъ размышленїй не приходило на мысль Лорда Д***, красота и несчастїя Г-жи Макдональдъ совершенно очаровали моего друга; онъ поклялся бытъ подпорою и утѣшителемъ Розабеллы, оставленной свѣтомъ. Я имѣлъ тысячи причинъ думать, что только прауръ останавливалъ совершеніе брака. Чувствуя, что мои замѣчанїя ни къ чему не послужашъ, я молчалъ, но, признаюсь втайнѣ горько оплакивалъ ослѣпленіе Лорда; не смотря на то, что я всегда отдавалъ должную справедливоспъ красотѣ этой удивительной женщины, ея уму и талантамъ, она, въ моихъ глазахъ, имѣла большой недостатокъ: недостатокъ главнѣйшихъ прїятноспей и первыхъ добродѣтелей своего пола: независимоспъ ея

правиль, непомѣрная гордосінь, отвергавшая вѣрованіе въ лучшее, составляющее утѣшеніе душъ нѣжныхъ, недоспаптокъ свѣтскаго приличія, которое украшаетъ женщину въ обществѣ, все это, думалъ я, должно возбуждать болѣе удивленіе и любопытство, нежели любовь.

Г-жа Макдональдъ не могла осчастливить такого человѣка, каковъ былъ Лордъ Д***, и никого другаго, кто сколько нибудь былъ чувствительнѣе. Къ этому присоединились тысячи страшныхъ подозрѣній, произведенныхъ во мнѣ мрачною печалью этой женщины, ея чуднымъ существованіемъ и множествомъ другихъ замѣчаній . . . Мои понятія о ней были шакъ странны, что я никакъ не могъ сообщить ихъ кому либо; но если бы онѣ были и справедливы, то я все еще хотѣлъ скрывать ихъ отъ моего друга. Довѣренность, его къ обожаемому предмету равнялась любви его къ нему, ежели что либо могло равняться оной. Къ тому жь, бывъ отъ природы добродушенъ и ослабленный теперь спрашпію, Лордъ Д*** не преминулъ бы приписать опасенія мои недоспаптоку довѣрчивости, въ чемъ онъ и прежде упрекалъ меня, или, что еще хуже, какому нибудь другому побужденію, и я желая спасти его, могъ бы легко пошерять въ немъ друга.

Можешь быть, покажесія нѣсколько не-

понятнымъ и даже невозможнымъ, чтобы ни одно изъ замѣчаній моихъ о характерѣ и таинственной печали Г-жи Макдональдъ не пришло на мысль Лорду Д***. На это я буду отвѣчать, что Лордъ былъ не способенъ къ подозрѣнiямъ; а потому не удивительно, что красота обожаемой имъ женщины, его ослѣпляла. Дикое замѣшательство, видимое въ ней, онъ принималъ за нѣжное спрѣданiе, а буйную неровность въ характерѣ за живѣйшую чувствительность.

Таковы были наши понятiя объ этой удивительной женщинѣ; я молчалъ, зато Лордъ Д*** не переставалъ говорить о своей любви и удивленii; и когда замѣчалъ, что я не раздѣляю его восторга, то приписывалъ это холодности и важности моего характера.

Черезъ шесть недѣль, къ величайшему нашему удовольствию, въперъ перемѣнился; но когда мы думали уже опрѣправиться на корабль, Г-жа Макдональдъ вдругъ занемогла, — и наша дальнѣйшая поѣздка была опложена; Лордъ Д*** объявилъ, что онъ не оставитъ Розабеллу, лишенную друзей и всякаго утѣшенiя; что онъ не покинетъ ее больную одну, въ спрѣнтъ, отъ него опдаленной. Я принужденъ былъ уступить доводамъ, которые бесполезно было бы опровергать, и которые мнѣ казались довольно спрѣнными.—Но вскорѣ узналъ я, что гораздо важнѣйшiя причи-

ны удерживали Лорда Д*** близъ прелестной вдовушки: онъ признался мнѣ, что предложилъ уже ей свою руку.

Къ неописанной радости моего друга, Г-жа Макдональдъ поправилась, и мы, по старому были у нее приняты. Прошло нѣсколько дней, прежде нежели она рѣшилась позволить Лорду Д*** повторить предложеніе, отъ котораго, по его словамъ, зависѣло все его счастье и, даже, самая жизнь. Г-жа Макдональдъ выслушала его съ нѣкопорымъ ужасомъ; наконецъ сказала, что если онъ дѣйствительно не можетъ быть безъ нее счастливъ, то она согласна посвятивъ ему остатокъ дней своихъ! но, прибавила она: я не могу увѣрять васъ, чтобы всегда вы видѣли меня спокойною, и ежели мнѣ не суждено возвратитъ потерянный миръ душѣ моей, то захотите ли вы соединить судьбу свою съ моимъ несчастнымъ жребіемъ?

Лордъ Д***, опивчалъ на все увѣреніями въ живѣйшей привязанности . . . Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ споровъ и отговорокъ, прекрасная и непонятная странница торжественно обѣщала Лорду Д*** быть его женою.

(Продолженіе въ слѣдующемъ No.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

БОЛЕСЛАВЪ СМЪЛЫЙ.

БАЛЛАДА.

(Соч. Ед. Одъльница.)

Во вссмѣ церковномъ облаченъ
 Петровъ Намъспникъ совершалъ
 Святое жерпвоприношенъе;
 Грѣхи народа разрѣшалъ:
 Народъ нахлынулъ въ храмъ полпами
 И осѣнялся креспомъ
 Лобзалъ покорными устами
 Святой помоспъ, бѣя челомъ.

Передъ глаголомъ Искупленья
 Поникли долу всѣ главой,
 Храмъ освѣился пишиной,
 И паспырь полный умиленья
 Выщашъ ужъ начинаешъ—вдругъ
 Объяла духъ его шревога
 И на спупени съ ликомъ Бога
 Распяшь падаешъ изъ рукъ!

»О Небо!» Паспырь ушрашенный
 Воскликнулъ громко на народъ:
 «Чшо за пресшупникъ оглашенный
 «Здѣсь смѣешъ бышь? его приходъ
 «Сквернишь Свяшыню! . . о несчастшый!
 «Прощенья нѣпшъ пвоимъ грѣхамъ!
 «Отшверженъ Небомъ, пышъ напрасло
 «Прищель внимашъ свяшымъ словамъ.

«Знать мѣру спрашивыхъ преступленийъ
 «Ты совершилъ . . . и удались!
 «Не оскверняй святыя сѣни
 «Или проклятія спрашись!»

Въ преддверьи храма, униженный,
 Пришедшій издалеча въ Римъ,
 Въ одеждѣ грѣшника смиренно
 Молился нѣкій Пилигримъ.

Но въ городѣ никпо не знаетъ —
 Откуда прибылъ и кто онъ?
 Суровый поспѣ онъ соблюдаетъ,
 Живешь онъ свѣта устранивъ;
 Никпо смиреніе во храмъ
 Не касая, не бѣсѣ челомъ:
 Но пронунъ паспыря словами,
 Всмалъ—и покинулъ Божій домъ!

Собрался въ путь. Въ края ль родные
 Идешь онъ, Богъ въспѣ! вопъ уже
 Предъ нимъ Карпашы вѣковые,
 Онъ на Сармапскомъ рубежѣ,
 И вьспей Варша голубая —
 Мѣста рѣскошныя! по онъ
 Миуесть, и къ брегамъ Дуная
 Идешь въ раздумье погружёнъ.

Идешь пуспынею глухою;
 Уединенная пропа
 Ведешь въ пещеру подъ скалою
 Гдѣ вѣчна глушь и темнота:
 Кругомъ проспершишь мѣсъ дремучій
 Кольшесть мрачною главою.

И возвышаются за шучи
Скалы разбиныя грозой — —

Вечернимъ заревомъ пылали
Верхушки Оссы (*) и слегка
Гуль монастырскаго звонка,
Терялся въ молчаливой дали.
Сполялъ въ раздумьи Пилигримъ,
Терзаясь мыслью о проклятыи; —
Вдругъ смошришь олъ: одинъ изъ брашн
Сидишь на камнѣ передъ нимъ.

»Хрнспось съ побою! упованья
»Не шрапъ смнрсный Пилигримъ.
»Твой грѣхъ очнспншь покаянсь;
»Богъ внсмлешъ жалобамъ швонмъ!

Но Пилигримъ въ опвѣшъ ни слова,
Лишь блѣдный ликъ огонь облилъ!
Смушилъ ли гласъ опца свяшова? . . .
На спарца взоръ олъ устремилъ.

»Ошкуда, спнрнникъ? не идешъ ли
»Ты изъ Солима, и съ собой
»Мощей Воспока не несешъ ли,
»Иль въшви пальмовой свяшпой?»

— Не изъ Солима я, изъ Рима:
И безъ мощей, опецъ свяшпой;
»Но вмѣспо ихъ у Пилигрима
»Проклятыѣ Папы надъ главой!» —

„Не шрапъ, несчашпный, упованья!
„Мой сыпъ, опчаяннъ бѣги.

(*) Монастырь сего имени.

„Сознай вину и покаянсь
 „Очистишишь весь пивои грѣхп!“

— Кпо ты, что хочешь Пилигрима
 „Лучемъ оправднмь просвѣишишь,
 „Когда свяшый Владыка Рима
 „Не могъ грѣховъ мнѣ разрѣшишь!

„Брось эшъ мысли! съ Вышней воли
 „Сюда на землю посланъ къ вамъ:
 „Что разрѣшу я въ сѣй юдоли,
 „То разрѣишишь Всевышній *талиг!*“

И спраишикъ преклопнвъ колены
 Такъ опкрываеися душой,
 Межъ пѣмъ, какъ инокъ умиленный
 На руку оперся главой:

— „Какіе бь дальніе предѣлы
 „Тебя, отецъ ни родили —
 „Слыхалъ кпо *Болеславъ* былъ *Сильный*,
 „Король Сарматскія земли?
 „Алкая не добычь, по славы,
 „Великодушья образцъ,
 „Онъ бралъ и раздавалъ державы,
 „И былъ для подданныхъ отецъ.

„Онъ предъ побоею!—я державу
 „Врага кичливаго смирилъ
 „И на *златыхъ вратахъ* на славу
 „Зарубки предка поновилъ.
 „Но сердцемъ гнусные пороки
 „Тамъ овладѣли наконецъ,
 „И мчали въ бездну какъ потоки! . . .
 „Ты знаешь ли *восторгъ*, отецъ?“ —

„Восторгъ еси радость и а слепая,
 „Которую намъ Небо шлепъ;
 „Изъ добрыхъ дѣлъ происпекала
 „ Огъ намъ сладость въ душу льешь . .
 „Но есть что разумъ остывляешь!
 „Она какъ матица-палачъ
 „Ребенка въ бездну погружаетъ
 „Смирная лакомствами плачь . . .

— „Такъ точно! въ бездну пресуплений
 „Она низринула меня! . . .
 „Увы! что началъ развращеньемъ
 „Пресупной страстью кончилъ я!
 „И на груди ея покоясь
 „Далъ скипетръ свой полкъ льстивцовъ
 „О подданныхъ не беспокоясь
 „Ты знаешь ли , опецъ, *любовь*!“ —

„Какъ солнца пламень благошворной
 „Цвѣты, посѣвы, дань луговъ,
 „Такъ добродѣтели безспорно
 „Рождаетъ испая любовь:
 „Но сладость гибельной опоры
 „Опустошительный пожаръ,
 „Спасъ развращающая нравы —
 „Любви плошской постыдный жаръ!

— „Такъ! я любилъ одну, и Боже,
 „Ты видѣлъ самъ какъ я любилъ! . . .
 „Родитель первымъ былъ вельможей
 „И спрашенъ всѣмъ и силенъ былъ.
 „Что жъ? ивкій рыцарь вдругъ богачей
 „Спалъ дочери руки искашь

„И многочисленныя свапы
 „Не преспавали подвѣзжашь.

Вопъ молодыхъ и обвѣнчали,
 Благословили ихъ креспомъ —
 Вдругъ войны мои напали!
 И пищешно, въ пренепш своемъ,
 Невѣста падаешь, рыдая,
 Въ объяпья къ жепиху блѣдна:
 Опъ гиблешь, друга защищая
 Она же силой умчана.

Тогда мнѣ, въ полномъ, облаченъи
 Дерзнулъ Епископъ Спаниславъ,
 При многочисленномъ спеченьи,
 Всему народу указавъ,
 Грозилъ анаемой ужасной—
 И я, взбывенный симъ, за честь
 Поклялся опомшпшъ несчастный! . . .
 Опець мой, знаешь ли ны *месть*?

„Она еспь—гнѣвомъ подслащепный,
 „Напитокъ мапящій уста;
 Но кто коснется обольщепный
 „Топъ будешь каяпья всегда!“

— „Такъ, точно, точно! угрызенья
 „Впились мнѣ въ душу наконецъ,
 „Какъ жесточайшя мученья —
 „Но было поздно, мой опець! . . .

„Я повелѣлъ цѣною планы
 „Убить свяпаго (*) въ олпарѣ,

(*) Епископъ Спаниславъ въ Католической церкви считаешь святымъ.

„Но чудо!—длань убійць прикраты
 „Была задержана горь.
 „Тогда я самъ о мщенье злое! . .
 „Я самъ къ нему—и мечь занесъ —
 „И вотъ подножіе святое
 „Невинной кровью облилось!

Съ тѣхъ поръ въ опіалъи, въ безуми
 Влачилъ я жизнь, былъ смерти радъ;
 Но и не смѣлъ въ моемъ раздуми,
 Я кипуться въ опверзшій адъ,
 Опрекшись прона и короны,
 Ужь скоро десятъ лѣтъ, онецъ,
 Поспомъ я строгимъ изпуренный
 Сюда привлекся наконецъ.

„Гласъ въ сердцѣ запавъ, я Небомъ,
 „Съ тѣхъ поръ очей не утѣшалъ,
 „Ходилъ лишь въ монашерь за хлѣбомъ,
 „И воду изъ попока бралъ; —
 „Принесъ я полное признание,
 „Теперь учи, онецъ свяшой,
 „Какое можетъ покаянье
 „Очистишь грѣхъ ужасный мой? . . .“ —

„Надѣйся! Богъ тебя услышитъ!
 „Всѣ люди слабы, но когда
 „Кмо искреннимъ сознаньемъ дышетъ
 „Тому Творецъ проснитъ всегда!
 „Вотъ скоро отъ Небесъ посланникъ
 „Тебя востребуешь трубой
 „На судъ Всевышній, царь-изгнанникъ —
 „Я буду тамъ защитникъ швой!

„Уйми же плачь и, заклинаю,
 „Мой сынъ, опчаянья бѣги
 „Пусть Богъ проспитъ твои грѣхи
 „Какъ я за смерть свою прощаю!“ — —

Царя внезапный пренесъ объялъ,
 Холодный ужасъ кровь сковаль,
 Онъ очи въ изумленьи поднялъ —
 Но духовникъ какъ не бываль!

Кто жь былъ онъ? мудрено постигнушь;
 Не самъ ли праведникъ съ небесъ
 Сошелъ опрадою проникнушь
 Лиющаго потоки слезъ?
 По крайней мѣрѣ смѣло въ эпосѣ
 Самъ Болеславъ увѣреть былъ,
 И въ пренесъ упрѣ предъ разсвѣтомъ
 Онъ въ миръ наконецъ почилъ.

Но Царь хощь умеръ въ сокрушенъи,
 Печальный колокола звоиъ
 Не слышенъ былъ при погребенъи,
 И неопѣтымъ погребенъи.
 Безвѣстнымъ кѣмъ-то схороненъ онъ,
 Въ одеждѣ грубой, въ споронѣ,
 Сверхъ гроба камнемъ приваленъ онъ;
 На камнѣ рыцарь на конѣ.

Пер. В. Романовичъ.

С М Ъ С Б.

РОСТОВЩИКЪ.

(ПАРИЖСКІЕ ПРАВЫ.)

Можете ли вы себѣ представить такое лицо? Оно блѣдно и желтовато; я желалъ бы, чтобы Академія позволила мнѣ назвать его *луннымъ*. Оно похоже на худо вызолоченное серебро и остепно плоскими, щипцательно причесанными волосами, пепельнаго цвѣта. Оно всегда неизмѣнно, какъ лице Г. Галейрана: это черпы, вылитыя изъ бронзы. Глазь его, желтый какъ у хорька, почти не имѣетъ рѣсницъ. Носъ оспрокосеченъ, и губы тонкія. Говоръ этого челоуѣка тихъ и ласковъ; онъ никогда не вспылитъ, не выйдеть изъ себя. Его маленькіе глаза защищены отъ свѣта зеленою подкладкой стараго зонтика. Онъ весь одѣтъ въ черное. Лѣта его—проблема: не угадаешь, соспарѣлся ли онъ прежде времени, или сберегъ свою молодость для того, чтобы всегда пользоваться ею.

Комната его чиста, какъ платье Англичанина; но въ ней все надрано щепкой, начиная съ ковра на полу, и до зеленого сукна, что на бюро. Она кажется хладнымъ святилищемъ пожилой дѣвственницы, занимающейся цѣлый день напираниемъ старой мебели. Въ ней все отрицательно, и для осязанія непріятно. Зимой никогда не случалось мнѣ видѣть у него въ каминѣ поленьевъ попарно горящихъ; онъ здѣсь дымящи-

ся—не пламенѣють, и почти всегда зарыты подъ грудю пепла.

Жизнь этого челоуѣка бѣжитъ такъ же безшумно, какъ песокъ въ древнихъ клесидрахъ. Все его дѣйствія, съ той минуты, какъ онъ проснулся и до самыхъ припадковъ вечерняго кашля, подчинены вѣрному ходу спѣшныхъ часовъ. Это, нѣкопорымъ образомъ, *человѣкъ-модель*, котораго заводитъ сонъ. Если вы прочтете *Божію коровку* (насъкомое), бѣгущую по бумагѣ, она остановится и притворится мершвою; такъ и эпопѣ челоуѣкъ прерываетъ рѣчь свою, когда мимо его проѣзжаетъ экипажъ, для того что бы не возвысить голоса подъ шумъ колесъ и не прапнуть его. Въ подражаніе Фонпенелю, онъ заболитъ о сохраненіи жизненнаго движенія, и все челоуѣческія чувствованія сосредоточиваетъ въ словѣ *я*. Иногда его жертвы горячаша и поднимаютъ крикъ; но потомъ глубокая тишина снова воцаряется въ его жилищѣ: почти такъ бываетъ въ кухнѣ, гдѣ убиваютъ на жаркое утку.

До семи часовъ вечера, онъ важенъ; но въ восемь часовъ, челоуѣкъ-вексель превращается въ обыкновеннаго челоуѣка: это тайна превращенія металла въ челоуѣческое сердце. Тогда онъ попираетъ руки и веселится веселіемъ, похожимъ на пуспой смѣхъ паяца; но и въ самой полной радости разговоръ его всегда односложенъ. Таковъ-то сосѣдъ, которымъ надѣлилъ меня случай въ одномъ изъ домовъ улицы *Гре*, гдѣ я кварширую.

Домъ эгопъ мраченъ и сырѣ. Онъ безъ двора; и свѣтъ въ комнапы проходитъ только сквозь окна, обращенныя на улицу. Расположеніе перегородокъ, раздѣляющихъ сіе зданіе на покои равной величины, и оставляющихъ одинъ только выходъ въ концѣ длиннаго корридора, освѣщаемого окошечками, или просвѣтами, сдѣланными въ дверяхъ, прилежащихъ къ нему комнапъ, доказываетъ что эгопъ домъ соспавлялъ нѣкогда часть монастыря. Видъ его такъ печалень, что веселость молодого человека исчезаетъ еще прежде, чѣмъ онъ успѣетъ войти къ моему сосѣду. И жилище его и онъ походятъ другъ на друга: эго устрица и ея раковина?

Жизнь его—тайна. Единственнае существо, съ копорымъ онъ имѣетъ сношеніе въ смыслѣ общесства, эго я. Онъ приходитъ ко мнѣ за огнемъ, беретъ у меня книгу, журналъ, и, ввечеру, меня только одного допускаетъ онъ въ свою коморку, со мною только однимъ охотно разговариваетъ. Эпи знаки довѣрія суть плоды семейшняго сосѣдства. Имѣетъ ли онъ родныхъ, друзей? — не знаю. Никогда не видывалъ я у него ни одной копѣйки. Все его имѣніе въ кладовыхъ Государственнаго банка. Онъ самъ получаетъ слѣдующія ему росписки, и сказывалъ мнѣ, что на каждую беретъ по два франка за ходьбу необходимую при обратномъ полученіи (*). Ноги его сухи, какъ у оленя.

[*] Въ Парижѣ почти всѣ денежныя обороты и дѣла производятся посредствомъ маклеровъ, или чрезъ повѣренныхъ.

Впрочемъ, онъ самъ мученикъ своей оспорожності: разъ, какимъ-то случаемъ, онъ имѣлъ при себѣ золотыя деньги; двойной Наполеонъ-д'ортъ, Богъ знаетъ какъ, выпалъ у него изъ кармана; жмецъ того же дома, шедшій за нимъ поднялъ его и ему подаль.

— Это не мое! . . . сказалъ онъ съ видомъ изумленія, я никогда не имѣю золота ни у себя, ни при себѣ! . . .

Утромъ, онъ самъ себѣ гоповнипъ кофе, на железномъ таганчикѣ, копорый недвижимо спонпъ въ законпшломъ углу камина. Кушанье приносяпъ ему изъ пракпира. Старая приврапница въ положенный часъ, приходитъ убирать его компану. Наконецъ, дѣйствиємъ случая, копорый бы Сперпъ назвалъ предопредѣленіємъ, фамилія этого человека Г. Гобсекъ. Всенародно говорю, что мой сосѣдъ до чрезвычайности мѣся занимаетъ.

Я смотрю на него, какъ на Аптъя, если человеколюбіе и общежительство принять за религію. Поэтому-то и предположилъ его изслѣдовать. Я называю это учипсья анатоміи по homo duplex, по нравственному человеку. Я не люблю системъ, а требую фактовъ. И такъ, вы знаете уже теперь особу, копорую я вывожу на сцену.

Вчера ввечеру постпшилъ я этого человека, преспорившаго себя въ золото. Я заспалъ его сидящаго въ креслахъ, недвижимаго какъ спашуя, со взорами устремленными на шрубу камина, на копорой онъ,

казалось, чиналь шпоги суммъ и проценповъ. Дрянная, коптящаяся, запачканная лампа, укрѣпленная на подножкѣ, нѣкогда зеленой, бросала краснобащый опблескъ на его блѣдное лице. Онъ взглянулъ на меня и не промолвилъ ни слова; но возлѣ него приготоваельсь быль спулъ: онъ меня дожидался.

— Размышляельсь ли это созданіе? сказаель я про себя. Знаельсь ли оно, что еель Богъ, еель чувельва, еель женщины, еель блаженельство? Я жалельль о немъ, какъ пожалельль бы о болящемъ; но, между тѣмъ, я очень понималель, что если у него еель миллионъ въ Государельственномъ банкѣ, то уже мысленно онъ долженъ обладаель всею землею.

— Здравельсвуйельте, Г. Гобселькъ, сказаель я ему.

Онъ обернулелься ко мнѣ, и черныя, густыя брови его легонько сблизилельсь. Это характерельстическое поведельтьше бровями было въ немъ равнозначительельно пріятельнейшей улыбка южнаго жителелья.

— Вы такъ мрачны, какъ въ шопельть день, когда извьельспили васъ о банкротельствѣ шого книгопродавца. Да не задержалель ли кпо плашежа за кварельширу? вопельть, кажельться, 31

Мой съ нимъ разговоръ еель еще впервые склонилелься на деньги. Онъ посмолельтьрельль на меня и сладкимъ своимъ голосомъ, подобнымъ звуку флейшы, когда играельть на ней неопышный ученикъ, ошвьельчалъ:

Я веселюсь

— Такъ вы когда нибудель и веселишельсь?

Онъ пожалъ плечами и бросилъ на меня взоръ состраданія.

»А какъ вы думаете, спросилъ онъ у меня: развѣ только и есть поэтовъ, что пѣ, которые печатаютъ свои сочиненія?»

— Поэзія,—въ этой головѣ! . . . подумалъ я.

Нытъ жизни блистательнѣе моей!« сказалъ онъ продолжая.

Взоръ его сдѣлался живѣе.

Послушайте! по разсказу моихъ приключеній сегодняшняго дня упрѣ вы оптадаете всѣ мои удовольствія.

Онъ вспалъ, заперъ дверь на замокъ, задернулъ занавѣску изъ снѣжной обойной матеріи, кольца которой завизжали по железному пруту и возвратился на свои кресла.

Сегодня по утру, сказалъ онъ мнѣ: я долженъ былъ получить только по двумъ векселямъ; всѣ другіе отданы вчера за наличныя деньги. Первый изъ векселей, переданъ мнѣ прекраснымъ, молодымъ человѣкомъ. Онъ прѣзжалъ ко мнѣ въ пильбюри [родъ коляски]. Актъ, въ тысячу франковъ, подписанный одною изъ прелестнѣйшихъ Парижскихъ дамъ, недавно вышедшею за мужъ за богатаго помещика, выданъ былъ ему, не знаю за что. По другому векселю, на такую же сумму, деньги, по же, должно было получать онъ жещины, онъ подписанъ какою-то Фанни Мальво, и доставленъ мнѣ продавцемъ полопень. Графиня жила въ улицѣ Гольдере, а Фанни въ Моншмарской. Если бы

вы знали какія романическія соображенія дѣлалъ я, выходя сегодня поушру изъ дома! Какую чувствовалъ горделивую радость при мысли, что, когда эти женщины не могутъ удовлетворить моего иска, то примутъ меня съ такимъ почтеніемъ, какъ бы роднаго отца! Чего не надѣлаетъ Графиня за тысячу франковъ! Разнѣжился, спанетъ говоритъ со мною тѣмъ пріятнымъ голосомъ, которымъ готовился, можетъ быть, разговаривать съ надписавшимъ мнѣ передачу ея обязательства; будетъ распочать мнѣ тысячи ласкательствъ, спанетъ умолять меня, а я

Тутъ старикъ бросилъ на меня взоръ холодный, какъ ледъ.

— А я, непоколебимъ! . . . продолжалъ онъ, я предстою какъ мститель; являюсь какъ угрозеніе совѣсни; но оставимъ гипотезы. Прихожу.

— Ея Сіятельство еще почиваетъ! . . . сказала мнѣ горничная.

Когда же мнѣ можно будетъ ее видѣть?

— Въ полдень.

Ея Сіятельство нездорова?

— Нѣтъ, сударь; но она въ три часа изволила пріѣхать съ бала.

Моя фамилія Гобсекъ скажи ей, пожалуйста, мою фамилію. Въ полдень я приду сюда.

И вотъ я ухожу, запечатлѣвъ мой визитъ на бо-

гапомъ ковръ, покрывающемъ каменныя ступени парадной лѣстницы.

Добравшись до Моншмартской улицы, къ дому довольно незначительному, я приотворилъ старинныя ворота и очутился на одномъ изъ тѣхъ темныхъ дворовъ, куда лучъ солнечный никогда не достигаесть. Уголь, обитаемый привратникомъ, былъ черенъ; спекольчатая дверь походила на рукавъ изношеннаго, на вапшъ, капота: засалена темна и дырвата.

Гдѣ мнѣ найти дѣвицу Фанни Мальво?

— Она вышла; но если вы по векселю, такъ деньги здѣсь

— Я побываю послѣ, сказалъ я; потому, что съ той минутой, какъ я узналъ, что деньги у привратника, мнѣ захопѣлось узнать и должника, котораго я представлялъ себѣ молоденькою дѣвушкой. Я провелъ утро въ разсматриваніи картинокъ, выспавленныхъ на бульварѣ, и ровно въ двѣнадцать часовъ явился въ залъ у Графини.

— Ея Сіятельство сей часъ только проснулась: сказала мнѣ горничная, и я не думаю, чтобъ она могла принять васъ теперь.

Подожду! отвѣчалъ я, и сѣлъ въ кресла, блестящія позолотою.

Едва шпоры въ спальнѣ Ея Сіятельства были подняты, какъ горничная прибѣжавъ, сказала мнѣ:

— Войдите, сударь

По тону, какимъ она произнесла эти два слова, я догадался, что у госпожи ея не было денегъ.

Но какую прелестную женщину увидѣлъ я! . . . Она пискорю набросила канемировую шаль на обнаженные свои плечи, и такъ искусно прикрылась ею, что всѣ обворожительныя ея формы вполнѣ, шакъ сказать, рисовались. На ней надѣтъ былъ капотъ бѣлый, какъ снѣгъ. Черныя ея волосы вырывались изъ-подъ плапка, небрежно на головѣ повязаннаго à la crèole. Поспѣлъ ея представляла картину безпорядка, пріятнаго для взора. Видно было, что сонъ ея былъ безпокоенъ. Драпировка кровати навѣшена была въ самомъ роскошнѣйшемъ вкусѣ; пуховымъ подушкамъ съ голубыми наволочками изъ шелковой матеріи, кружевная опдѣлка еще болѣе придавала опливовъ лазореваго цвѣта. Живописецъ дорого бы далъ, чшобъ взглянуть на эту картину. На длинной мѣдвевой шкурѣ, раскинутой подъ лапами рѣзныхъ львовъ въ кровати краснаго дерева, блистали два бѣлые атласные башмачка, брошенные тутъ со всѣмъ небреженіемъ, происходящимъ отъ упомленія послѣ бала. На стулѣ кинутю было нзмятое платье, котораго рукава висѣли до паркета. Чулки, столь легкіе, что могли бытъ унесены зephyромъ, обвивались вокругъ кресельной ручки, а подвязки волновались вдоль бержерки. Цвѣтны, поясъ, брилліанты, букетъ, перчатки, были тамъ и сямъ разбросаны. Полураспущенное, дорогое опахало, лежало на каминѣ. Ящики комода были выдвинуты. Все блистало роскошью и безпорядкомъ, красою безъ гармоніи, богатствомъ и бѣдностью. Упомленное

лице Графини походило на ея компану, усягнутою оспапками празднества. Всѣ эфтѣ разбросанныя мелочи приводили меня въ жалость. Онѣ казались мнѣ слѣдами любви разгромленной угрызеніями совѣсти, изображеніемъ жизни разсыянной, шумной, роскошной, усиленіями Таншала обнять удовольствія несущественныя. Нѣсколько румянца, рзсыпаннаго по лицу этой дамы доказывало нѣжность ея кожи; черпы лица были, какъ будто, преувеличены. Со всѣмъ тѣмъ, природа сохраняла въ ней довольно силы, такъ что всѣ сіи признаки глупостей не измѣняли красоты ея. Она походила на одну изъ пѣхъ Иродіадъ, которыми мы обязаны кисти Леонарда-де-Винчи—[я торговывалъ и картинами]. Въ ея чертахъ, въ ея округлостяхъ не было ничего посредственнаго, ни что не спѣсняло мысли. Она внушала любовь, но казалась мнѣ милѣе самой любви. Она правила мнѣ. Давно уже мое сердце не трепетало. Я считалъ себя уже удовлетвореннымъ по векселю; потому что готовъ дать болѣе тысячи франковъ за ощущеніе, напоминающее мнѣ о моей юности.

— Милоспивый государь, сказала она, приглашая меня садиться: будете ли вы такъ снисходительны, чинобъ подождать?

До завпрашняго полудня, сударыня, отвѣчалъ я, складывая вексель, который ей показывалъ Я только тогда буду имѣть право протестовать его

Тутъ я говорилъ самъ себѣ:—плапнись за твою рос-

кошь, плашись за твое имя, плашись за ту монополию, которую ты пользуешься. Есть судилища, есть судьи, есть плаха для твоих несчастных, которые не емлютъ куска хлѣба; но для васъ, возлагающихъ на шелковыхъ тканяхъ и подъ бархатомъ, для васъ есть угрызения совѣсти, есть скрежетъ зубовъ, скрытый подъ улыбкою, есть спальные когти сжимающие ваше сердце.

— Протестовать! помилуйте! вскричала она, посмотрѣвъ на меня. Вы такъ мало имѣете ко мнѣ уваженія!

Если бы самъ Король былъ мнѣ долженъ, сударыня, и не плашья, я бы подалъ на него ко взысканію . . . :

Въ эту минушу мы услышали легкій спукъ у дверей комнаты.

— Не лзя, не лзя! повелительно вскричала Графиня.

— А мнѣ бы, Эмилиа, очень хотѣлось тебя видѣть

— Не теперь, мой милый, возразила она голосомъ менѣе жесткимъ, но все еще не ласковымъ.

— Шутница; я слышу, что ты съ кѣмъ-то разговаривашь

И человекъ, который не могъ быть ни ктѣмъ другимъ, какъ Графъ, внезапно вошелъ. Графиня влопуряла на меня.—Я понялъ ее. Она стала моею неволь-

лицей. Ахт! было время, когда я былъ такъ глупъ, что не грозилъ протешпами.

— Что угодно милоспивому государю? спросилъ у меня Графъ.

Я видѣлъ пренептъ жены. Бѣлая, апласистая кожа ея шеи вдругъ сдѣлалась грубѣе. Она, — простонародно говоря, — стала шероховата какъ у курицы. А я, я смѣлся, но мускулы мои не показывали этого смѣха.

— Эпопъ господинъ, сказала она одинъ изъ моихъ поспавщиковъ.

Графъ повернулся ко мнѣ спиною; но я до половины выпянулъ вексель изъ моего кармана. При этомъ неумолимомъ движеніи, молодая дама подошла ко мнѣ, и сунула мнѣ въ руку брилліантъ.

— Возьмите, сказала она, и ступайте!

Мы помѣнялись цѣнностями, я поклонился ей и вышелъ. Брилліантъ стоилъ конечно сочень двѣнадцати франковъ. Я увидѣлъ на дворѣ два великолѣпныхъ экипажа, у которыхъ мыли колеса, и лаксвъ, которые числили свои шипели и сапоги. — Вопъ, подумалъ я, что заводитъ ко мнѣ энихъ людей, что заспавляеть ихъ красъ миллионы со всякою благоприспоепностью и продаванъ свое опечесство. Чтобъ бытъ въ соспоепніи никогда не марашъ своихъ сапоговъ, они одинъ разъ порядкомъ выкупаются въ грязи! въ эту самую минупу, воропа опворилсъ и красное шильбюри шого молодого человекъ, который пе-

редасть мнѣ обязанность Графини, влѣтъ на дворѣ.

— Милостивый государь, сказалъ я ему, когда онъ спустился на крыльцо, вотъ двѣсти франковъ, копорые я покорно прошу васъ доставить ей Сіятельству, Графинѣ; поспридумаетъ замѣнить ей, что восемь дней буду ждать выкупа залога, даннаго мнѣ сегодня. Опъ взялъ деньги съ какою-то насмѣшливою улыбкою, какъ будто хотѣлъ сказать:—А! а! она заплашила! тѣмъ лучше!—На этой физиогноміи я прочиталъ будущность Графини! . . .

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

Н О В О С Т И.

Парижскій балетъ украшается, съ нѣкотораго времени, паланкомъ молодаго шанцовщика *Перрота*, копорый обѣщаетъ быть достойнымъ преемникомъ славы *Дюпора*, *Алберта* и *Поля*. Даже пресерьзная *Gazette de France* опзывается о немъ съ величайшею похвалою, и спавилъ его въ паралель съ дѣвицею *Таліони*, эпою, по испинѣ, богинею цѣльковъ, копорая, какъ кажешся, создана гениальнымъ рѣзцомъ *Фидія* и одушевлена Зевесомъ. Только пакой Зефиръ (*Перротъ*) вправъ порхаетъ около пакой *Флоры*, какова дѣвица *Таліони*, въ извѣстномъ балетѣ сего имени.

Нѣкто Вильдеманъ, родомъ изъ Плимута, показывалъ, недавно, въ Лондонскомъ обществѣ Искусствъ слѣдующій опытъ: Вильдеманъ явился въ собраніе, съ премія роями пчелъ, сидѣвшихъ у него на лицѣ, на плечахъ и въ карманахъ; — ульи поставлены были, между пѣмъ, въ другой залъ. — По первому свистку Вильдемана, пчелы его оставили, и каждый рой занялъ свой улей. По другому свистку, пчелы опять размѣстились на своемъ господинѣ и въ его карманахъ. Этотъ опытъ былъ повторенъ нѣсколько разъ, и пчелы не ужалили никого изъ присутствовавшихъ.

Въ Кобургѣ, одинъ поршней вздумалъ, на дняхъ, застрѣлиться иголками: онъ зарядилъ ими пистолетъ, выстрѣлилъ себя въ рожъ—и умеръ въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ No. XLVI и XLVII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Таинственная странница. Повѣсть. *Стихотворенія*: Болеславъ Смѣлый. Баллада; пер. В. Романовича. СМѢСЬ. Росповзникъ. (Парижскіе правы. **НОВОСТИ**.)

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ: 23 Іюня 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ТАИНСТВЕННАЯ СТРАНИЦА.

П О В Ъ С Т Ъ .

(Продолженіе.)

На другой день, Г-жа Макдональдъ пригласила насъ въ свою комнашу, и съ видомъ, (въ которомъ другъ мой находилъ только милую заспѣнчивость, а я чиналъ мученія нечиспой совѣспи) сказала намъ, что уважая довѣренность Лорда Д*** къ просшому разскасу о ея приключеніяхъ, она желаетъ, по крайней мѣрѣ, для удовольствія друзей своихъ, (при сихъ словахъ она бросила на меня значительный взглядъ) доставить намъ всѣ зависящія отъ нее средства, освѣдомиться о томъ, что до нее касалось; попомъ указала Лорду на сполъ бумагу и чернилицу и просила написать, по ея дикшовкѣ, слѣдующее письмо:

Гг. М*** и С., банкирамъ въ Лондонѣ, въ
Томъ IV.

улицѣ Ломбардовой, для доставленія Г-жѣ М***, женѣ одного изъ сихъ банкировъ.

„Вы много обяжете особу, которой необходимо имѣть свидѣнія, о Г-жѣ Макдональдъ, вдовѣ Подковника сего имени, если извѣсите, въ какомъ положеніи была эта дама, когда осматривала Англію, и сколько ли заслуживаютъ уваженія и похвалы — нравъ и добродѣтели ея, сколько привлекательна ея красота, и сколько того требуетъ благородство ея обращенія. Имѣю честь быть и проч. А. В.“

Р. S. Адресъ на отвѣтное письмо: въ Фальмутъ А. D.

— „Я не вижу никакой надобности обращаться съ подобными вопросами;“ сказалъ Лордъ Д***: свидѣтельство Леди М*** подтвердитъ только то, что я уже знаю.

„Но, Г. Морстонъ,“ возразила Миссрисъ Макдональдъ: „кажется, одобряетъ эту предосторожность. Я бы одобрилъ ее,“ отвѣчалъ я съ важностію: если бы эти свидѣнія доставлены были явно. Почему Лордъ Д*** не подпишетъ своего имени?“

„Потому, что болѣе можно полагаться на истину отвѣта, неизвѣстному лицу, нежели написаннаго къ Лорду Д***.“

— „Точно!“ подхватилъ Лордъ Д***: ваши причины основательны, я не хочу слу-

шать никакихъ возраженій; запечатайте письмо и теперь же отправьте!

Эти слова заставили меня молчать; однако жъ я былъ увѣренъ, что если женщина дѣйствительно хочетъ дать о себѣ хорошее понятіе, то можетъ найти тысячу похвальныхъ средствъ. Скоро полученъ чрезъ почту отвѣтъ такого содержанія.

„Милостивый государь!“

„Хотя письмо ваше написано неизвѣстнойою мнѣ рукою; но я весьма радуюсь, что мнѣ представился случай говорить о Мисрисъ Макдональдъ! Добродѣтели и таланты этой совершенной женщины превосходятъ самую красавицу ея; жаль, что она слишкомъ много сохранила привязанности къ памяти неувѣрнаго супруга; скоропоспѣющую смерть его скорѣе можно назвать счастьемъ, нежели поперею для женщины, дни которой были имъ отравлены. Одна она оплакиваетъ его: всѣ, кто только зналъ эту неровную чешу, радовались случаю, распоргнувшему несчастный союзъ оной! имѣю честь быть и проч. А. М.“

Удовольствіе Лорда Д***, читавшаго письмо сіе, не могло равняться съ удовольствіемъ Мисрисъ Макдональдъ, которая, пробѣжавъ его, опдала мнѣ съ торжествующимъ видомъ; но прелестное лице ея покрылось смертною блѣдностію, когда я сдѣлалъ не-

вольный вопросъ: „какъ Полковникъ Макдональдъ умеръ скоропоспѣжно?“

„Скоропоспѣжно!“ отвѣчала Мисприсъ Макдональдъ, съ разсѣяннымъ видомъ; да, это была скоропоспѣжная смерть! . повторила она, и закрывъ лице руками, вышла изъ комнаты.

Признаюсь, что въ эту минуточку ужаснѣйшее подозрѣніе овладѣло мною; между тѣмъ, какъ другъ мой въ сильномъ волненіи Г-жи Макдональдъ, видѣлъ только обыкновенную горестъ: онъ былъ влюбленъ! Мнѣ кажется, человекъ, который избираетъ себѣ жену въ принадлежкахъ сираспи, походитъ на пьянаго, записывающагося въ солдапы. Хотя подозрѣнія мои и не имѣли ничего опредѣлительнаго, хотя я старался удалить ихъ отъ себя; но о близкомъ супружествѣ Лорда Д*** и незнакомки, не могъ подумать безъ ужаса!

Мы не замедлили оставить Фальмутъ и берега Англіи; и послѣ благополучнаго плаванія прибыли въ Португалію. Спустя нѣсколько времени по прїѣздѣ нашемъ, другъ мой соединился узами брака съ Г-жею Макдональдъ: обрядъ былъ совершенъ въ Лиссабонѣ, Англійскимъ священникомъ, въ присутствіи моемъ и нотаріуса. Къ большей моей печали, я примѣшилъ, что мрачность въ характерѣ новой супруги Лорда, еще болѣе усилилась; во взорахъ ея и поступкахъ со мною

видна была холодность, близкая къ отвращенію.

Но ежели былъ хопя одинъ человекъ, котораго превосходныя качества и тихій нравъ могли внушить любовь и сдѣлать ее продолжительною, то это навѣрное былъ Лордъ Д***; къ прекрасной наружности, ловкому и благородному обращенію, онъ присоединялъ привлекашелейный характеръ и нѣжную, чувствительную душу. Я не зналъ ему равныхъ; а между тѣмъ видѣлъ, что женщина, кою той онъ ввѣрилъ честь свою и свое благополучіе, казалось, была болѣе покорною жертвою, нежели счастливою супругою. Это мучительное размышленіе не приходило на мысль Лорду Д***; въ поведеніи неизъяснимой своей подруги онъ видѣлъ только скромность, приличную ея полу, и счастье его равнялось моему безпокойству. Я всегда презиралъ народные предразсудки и во всю жизнь мою старался испребитъ свои собственныя; но въ эту минуту, вопреки самому себѣ, давнее отвращенію мое къ Шотландіи, снова воспріяло свою силу; я припомнилъ одну женщину изъ этой страны, по имени *Екатерину Пантъ*, подвергшуюся преслѣдованію законовъ, за умерщвленіе своего мужа; страшное сходство представилось разспросенному моему воображенію Новая Леди Д*** родилась въ Сень-Клеръ, пер-

вый мужъ ея умеръ скоропостижно; онъ былъ невѣренъ; натуральная смерть его не должна бы печалить надолго, оставшуюся часть него супругу; не взирая на то, Г-жа Макдональдъ никогда не надѣялась обрѣсти ни счастья, ни спокойствія Тяжесть, которая видимо удручала ея сердце, не уже ли была дѣйствиемъ одной только горести.

Мои подозрѣнія были такого рода, что ихъ не возможно было никому сообщить, и я старался изгнать ихъ изъ моихъ мыслей и скрыть отъ замѣчанія другихъ. Но не смотря на то, я скоро примѣтилъ, что Леди Д*** наблюдала за мною съ особеннымъ вниманіемъ, какъ бы, стараясь угадать мои мысли.—Я по секрету писалъ къ одному изъ друзей моихъ въ Лондонъ, чтобы имѣлъ какія нибудь подробности, касательно Г-жи М. жены Банкира, отъ которой получено письмо, извѣщавшее о Г-жѣ Макдональдъ; я хотѣлъ знать; въ какой степени вѣроятія можешь быть принято свидѣтельство сей женщины, но не писалъ, для чего мнѣ это нужно. Я получилъ отвѣтъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, удовлетворительный; меня увѣряли, что Мисрисъ М. заслуживала всякое почтеніе и довѣріе; спорогія правила ея не позволяли думать, чтобы она могла быть, въ сношеніи съ женщиною, слава коей была хотя бы малѣйше двусмысленна. И такъ ос-

павалось узнать: въ самомъ ли дѣлѣ Леди Д*** была дружна съ Миссрисъ М.

Не писали ль вы, Миледи, къ Миссрисъ М. сказалъ я однажды; о вашемъ бракѣ?

Нѣтъ, сударь, отвѣчала Леди Д*** съ живостию и съ нѣкошорымъ родомъ негодованія, но съ видимымъ замѣшательствомъ; я во все не писала къ ней, да и не думаю писать!

Почему же, любезная Розабелла? спросилъ Лордъ Д***?

Пошому, что я не имѣю никакихъ дружескихъ сношеній съ Миссрисъ М., она опшывалась всегда съ неуваженіемъ о покойномъ моемъ мужѣ; и я спрашиваю васъ, Милордъ, могли ли бѣ вы обходитесь дружески съ особою, неимѣющею почшенія къ супругу, о кошорой вы сожалѣете?

— Конечно, нѣтъ! отвѣчалъ Лордъ Д***, я раздѣляю ваше неудовольствіе, и ваше молчаніе нимаго меня не изумляетъ.

Я ничего не сказалъ, но, кажется, посмопръль пристально на Леди Д***, ибо она бросила на меня свирѣный взглядъ. Отвѣтъ ея показался мужу отвѣтомъ нѣжнаго чувства; но я не находилъ въ немъ ни признательности, ни справедливости. Продолжая мои вопросы, я сказалъ, съ нѣкошорою досадою: писали ль вы, сударыня, по крайней мѣрѣ, къ комунибудь изъ вашихъ дру-

зей или родственниковъ? . . Я уже сказала вамъ, опвѣчала Леди Д^{***}, насмѣшливымъ тономъ, что я имѣю родственниковъ весьма далескихъ, которые, можетъ бытъ, никогда не услышатъ обо мнѣ; что жъ касается до друзей моихъ, то изъ нихъ нѣтъ ни одного, о которомъ бы воспоминаніе не было для меня тягостно; я желаю, чпобъ и они забыли меня. Эпа компаня составляетъ для меня весь міръ! прибавила она, бросивъ на мужа спраенный и нѣжный взглядъ.

Женщина, которая шакъ говорила, была слишкомъ молода и прекрасна; шощъ, къ кому опносились слова сіи, былъ шакъ же молодъ, чувствивпенень и, что всего болѣе, обожашель красопы; Лордъ былъ шакъ счастливъ своимъ заблужденіемъ, что я почипалъ преснущеніемъ, выводилъ его изъ онаго, если бы даже и имѣлъ къ тому средства: я зналъ, что неразрывныя узы соединяли уже его съ Г-жею Макдональдъ.

Пробывъ въ вояжѣ довольно долгое время, мы рѣшились опстановипсь въ Лозаннѣ, на нѣсколько мѣсяцовъ; а опшуда опправипсь въ Марсель. По пріѣздѣ въ Лозанну, Леди приглашена была однажды въ общеспво; я замѣшилъ, что она не иначе приняла это приглашеніе, какъ освѣдомясь напередъ обо всѣхъ особахъ, соспавлявшихъ общеспво. Казалось, у нее родилось желаніе показашься въ

свѣшѣ и принять дань удивленія своимъ достоинствамъ. Благородная важность внушала къ ней самое глубокое уваженіе; а разговоръ, очаровывалъ всякаго, кпо ее слушалъ. Я замѣнилъ, что она охотнѣе говорила съ мужчинами, нежели съ дамами: превосходя послѣднихъ умомъ своимъ, ей казалось шагостно принуждать себя примѣняться къ образу ихъ понятій.

Мы часто ѣздили по озеру. Во время прогулокъ музыка и пѣніе составляли самую пріятную и меланхолическую гармонію: Леди Д***, въ напѣвахъ унылыхъ Шотландскихъ арій казалась мнѣ несравненною; эти проспые, попрысающіе душу звуки, перенося ее въ эпоху юности и невинности, придавали всей ея физіогноміи неземное выраженіе.

Но эти прогулки по озеру скоро прекратились, и мы послѣшили отъѣздомъ изъ Лозанны, по слѣдующему обстоятельству.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Р О Щ А.

Есть роща въ дальней сторонѣ;
Она прекрасна при лунѣ —
Когда лунѣ дрожащій свѣтъ,
Сквозь лисья, землю обольщѣтъ;

Она прохладна въ жаръ дневной:
 Ея вершины гусипотой
 Опъ зноя дия ошдѣлена
 Ея земная спорона.

Преданье есть, что роща ша
 Какимъ-то духомъ закупа;
 И что залогомъ клятвы сей,
 Въ ней поселился соловей:
 И онъ живеть, и онъ поеть,
 Пока весна въ поляхъ цвѣшетъ;
 И онъ молчитъ, и въ даль глядитъ,
 Какъ осень рощу обнажитъ.

Тотъ духъ, когда онъ плоть носилъ,
 Земную дѣву полюбилъ;
 Любимъ былъ ею—и она
 Имъ въ облака опнесена,
 И съ облаковъ, надъ рощей пой,
 Въ залогъ любви своей земной,
 Они спустили соловья
 Въ свои любимые края.

И онъ живеть, и онъ поеть,
 И тайны рощи спережетъ.
 Кто не любилъ, не былъ любимъ —
 Тому пупъ къ рощѣ невидимъ;
 Но кто носилъ въ груди любовь,
 Тому знакомъ завѣпный кровъ,
 И соловей, и облака,
 И голосъ духа съ высока

Н. Стаселовъ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Воспитанникъ любви, или какъ онъ перелыпился!
 Комедія—водевиль, переведенная съ Французскаго Г. Лепскимъ.—*Горе безъ ума*, новый водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненный актеромъ Г. Каратыгинымъ м. *Дивертисселментъ*, составленный, (какъ водится,) изъ разнохарактерныхъ панцовъ и плясокъ. На большомъ театрѣ, 25 Мая, [бенефисъ Г. Дюра.]

Жанъ-Дюранъ, молодой человекъ, съ добрымъ сердцемъ, съ прекрасными способностями, но безъ всякаго образованія, оказываетъ случайно услугу Г-жѣ *Делильи*, вдовѣ знатной фамиліи,—влюбляется въ нее — и, видя, какъ велико разстояніе между воспитанною свѣтскою женщиною и записнымъ героемъ *алагера*, осуждаетъ самъ себя на двухгодичное изгнаніе изъ общества, заключаетъ въ своей квартирѣ, беретъ уроки, шурдитъ, и, какъ бы переродясь, является снова въ свѣтъ ловкимъ и любезнымъ кавалеромъ; Г-жа *Делильи* равнодушная къ *Дюрану* и прежде, отдаетъ ему теперь свою руку. Вотъ краткое содержаніе не краткаго, но занимательнаго водевиля. Г. *Дюръ* былъ очень хорошъ въ роль *Дюрана*: обѣ эпохи изъ жизни воспитанника любви ведены были, эпизимъ молодымъ артистомъ, отчестно. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать того же о Г. *Рязанцовѣ*: онъ не дурно сыгралъ роль стараго панцимейстера *Риголлера*; но довольно ли этого для артиста, каковъ Г. *Рязанцовъ*? Не разиространяясь много, посовѣтуемъ

ему, для собственной его пользы, взглянуть хоть разъ на Г. Veruet, въ роль Риголяра. Г-жи *Салойлова*, *Сосницкая* и *Шелехова б.* доставили зрителямъ истинное удовольствіе, своею натуральною, прекрасною игрою. Какъ ни незначительны роли Г-жи *Медокъ* и *Аделаиды*, однако не лъзя не порадоваться, что первая изъ нихъ не доспалась Г-жѣ Гусевой, а вѣпоря Г-жѣ М . . . по объ эпомъ послѣ.

«*Нтъ худа безъ добра!*» говоритъ Русская пословица; а мы скажемъ на оборотъ: *нтъ добра безъ худа!* послѣ веселаго, остроумнаго и вполнѣ удовлетворяющаго вкусу образованной публики водевиля: *Воспитанникъ любви*, нашъ новичекъ-бенефициантъ угостилъ посѣпипелсей своихъ чудомъ чуднымъ, дивомъ дивнымъ, названнымъ въ афишѣ новымъ водевилемъ: *Горе безъ ума*. Постараемся разсказать читателямъ довольно длинную исторію о рожденіи сего знаменитаго водевиля: «*вода безъ тегній зарастаетъ; словесность и искусства безъ критики упадаютъ!*» Это аксіома дознанная въками. Дѣльныя, остроумныя рецензіи, помѣщаемыя постоянно, болѣе прехъ лъпъ въ лучшей газетѣ нашей, принесли ошупипельную пользу: очищенный отъ многихъ литературныхъ плевелъ репертуаръ, сблизается мало по малу со вкусомъ образованной публики; неупомимые поставщики сценическаго спадобья не получаютъ уже плапы за перефразировку старыхъ комедій, за переписку давно извѣспныхъ водевилей (*), или, напоследокъ, за такія піэсы, копо-

(*) Эту переписку называли, въ старые годы, переводами!

рья никогда не появлялись на сценѣ. Отличнѣйшіе артисты наши [къ сожалѣнію не всѣ]; руководимые благоразуміемъ, при всей своей опытности, при всей извѣстности, утвержденной годами, не считали за лишнее — пользоваться благоразумными замѣчаніями рецензента; и артисты и публика въ выигрыш! Даже записные угодники райка познали, хопя не такъ-то скоро, щещу горьныхъ хвалебныхъ возгласовъ, щещу поднебеснаго преска и грома, услаждавшаго ихъ въ былое время: они посыпали пепломъ

Главы, лишеныя волосъ,

Ихъ изсушила грусть, и вътеръ ихъ разиеть!

схоропили и оплакали свои фарсы . . . Но *иптъ добра безъ худа!* сказали мы выше: посредственность всегда раздражительна, совершенная бездарность раздражительна еще болѣе; — безъ критики убаюкивали первую случайныя рукоплеканія свыше,—вторая, играя на сценѣ въ жмурки, воображала, что играетъ не хуже истиннаго таланта; шой и другой казалась легкою дорога на Парнассъ,

А Парнассъ гора высокая,

И дорога къ ней опасная

сказалъ безсмертный Карамзинъ, — и вдругъ [кому пріятно такое пробужденіе?] неучтивая Г-жа критика полкаешъ ихъ и онъ лепяшъ стремглавъ

Не съ вѣнками, и не съ лаврами, . . .

Но съ ушами, ахъ, ослиными . . .

«Плохо, голубушка сестрица; очень плохо намъ!» такъ говорила злая посредственность медяной без-

дарности: «вѣпъ жипья опъ эшого просвѣщенія, опъ этой неугомонной криптики! . . . то ли дѣло безъ нихъ! . . . Но, послушай, родимая сестрица: онъ сытъ купца—и колошинъ насъ! . . . Давай защищайся,

— Доколь стаець нашихъ силъ,
Бумаги, перьевъ и чернилъ! . . .

Вѣдь, есть же у насъ на Руси компаніи: дилижансовъ и транспортовъ, омнибусовъ и фазмоновъ; заведемъ-ка мы компанію антикриптикъ и водевилей, изложимъ нашего пропивника, не пощадимъ его ни рода, ни племени; только смѣле, голубушка-сестрица!

Приличія и скромность вздоръ
За насъ горой Апраксинъ дворъ!

Сказано и сдѣлано: Дирекшоромъ компаніи избранъ талантъ, алкавшій похвалъ безусловныхъ и неперпѣвицъ ни малѣйшихъ замѣчаній. Но, когда за, такъ называемыя, антикриптики, дорого поплатились журналистамъ, не слишкомъ грамотные Гг. Антикриптики, то компанія принялась за водевилы: состряпала сперва, *знакомыхъ незнакомцевъ* и темную *Сентябрьскую ночь*; а напоследокъ разрѣшилась *Горемъ безъ ума!* (*) Это *горе-пѣса* не пѣса, а такъ славная поб-

(*) Напрасно клеветаютъ на добраго Г. *Каратыгина* м. будто онъ сочинилъ эти водевилы; долгъ справедливости заставляеть насъ оправдать невиннаго, и мы, имѣя, самыя достоверныя свѣденія, смѣшимъ уверить нашихъ читателей, что многія сцены въ первыхъ пѣсахъ написаны Русскимъ Тальмою, что лучшіе въ нихъ куплеты принадлежатъ одному Бушафорскому помощнику, и что *Горе безъ ума* есть дитя всей чесной компаніи.

рапка всѣмъ Пепербургскимъ журналистамъ, побольше другихъ одному театральному Рецензенту. *Дураковъ, ословъ, болвановъ, дурачковъ, пестяждъ* и другихъ благоприспойностей, въ эпозъ водевилъ не пересчиташь; досталось порядкомъ и разцвѣпающему у насъ просвѣщенію: каковы, напримѣръ, слѣдующіе стихи? . . .

«Знашь приходишь просвѣщеніе
 «Въ наше славное отечество,
 «Жоль пуспилось въ сочиненіе
 «Наша братія-купечество!
 «На Руси у насъ съ недавнихъ поръ
 «Все примѣшно улучшается,
 «И ужь темный панъ госпинный дворъ
 «По не многу просвѣщается!»

Да, Мм. Гг. просвѣщается не только госпинный дворъ, просвѣщаются всѣ сословія въ Имперіи! И не уже ли, вы изволили думать, что для писателя необходима дворянская грамота? Если такъ, то по какому же праву вы-то господа, *пустились въ сочиненіе?*

Положимъ, что вамъ неизвѣстно: сколько гениевъ всѣхъ вѣковъ и земель родились даже не въ купечествѣ, но въ самомъ низкомъ, по вашему мнѣнію, звани; но возможно ли, чпобъ никто не говорилъ съ вами о театрѣ? возможно ли, чпобъ никто не сказалъ вамъ, что еще недавно, изъ скромной кухарки образовалась знаменитѣйшая въ Европѣ трагическая актрисса; чпю простая, неповоротливая горничная одного балетмейстера превратилась, въ послѣдствіи,

въ первую пантомимную шаццовицу? . . . Возможно ли, чпобъ вы не слыхали, кто были: опецъ Русскаго театра *О. Г. Волковъ* и краса нашей сцены: *А. С. Яковлевъ*, *П. А. Плавильщиковъ* и другіе отличные артисты? . . . за нихъ обязаны мы купечеству и обязаны тѣмъ болѣе, что таланты не умираютъ, а какъ Фениксы, возрождаются въ новыхъ талантахъ: не будь *Волкова*, не было бы театра и *Яковлева*; не будь *Яковлева*, не выдали бы намъ, теперь, достойнаго преемника его славы *Г. Каратыгина б.*

Впрочемъ, *новый водевиль: Горе безъ ума*, въ сценахъ, гдѣ авторы пересказали, или, правильнѣе сказать, успавали браишься, довольно забавенъ; и не мудро: *«уль хорошо, два лучше!»* если вѣрять пословицѣ; а *Горе безъ ума*, кропали съ десятокъ умовъ ! !

Гг. *Дюръ* и *Рязанцовъ*, первый въ роль Дмитрія Яшуткина, а послѣдній въ роль Савелья Максимовича Оскомина, болѣе прочихъ снискали рукоплесканій. Г-жу *Ежову* трудно было бы замѣнить, на сей разъ, другою актриссою: она, Г-жа *Ежова*, играла и [!!!!] пѣла отъ души; мы видѣли въ ней *истую Оскомину!* Г. *Григорьевъ б.* представлялъ дядю Яшуткина, и вовсе не понялъ своей роли: въ какомъ-то, непоспешимомъ для насъ, восторгѣ, онъ чрезвычайно возвышалъ свой голосъ на каждой изъ упомянутыхъ выше благопристойностей; отъ чего разговоръ его и пѣніе обратились въ крикъ, со всѣмъ неприличнѣй

почтенному Русскому купцу, [какимъ хопъла изобразить старика Яшушкина компанія водевилей.] О Гг. *Шеллаевъ* и *Воротниковъ*, по незначительности ихъ ролей, не говоримъ ни слова... Виноваты! забыли, было, про Г-жу *Марсель!*... Эта актриса-пѣвица явилась вновь на сцену *Степанидою Савельевою Осколитою*; скажемъ, единожды навсегда, наше безпристрастное о ней мнѣніе: Г-жа *Марсель*, можетъ быть и хороша для *Марселя*, (*) по не правится Петербургской публикѣ.

Друзья компаніи, поселившіеся въ юдольныхъ ступляхъ и горнемъ амфитеатрѣ, усердно выколачивали аплодиссементы и выкрикивали *браво!* По окончаніи пѣсы, они вызвали авшора—и Г. *Каратыгинъ* л. вышелъ на сцену!

«Этотъ водевилъ напоминаетъ мнѣ сказку о мышахъ, которые собирались съѣсть коша!» сказалъ почтенный мой кресельный сосѣдь, выходя со мною изъ театра.

Данный въ заключеніе спектакля дивертиссементъ былъ первымъ дебютомъ Г. *Дюра* въ бенефисной промышленности: розданные предварительно афиши обѣщали зрителямъ, что они увидятъ въ этомъ дивертиссементѣ всѣхъ лучшихъ персонажей нашей балетной труппы; но мы не видали и половины обѣщаннаго!

Богданъ Пестовской.

(*) Известный городъ въ Южной Франціи.

С М Ъ С Ъ.
Р О С Т О В Щ И К Ъ.

(П А Р И Ж С К І Е Н Р А В Ы.)

(Окончаніе.)

Прихожу въ Монтмарскую улицу, къ дѣвицѣ Мальво. Взбираюсь по маленькой, крушой лѣстницѣ, въ пятой этажѣ; меня вводятъ въ хорошо убранный покойчикъ, гдѣ все было чисто. Я не замѣтилъ ни малѣйшаго слѣда пыли ни на одной изъ простыхъ мебели, украшавшихъ комнату, въ которой приняла меня Фанни. Въ должницѣ моей я видѣлъ молодую дѣвушку, прелесную и скромную, какъ ангелъ Здѣсь было со всемъ не то, что у Графини; я былъ пронутъ. Я чувствовалъ въ себѣ расположеніе оставить Фанни деньги, которыя, между тѣмъ, пересчитывалъ, и Графининъ брилліантъ; но подумалъ что этотъ подарокъ можетъ ей же послужить во вредъ; и сообразясь хорошенько, взялъ съ собою и то и другое, тѣмъ болѣе, что брилліантъ, для подарка актрисѣ или невѣстѣ, могъ быть купленъ молодымъ человекомъ франковъ тысячи за полторы. Да и не сказать, можетъ быть у Фанни есть двоюродный братецъ, который изъ моего брилліанна сдѣлалъ бы себѣ булабочку, и прокушалъ бы тысячу франковъ.— Когда вы вошли ко мнѣ; я думалъ о томъ, что дѣвица Мальво могла бы быть доброю женою.— Недавно дѣвѣ продумаю я о сей чистой и уединенной жизни,

сличая ее съ жизнью Графини, копорая одною ногою спушила уже на стезю порока!

— Ну, что жь? продолжалъ онъ, послѣ глубокаго молчанія, во все время котораго я приспально глядѣлъ на него,—ну, что жь? какъ вы думаете, развѣ ничего не значить умѣть такимъ образомъ проникать въ сердце человѣческое, постигать жизнь другаго, видѣть ее такъ сказать какъ на своей ладони? Вошь зрѣлице непрестанно измѣняющееся; раны отвратительныя, скорби смертельныя, сцены любовныя, бѣдствія копорыхъ предѣлъ въ волнахъ Сены, удовольствія юношей ведущія на плаху, смѣхъ отчаянія и празднества великолѣпныя. Вчера трагедія: опецъ доведенный до самоубійства потому, что не можетъ уже добыть и куска хлѣба для своихъ дѣтей. Завтра комедія: молодой человекъ попробуетъ сыграть роль Г. Диманшь, съ варіантами. Я слышалъ какъ хвалили краснорѣчіе Мирабо. — Во время оно я внимательнo слушалъ его слова: никогда онъ меня не трогали. Но какъ часто молодая влюбленная дѣвушка, старый негоціантъ, близкій къ банкротству, мать старающаяся скрыть проступокъ своего сына, человекъ неимѣющій куска насущнаго хлѣба, вельможа лишенный почестей, заспавляли меня содрогатьея опъ силы ихъ рѣчей. Величественныя актеры, они играли для одного меня. Но меня не обмануть. Мой взоръ, проникающій: онъ видѣть въ сердцахъ. Ни что не сокроется опъ него. Чего жь

не достаетъ мнѣ? Я все имѣю. Ни въ чемъ не откажущь тому, кто имѣетъ власнь вязать и разръшать шнуры кошелька. Можно купить и чиновника и совѣсть, вотъ могущество; можно купить и женщину и нѣжнѣйшія ея ласки, вотъ красота и наслажденіе; можно все купить! Мы безвѣстные и молчаливые цари жизни; ибо деньги,—это жизнь. Но если я все наслаждался, то все и пресытился. Насъ, подобныхъ мнѣ, десятка три въ Парижѣ. Связанные одинаковыми выгодами, мы въ нѣкоторые дни недѣли сходимся въ одномъ изъ кофейныхъ домовъ, близъ новаго моста. Тамъ мы сообщаемъ другъ другу все таинства финансовъ. Никакое богатство насъ не удивляетъ; мы знаемъ тайны всехъ семействъ, и имѣемъ нѣкоторый родъ черной книги, куда заносимъ важнѣйшія замѣчанія объ общественномъ кредитѣ, о банкѣ и о торговлѣ: мы тщательно разбираемъ самыя незначительныя дѣйствія. Мы, такъ сказать, казуисты биржи. И я, и мы все, достигли до того, что по примѣру Іезуитовъ, любимъ власть и деньги, имено для власни и для денегъ.

— Здѣсь, сказалъ онъ мнѣ, показывая на сырую и холодную свою комнату, здѣсь любовникъ самый пылкій, который за одно слово приходитъ въ бѣшенство, и за одно слово обнажаетъ свою шпагу, пріемлетъ умоляющее положеніе; здѣсь проситъ негоціантъ самый гордый; здѣсь проситъ женщина самая щедрая своею красою; здѣсь проситъ знаменнѣйшій

воинъ, и писашель, имя котораго завѣщено потомству; здѣсь наконецъ, прибавилъ онъ, поширая свой лобъ, находясь въсы, на которыхъ взвѣшиваются будущія наслѣдства и даже весь Парижъ! . . .

— Ну, что жъ? думаете ли вы шенерь, что нѣтъ возможности веселиться подъ эпой бѣлою маскою, подвижность которой вась шакъ часно удивляла? сказалъ онъ, протягивая ко мнѣ блѣдное свое лице, опять котораго пахло деньгами.

Удивленный до безконечности возвратился я домой. Въ моихъ глазахъ, эпопъ худенькой, маленькой снаричекъ, повыросъ. Онъ спалъ для меня фантастическимъ виднѣемъ. Я видѣлъ олицетворенное могущество золопа. И жизнь и люди мнѣ опропивѣли. Уже ли все должно кончиться на деньгахъ? —

ИЗВѢСТІЕ.

25 числа текущаго Іюня скончался здѣсь опять холеры, извѣстный своею ученошью и трудами, Профессоръ С. Петербургскаго Университета. Николай Прокофьевичъ Щегловъ.

СОДЕРЖАНІЕ No. XLVIII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Таинственная спрашница. Повесть. *Стихотворенія*: Роца; соч. Н. Станелова. РУССКІЙ ТЕАТРЪ. Воспитанникъ любви, Горезе безъ ума. СМѢСЬ. Ростовщикъ. ИЗВѢСТІЕ.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 26 Іюня 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.